

№ 2
2013

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Зам. главного редактора Р. К. БЕГЕМБЕТОВА

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ** (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ**
(г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы),
Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Поэзия

Э. Барсуков. Дороги дальние, дороги ближние. Стихи	3
В. Зубов. «С верой своей не расстался...». Стихи	28
А. Борычев. «Увидеть мир во всей его красе...». Стихи	36

Проза

Р. Махатадзе. Кладбище веры; Чудо музыки; Просящий и подающий	10
М. Валеев. Нож	31
Б. Рамазанова. Одиночество в большом городе. Главы из повести «Заветные строчки»	43

Память

Т. Сыздыков. Часы судьбы пробили двенадцать	59
--	----

Наш общий дом

С. Жагипаров. Дороги отваги и мужества	62
---	----

© «Нива», 2013, Астана

Документальная проза

- Е. Мосина.** Когда реки текли в гору (*продолжение*) 67
И. Шухов. Заметки без назиданий 111
-

К 60-летию целинной эпопеи

- В. Владимиров.** Оглянись не в досаде. Ещё раз о том, что такое Целина (*продолжение*) 91
-

Культура. Общество. Личность

- Н. Шафер.** Неудачный реванш 118
-

Параллели и меридианы

- А. Волков.** Дневник отдыхающего путешественника (*продолжение*) 123
-

Искусство

- Е. Резникова.** Таинство души и творчества 168
-

Далёкое — близкое

- Ю. Поминов.** Память сердца 141
Т. Бернякович. Родина моей души 142
-

Краеведение

- Г. Муканова.** Копал в судьбе Чокана 166
-

Природа и мы

- Б. Ахмедиев.** Туз 171
-

Приключения. Детектив. Фантастика

- В. Цуркан.** Монумент. Рассказ 175
-

Сатира и юмор

- В. Третьяков.** Гороскопофобия 190
-

Изоальбом «Нивы»: из работ Тилеужана Батанова.

К сведению читателей

В декабре 2012 года сайты нашего журнала www.niva-kz.narod.ru и www.niva.ucoz.kz посетили 1088 читателей из 17 стран: 629 из них — жители Казахстана, 266 — россияне. Остальные представляют США, Украину, Германию, Израиль, Австралию, Беларусь, Исландию, Бельгию, Мальту, Италию, Кыргызстан, Молдову, Швейцарию, Финляндию, Францию.

Эдуард БАРСУКОВ

Дороги дальние, дороги ближние

Пока плывут облака

Как хорошо, где лес да нива,
идти вдвоём — в руке рука,
пока светясь, неторопливо
плывут по небу облака.

Ты зачерпни воды Придонья,
приблизь к глазам и удивись,
когда заплещутся в ладонях
и эта даль, и эта высь.

Пока их путь — широким фронтом,
пока мерцают вдалеке,
скрываются за горизонтом
и продолжают в реке.

Тенистый сад и двор с колодцем,
движение стад на водопой,
степной простор, прогретый солнцем,
распахнутый для нас с тобой.

В лучах весны неугомонных,
в текучих отблесках зарниц
река струится в перезвонах
и в пересвистах певчих птиц.

Когда восходы и закаты
затопят кроны ивняков,
в них погружаются регаты
скользящих в дымке облаков.

Всевышний свет и отсвет ближний
несёт в себе издавека
река быстротекущей жизни
и мудрой вечности река.

И мы глядим на них счастливо,
и нам идти — в руке рука,
пока светясь, неторопливо
проходят в небе облака.

Земля

Быть поближе к земле. С этой истиной вечной знаком я,
хоть живу на асфальте, но степи и пашни люблю.
Я в саду разминаю сухие слежалые комья,
разбиваю лопатой и граблями мелко рыхляю.

Прокопаю ложбинку иль сделаю лунку просторней —
лягут в них семена и, невзгодам лихим вопреки,
будут почву буравить во тьме непокорные корни
и выталкивать к солнцу набравшие силу ростки.

**Эдуард
Григорьевич
БАРСУКОВ**

член Союза российских писателей, поэт, переводчик, журналист. Жизнью и творчеством тесно связан с Казахстаном, с павлодарским Прииртышьем. Автор книг «Багряные зори» (Ростиздат, 1980), «Вечное небо» (Гефест, 1993), «Театр судьбы» (Орбита, 1993), «Гроза на двоих» (Новая книга, 2003), «И древо жизни шелестит листвою» (Ковчег, 2008), «Щенок повышенной опасности» (Стихи для детей, Ньюанс, 2010), «Голоса, которые не отзывались» (Воспоминания, размышления, эссе, Ньюанс, 2010), «Весна в заснеженном окне» (Альтаир, 2012). Живёт в Ростове-на-Дону.

В «Ниве» выступает впервые.

Пусть горит, разгораясь, цветения буйное пламя,
время выдует почки, чтоб к сроку с плодами успеть.
Пахнет в чаще лесной земляникой, брусникой, грибами.
Встанут в поле хлеба. Задымится полынная степь.

Быть поближе к земле, породниться с ней счастьем и болью
под огнём суховея, под стылым осенним дождём.
Помоги ей в беде, и, как мать, отзовётся с любовью,
всё оплатит сполна — чернозём ли, подзол, глинозём!

И куда б ни уехал, какие бы в жизни круженья
ни пришлось пережить, ощущая душевный разлад, —
на себе испытаешь всю силу её притяженья,
и она позовёт, и заставит вернуться назад.

Нет, вовеки и присно не будет она позабыта,
и привязанность к ней никакой не заглушит бурьян —
к той земле, что солдатскую кровью полита
и засеяна потом обильным кормильцев-крестьян.

Быть поближе к земле...
А настанет пора — ну и что же...
Снег расстелется саваном в поле, у балок и рек.
Ляжешь в землю — в её материнское ложе,
станешь сам ты землёю, с которой сроднился навек.

Урок

Как хорошо ты, о море ночное...
Ф.И.Тютчев

Учитель, от загара чёрный,
ероша ёжик пятернёй,
следил на сборе удручённо
за нашей звонкой трескотнёй.

Он говорил потом сурово,
прищулив холодно глаза,
что есть божественное слово
и есть, простите, словеса.

И прямо здесь, на нашем сборе,
пленённый тютчевской строкой,
он прочитал стихи о море,
что так прекрасно в час ночной.

Он был чудак. Но мы не смели
лезть перед старшим на рожон.
Мы все учителя жалели
за то, что безыдейный он.

Но, радуясь великолепию
цветов и трав июньским днём,
мы вслед за ним кружили степью,
слегка прихваченной дождём.

Мы шли, где клевер, розовея,
за нами устремлялся вслед,
где цвет сиреневый шалфея
и жёлтый волжский горицвет.

И задевая синь вербены
и бледно-розовый вьюнок,
седой учитель вдохновенно
под низким небом вёл урок.

Он трогал травы осторожно,
и узнавали мы тогда,
как исцеляет подорожник
и как врачует череда.

Он слышал в тучах лёт орлиный,
дрофу в кудрявце и овсе
и край былинный и полынний
нам открывал во всей красе —

с его курганами крутыми,
с набегами сухих ветров

и небом в мареве и дыме
над бездной балок и яров.

И тютчевским размерам вторя,
сквозь заросли лесополос
зелёное шумело море...
И это Родиной звалось!

Пушкиногорье

*... Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.*

А.С.Пушкин

Какие здесь высокие снега!
Слепят и кружат —
целый мир в ознобе...
Скользит и оступается нога-
и ты уже до пояса в сугробе.

В белёсой тьме и роща,
и пустырь.
И вдруг внезапно
из-за поворота
всплывает Святогорский
монастырь —
высокий шпиль и древние ворота.

Здесь тот предел.
Здесь твой приют, поэт.
А снег валит,
а снег узоры вяжет,
и всё ж не замечает санный след
возка с его печальной поклажей.

У обелиска светятся из тьмы
громады лип — наперекор стихии,
за ними рощи, парки и холмы...
А дальше — лес,
А дальше — всё Россия!

Я шёл сюда как за живой водой,
я шёл всю жизнь —
ни мало и ни много! —
и вот стою усталый
и седой
у этого священного порога.

И гул столетий слышится вдали,
и ощущаю сквозь снегов круженье
седые дали пушкинской земли,
их тайный зов и силу притяженья.

Науму Григорьевичу Шаферу

Дожди ль стучат о подоконник,
деревья ль в снеговом плену —
всегда настроен мой приёмник
на павлодарскую волну.

Живёт в равнинной той сторонке
музыковед и критик тонкий.
Дорогой, где летят авто,
идёт он в меховой шапчонке
и в сером драповом пальто.

Зимы суровая реальность,
метелей жёсткий приговор.
А он-то знает с давних пор:
в порывах ветра не фатальность,
а оркестровая тональность —
и фа мажор и ре минор.

В студёной снежной карусели
что там? Не чудо ль из чудес? —
Спускаясь весело с небес,
аккомпанируют метели
ваганты, барды, менестрели
с гитарами наперевес.

И радостно ему, однако,
и очень славно на душе,
что Дунаевский и Булгаков
давно живут на Иртыше

И что, часов не замечая,
всем горестям наперекор
они ведут за чашкой чая
неторопливый разговор.

Он им расскажет о навете,
о годах, брошенных на ветер,
о наледи крутых дорог...
Нет, никаким ветрам на свете
не сбить его отныне с ног.

И если совесть в униженье,
сорвёт он маску услуженья
с лица лжеца и подлеца.
За правоту, за убежденья
он будет биться до конца!

И может быть, судьбе угодней,
чтоб средь ненастий и невзгод
шёл по шальной земле сегодня
последний в мире Дон Кихот.

В белёсой мгле плывёт округа,
метели рвутся на простор.
А в проводах выводит вьюга —
и фа мажор и ре минор.

Юрию Дмитриевичу Поминову

Занесла мои уголья
снегом зимушка-зима.
Тонут в дымном хороводе
и деревья, и дома.

Стыло небо над округой,
лют февраль в родном краю...
Чёрным смерчем, белой вьюгой
заметает жизнь мою.

Я давно уже не молод —
пронеслись мои года:
были в них война и голод,
и работа, и нужда.

Жил и жил, как все на свете,
но состарился, когда
подросли внезапно дети,
упорхнули из гнезда.

Где вы все мои родные?
Где друзья, с кем вместе рос?
Кто уехал, а иные
перебрались на погост.

Что за доля нам досталась —
и доньше не пойму:
только старость да усталость
с одиночеством в дому.

А мороз всё круче, круче,
всё темнее неба синь.
В тонкий лёд оделись сучья
обмороженных осин.

Ничего не позабыто:
абажур, интимный фон,
Рио-Рита, Рио-Рита —
довоенный патефон.

Мне шестой, я парень вёрткий,
я у дяди на руках —
он в защитной гимнастёрке
и в солдатских сапогах.

Танго сменится фокстротом,
дядя сгинет на войне,
и останется лишь фото
в тёмной рамке на стене.

Рядом Лида — сон из детства —
не было её звончей,
не одно тонULO сердце
в омуте её очей.

Лучше всех училась в школе,
летом — в поле и в лесу...

Всё мучительней волокна
гонят сок от корневищ...
А вокруг — пустые окна
позаброшенных жилищ.

В арбайтслагерной неволе
загубили ту красу.

Наш сосед по коммуналке,
оказавшийся в плену,
был убит в Змиёвской балке,
что в Ростове-на-Дону.

Не дожили, не допели...
Только память да молва —
отшумевшие метели,
отлетевшая листва.

И опять столы накрыты,
танцы, смех, бокалов звон.
Рио-Рита, Рио-Рита,
уцелевший патефон.

Вновь со мной родные лица,
в небе — праздничный салют!
Мне б от счастья закружиться —
только слёзы не дают...

Людмиле Топорковой
Я не ищу гармонии в природе...
Н.Заболоцкий

Как Тютчев, я ищу гармонию в природе.
Ломают синь гроза, прохожих не щадя.
Но ливень прошумел, и вновь на небосводе
мелодия ветров и музыка дождя.

И снова всплеск листвы и веток соразмерность,
покой и синева в пространстве высоты.
И солнечным лучам, храня покой и верность,
по бархату лугов даль вышила цветы.

В заброшенных полях сильней печаль разлуки.
Лавины сходят с гор — пощады не проси!
Но шелестит листва, и оживают звуки...
Их сердцем узнаёшь —
Чайковский, Дебюсси...

Песня о любви

*Жить без любви,
Быть может, просто,
Но как на свете без любви прожить?
Николай Доризо*

Мы были молоды в те дни,
достатка небогатого,
ещё не вспыхнули огни
на улицах Саратова.

Ещё до славы далеко:
Лишь предстоит родиться им,
тем песням, что споют Левко
с Бернесом и Кострицею.

За Доном стелется туман
от ерика до ерика,
и растянул меха баян
от берега до берега.

В протяжном выдохе басов
под стройными берёзками
звучанье женских голосов
с мужскими подголосками.

Грустит девчонка у окна,
как веточка зелёная:
её любовь, её весна,
никем не разделённая.

Но будут встречи всё равно,
придёт пора свиданиям —
недаром светится окно
счастливым ожиданием.

Любовь — полночная звезда,
она как песня дальняя!
А в песне радость и беда,
судьба исповедальная.

Поют девчата вновь и вновь,
и вторят на баяне им...
Не зря считается любовь
народным достоянием!

Вечерний звон

Леониду Павловичу Клиничеву

*Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он...
Иван Козлов*

(Перевод из Томаса Мура)

Сливалось с музыкою слово,
сходились воля и покой.
Бас Александра Пирогова
гремел над матушкой Окой.

Темнело небо. Звёзд миганье
перенимали огоньки.
И ширилось его дыханье
в пространстве песенной реки.

За хвойными рядами бора
среди берёзовых стволов
светились купола собора
под перебор колоколов.

Торжественно-неугомонны,
внимая Миру и Творцу,
текли малиновые звоны,
аккомпанируя певцу.

О чём грустила медь литая —
о том, что обнажился сад,
что лист осенний, облетая,
уж не воротится назад?

О том, что юность ненароком
прошла в порыве молодом,
о тех, кто жил в краю далёком
и позабыл свой отчий дом?

Всё те же зори над волнами,
всё тот же в небе тёплый свет,
но тех, кто был когда-то с нами,
уже сегодня с нами нет.

Волна накатится на сушу,
поддёрнет дымкой небосклон.
Но всё сильнее тревожит душу
вечерний звон, вечерний звон!

Древо жизни

В. Семерьянову

И снова океан встаёт стеной,
со дна глубин выбрасывая пламя.
Гигантской обезумевшей волной
на берега обрушилось цунами.

Сигналят «SOS» над бездной корабли,
и чья-то мать оплакивает сына...
Чернеет, наклонившись до земли,
расколота молнией осина.

Горят леса, померкли небеса,
с лица земли исчезло всё живое,
давно умолкли птичьи голоса...
А Древо жизни шелестит листвою.

То холод лютый, то смертельный зной,
и только летний ливень, как награда.
В разрывах туч, летящих над землёй,
незримо зарождается торнадо.

И гибнут от напалма города,
летят ракеты, заунывно воя,
и мрак покроеет землю навсегда...
А Древо жизни шелестит листвою.

Бессмертна жизнь. Свет пересилит мглу.
Трава пронзает камни, точно шпага.
Земля питает корни. По стволу
живой водой к ветвям подходит влага.

И снова мир наполнен синевой,
целебность трав прибавит силы зелью.
А Древо жизни шелестит листвою,
и семена его ложатся в землю.

Резо МАХАТАДЗЕ

Кладбище веры

Антикоммунизм – главная глупость XX века.

Томас Манн

Стояла зима 1980 года...

– Ребята! Продолжим тему нашей прошлой беседы, – профессор Аристотель Сакварелидзе остановил взгляд на сидевшем в первом ряду студенте-отличнике, старосте группы Вахтанге Мшвениерадзе и, вытянув в его сторону указательный палец, испытующим тоном спросил:

– На чём мы тогда остановились?

– На непримиримом противостоянии двух идеологий, – без запинки отозвался примерный студент.

Обозрев мгновенным незаметным взглядом аудиторию, профессор заметил, что и сегодня, как обычно, на лекции присутствует немало студентов разных факультетов; — должно быть, она им интересна.

– ... природе человека свойственна некая черта... абстрактное, так сказать, понятие, называемой «верой», – привычным движением подтянул он к переносице очки. – Что за перешёптывания? Имеется в виду вера не в религиозном смысле, а иная... я бы назвал её житейской...

Аудитория притихла, насторожилась.

– ... моё поколение вышло на арену жизни, когда на обломках монархической Российской империи возникло и пошло в рост новое по форме и содержанию государство, ныне называемое Союзом Советских Социалистических республик. Мир воспринял его появление неоднозначно. Страны, определявшие тогдашний политический климат, – Англия, Германия, Франция, – с явной враждебностью. Они в какой-то мере владели ресурсами, добывающими и перерабатывающими предприятиями на территории России и опасались их утраты. Эти опасения не давали им покоя, и при первых же шагах нового государства они противостояли ему, навязали братоубийственную гражданскую войну. Но страна, как только что вылупившийся, жизнеспособный птенец, понемногу набиралась сил, трудилась, строилась, расправляя крылья. Её сияние достигало всех уголков планеты, даже необитаемых полюсов.

Что же ныне ставит себе главной целью мир капитализма? Во-первых, снова взять в свои руки наши природные ресурсы и, во-вторых, не допустить проникновения социалистических идей к себе.

Именно моё поколение создавало первое социалистическое государство мира. Мы прошли голод, войну, но строили, не прекращая. Практически голыми руками.

Что нам помогало решать все возникавшие проблемы? Та невидимая сила, которую я давеча упомянул, – вера. Вера в лучшее будущее. И жизнь в самом деле с каждым днём становилась всё интереснее. Страной владели не единицы, а всё её население, всё общество. Перечисление успехов

заведёт нас далеко. Пятилетка выполнялась за пятилеткой. Коварное нашествие фашистской Германии прервало ход строительства, но не выбило нас из колеи.

Ценой напряжённой борьбы, колоссальных потерь мы победили. Что же обусловило нашу победу? Всё та же таящаяся в нас вера!

Тотчас после окончания войны мы принялись за восстановление разорённой страны. Возводились промышленные города, обустроивались деревни. Ставилась цель – преодолеть социально-культурную грань между городом и деревней.

В 50-е годы XX века наша закалённая в борьбе и труде страна уже считалась сверхмощной державой, была путеводным маяком планеты, примером для мира.

Что же дальше? Ничто не вечно на Земле, и вдохновитель веры отправился в мир иной. Новое руководство перевернуло патефонную пластинку, запело на противоположный прежнему лад и вовлекло в свою песню и нас. Идея социализма была поправа. Малая личность мстила великой.

XX съезд чувствительно поколебал популярность коммунистического движения на международном уровне. Тогда и появилась первая трещина на нашей вере. Отсюда и пошёл распад нашей страны.

Китайская пословица гласит: «Если во главе сотни овец стоит лев, то и всё стадо львиное. Если же над сотней львов главенствует баран, то и всё стадо овечье».

– Это про нас! – послышался возглас из аудитории.

Профессор взглянул на часы. Остаётся пятнадцать минут. Их он обычно посвящает ответам на вопросы. Но если вопросов ни у кого не оказывается, продолжает лекцию. Впрочем, такое случается крайне редко.

С места поднимается рослый, густоволосый молодой человек:

– Уважаемый профессор! Премьер-министр Англии Уинстон Черчилль говорит: «Капитализм не лучшая форма организации общества, но лучшей человечества ещё не выдумало». Как вы относитесь к такому утверждению?

– Как отношусь? Не могу согласиться с этой мыслью. Мы создали лучший общественный строй, и пусть нам не мешают его развивать. Ещё резче высказался неусыпный наш враг, директор Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес: «Мы внедрим в этой (то есть нашей) стране подделки и приписки, ввезём и распространим наркотики, утвердим в госструктурах протекционизм, взяточничество и коррупцию, откроем дорогу пьянству и проституции. Всё это в конечном итоге разрушит социалистический строй в этой стране». Эти господа насквозь проникнуты ненавистью к социализму. Не случилось бы так, чтобы во главе нашей страны стал...

– Тот, о ком сказано в китайской пословице, – подхватил его мысль сидящий в первом ряду студент Мшвениерадзе.

Обычно к концу лекции разгорается полемика. Она, как свежий ветерок из окна, вносит оживление.

Вот оно, начинается...

Другой студент, тоже всегда хорошо подготовленный, запальчиво процитировал народную поговорку:

– В России чтут царя и кнут.

– Народ мудр, голубчик! Почему он сказал именно так, а не по-иному? Например: в России чтут царя и закон. Здесь дело не только в рифме. Как утверждать то, чего на самом деле нет? В таком случае высказывание до нас не дошло бы. Ложь быстро рассеивается и забывается, правда долговечна, длится целые эпохи. Этот афоризм подходит к характерному облику многих стран. В сравнительно недавнем прошлом у нас был мудрый и просвещённый царь Вахтанг VI. До него в стране не было правового документа по её управлению, Он составил такой документ – свод законов. И что же? Владетельные князья и вся власть возмутились и запротестовали; мы, мол, жить по этим законам не сможем. Царю пришлось перебраться со свитой в триста человек в единоверную Россию. Там он комфортабельно устроился в околотке, две улицы в котором поныне называются Большая Грузинская и Малая Грузинская. Есть ещё и Грузинский вал. Но мы, кажется, отклонились от магистральной темы, – взглянул на часы профессор.

– Продолжим! Пожалуйста, продолжим! – раздались голоса.

Профессор несколько заколебался. Его давно мучила одна мысль, которой он сейчас решил-таки поделиться.

– Кто-нибудь из аудитории слышал о существующем в Соединённых Штатах Америки институте Крибла?

Аудитория молчала.

– В таком случае я расскажу вам о его деятельности. Он пятьдесят лет работает над вопросом о том, как и каким способом можно разгромить наше социалистическое государство. И как вы думаете, каков его прогноз?

Аудитория молчала в напряжённом ожидании.

– В ближайшие десять-пятнадцать лет в высшее руководство и государственные структуры всех уровней в Союзе придёт поколение, воспитанное комсомолом, но насквозь проникнутое духом мздоимства, взяточничества, протекционизма. Насколько чужда им будет полезная практическая деятельность, настолько близки приписки и аферы. Вот когда лёгким толчком можно будет свалить эту страну вместе с внедрившимся в неё социалистическим строем. Было бы ужасно, если бы этот авантюристический прогноз воплотился в жизнь, – вздохнул, понизив голос, профессор. – Впрочем, некоторые симптомы уже улавливаются. Не приведи Господь...

Так завершил свою лекцию профессор Аристотель Сакварелидзе. Стояла зима 1980 года...

Идеи могут быть обезврежены только идеями.

О. де Бальзак

По той части планеты, которая звалась Союзом Советских Социалистических республик, казалось, пролетела буря. Пророчество института Крибла воплотилось в жизнь. Погас светильник, вознесённый идеологами в небо.

Изменились или вообще разрушились духовные и материальные ценности. Разорённая страна и отвергнутый строй увлекли за собой множество людей. Ведь всё приносит и уносит время. Кто ушёл путём естественным, кто насильственным, а кого уйти поторопили и помогли. Ушёл с сего света и профессор Аристотель Сакварелидзе.

Давно распалась и его кафедра, прекратил существование кабинет. Некоторое время работу профессора продолжал его воспитанник Вахтанг Мшвениерадзе. Но и он, входя в годы, изменил профиль исследований, перешёл на другую кафедру, да и то благодаря поддержке уже своего ученика, занявшего заметную должность во власти.

Нынче для профессора Вахтанга Мшвениерадзе знаменательный день – 100-летие со дня рождения и 20-летие со дня смерти его учителя и предшественника Аристотеля Сакварелидзе. Вахтанг возглавляет комиссию по организации юбилея.

Из всех концов страны съехались ученики маститого учёного. Сейчас это солидные, много потрудившиеся, седовласые люди.

Десятилетие со дня смерти не так, казалось бы, давно отметили торжественно: украсили множеством цветов бюст учителя в университетском саду, посетили его могилу, провели посвящённую ему научную конференцию, подняли не один тост за память.

Но где нынче бюст? Его сочли излишним, и чтоб он не оказался выброшенным куда-нибудь на свалку, родственники и самые близкие перенесли его как надгробие на Вакийское кладбище.

Приехавших едва наберётся треть против тогдашнего. Кого уж нет, кто стеснён экономически, кто страдает недугами. Да и... время столькое изменило. Многим ли сейчас до подобных торжеств?

После распада Советской страны и социалистического строя прошло два десятилетия.

Вечер памяти состоится в парке Ваке, в кафе «Имеди» – «Надежда»! К пяти часам там соберётся около сорока мужчин и женщин. Человек с десятка пришли загодя, уже к трём. Среди них организатор поминального вечера Вахтанг Мшвениерадзе. Группа расположилась на двух стоявших друг против друга скамьях в тени раскидистого платана. Беседа, естественно, перелилась в воспоминания о прошлом, переплетаясь с новым, нынешним, современным,

Мучительная ностальгия о минувшем.

Солнечный, тихий летний полдень.

В оживлённый разговор включается сидевший дотолча молча Серго Пачкория.

– Мир его прекрасной душе. Сколько радости приносили нам его лекции. Жизнь в них так и кипела. Помнишь его критику прогнозов института Крибла?

– Как не помнить? Будто всё это происходило только вчера. Какая прозорливость! Так всё и случилось. И как резко изменилась вера нового поколения.

– По их милости её лишили даже мы. Не верим ни в будущее, ни даже в прошлое. Нашу веру погребли прежде, чем нас самих.

– По ней мы и тоскуем, не хочется уходить из мира сего без неё. А так-то... мы своё прожили... и, можно сказать, с честью.

– Что ж, Серго! Утраченную веру мы, должно быть, обрящем там... – поощрительно похлопал друга по плечу Сандро Доборджгинидзе.

– Да, Сандро! Ты каким находчивым был, таким и остался. И время протекло, и жизнь изменилась, а ты всё тот же.

– Вот вы шутите, – попытался умирить их пыл спокойный, рассудительный и немного простодушный Шио Хидашели, – а я расскажу вам случай, свидетелем которого был минувшей ночью.

Все с любопытством повернулись в его сторону.

– Сон?

– Да, сон. Но вещей. Лучше всякой яви.

– Ну так говори.

– Слушайте и не перебивайте, – оглядел Шио друзей убедиться, что они всерьёз настроены слушать.

– ... всю ночь метался. Рвался на кладбище поискать какие-то могилы. Не знаю, не помню, чьи. Подошёл к кладбищу. На пластинке ограды было выведено: «Прах веры». Я толкнул и с трудом отворил тяжёлые ворота.

– И велико было кладбище? – с улыбкой осведомился Доборджгинидзе.

– Порядком! Конца видно не было. На некоторых надгробных камнях были выбиты кресты, на других красовались полумесяцы.

Доборджгинидзе, а за ним и все остальные не могли скрыть удивления.

– Как это, Шио? Смешанное христианское и мусульманское кладбище?

– Да! Я и сам недоумеваю. Это меня и пробудило. Вера ведь бывает религиозная и житейская. Житейская не разбирает верований и исповеданий. Главное – кто как смотрит на настоящее и грядущее. На жизнь, в общем.

– Нельзя не согласиться.

Поддержка подбодрила Шио Хидашели.

– ... между могилами расхаживал широкоплечий, крупного телосложения священник с мерцающим кадилом в руках. Я подошёл к нему, почтительно поклонился и коснулся его рукава:

– Отче! Здесь покоятся исповедовавшие только две религии?

Вскинув брови, он взгляделся в меня:

– Отчего же, сынок? Ты видел лишь те, что здесь, рядом, поблизости.

Меж могилами, вблизи и в отдалении ходили люди, в одиночестве и парами. Надписи, должно быть, сообщали им, когда и чьи убеждения были здесь погребены. Шагах в пяти-шести от нас прошёл молодой мужчина. Священник проводил его взглядом и обратился ко мне:

– Сынок! Ты тоже ищешь утраченную веру?

– Нет! Я оказался здесь случайно. И ищу могилу близкого человека.

– И когда они расстались?

Я растерялся. Пастырь это заметил:

– Ты не понял вопроса? Когда твой знакомый и его убеждения разошлись?

– В 1991 году.

– Ну, стало быть, они погребены не здесь. Это кладбище не столь уж давнее, – пристально взгляделся он в меня. – А ну, посмотри мне прямо в глаза! Уж не лукавишь ли ты перед лицом Господа-Бога? Как бы тебе не впасть в грех. От Господа не укроется ничего... Клянись!

– Клянусь, что не лукавлю.

– Молодец и ты, и подобные тебе, сынок! – радостно протянул мне руку батюшка, и я припал к ней. – Веру надо беречь как зеницу ока. Не мне тебя учить – утративший веру долго не заживается – или сердце не выдерживает, или рассудок. Надежда на будущее – та же вера. Ею нужно управлять, как конём, – отпустил удила, и он уже не твой, может сбросить в любую минуту.

– Но я всю жизнь берегу её, отче, и никогда не расстаюсь. Ношу с собой. Очень она мне помогала на фронте.

– Стало быть, ты уже испытал её. Сынок, скажи мне, — показал он рукой на расстилающееся кладбище. – Те, что погребены здесь, веру утратили или её у них отняли?

– Скажу вам откровенно: есть и такие, и такие...

– Да-а, те, что утратили, – огорчился батюшка, – слабы духом. А те, у кого её отняли, ещё и недальновидны. Почему они не стали на защиту своих убеждений?

– Всё произошло без столкновений. Могли ли они противостоять огромным массам здоровой, полной сил молодёжи?

– Мне кажется, здесь дело не в соотношении сил, – потёр священник указательным пальцем висок. – Это единственный в истории человечества случай, когда вера и плоть разделились и разошлись. Такого не допускали даже первобытные люди. Господь никому не простит избыточности.

Беседовать со священником было очень интересно. Теперь уж я спросил у него:

– И нашёл кто-нибудь свою веру?

– Это удаётся чрезвычайно редко.

– Так какой же смысл в поисках?

– Он есть. Золото ищут там, где предполагают его залегание. Надежда выше веры. Очень сильна надежда хоть на малое продление жизни. – Батюшка ненадолго задумался, покачал головой и продолжал: – Всё в руке Божьей, сынок. Многие, не завершив поисков, переселяются в мир иной. Без житейской веры сама жизнь теряет облик человеческий и приобретает животный. Никто не знает этого лучше всевышнего. Потому он и ниспосылает в утратившую веру страну отдельных людей и их группы, которые вскроют эти могилы, – убеждения ведь погребены, а не мертвы, просто они изменили местопребывание, – и вернут бережно сохранённое сокровище

в виде идей людскому племени. Я и сам служу этому благородному делу. Потому и хожу здесь, среди этих могил, окропляя и освящая их,

– И проповедуя... О чём вы молитесь Господа?

– О чём молю? О том, чтобы погребённые здесь убеждения выдержали сложившиеся ныне условия и выстояли.

Отче умолк и вернулся к своему делу. Я вышел за ворота кладбища, повернулся, скользнул взглядом по входной арке с надписью, трижды осенил себя крестным знамением и пошёл своею дорогой.

Так закончил Шио Хидашели пересказ своего сна.

Чудо музыки

Картинка природы

Тёплое, тихое весеннее утро. Ни дуновения, ни шороха. Алое пламя рассвета почти угасло. Золотые лучи поднимаются всё выше. Сверкающие капли росы соскальзывают со свежих побегов травы, растворяются в воздухе, напоённом ароматом пробуждения и цветения.

По ослепительно зеленеющему и пестреющему склону горы белыми облачками рассыпалось и расплылось резвое поутру стадо. Проголодавшиеся за ночь овцы, овны и ягнята радостно припадают к изумрудным волнам и щиплют, щиплют, не отрываясь.

Порой тишину нарушает тоненькое блеянье отставшего от матери, заблудившегося малолетки-барашка и тревожный отклик, призывно устремляющийся навстречу зову.

Пропоротый было звуками воздух унимается и вновь ласково опускается на прозябшую зелень и синь, а пара кудрявых облачков, большое и малое, мягко топоча, скрывается в овражке за пригорком.

За овражком, у подножия крутого уступа, опушка резко темнеющего под прозрачным бело-голубым золотящимся небом густого леса, смешения сосен, каштанов и клёнов.

Из-за каштана-недоростка у самого края опушки вытягивает чуткое ухо и водянистыми глазами вглядывается во всё прибывающее стадо вытянувшийся у обросшего мягкой листвою ствола и положивший морду на передние лапы волк. Зимой он перемогся, хоть и сильно отощал. И вот сейчас с голодухи брюхо его так и сводит. Всю ночь в полусне ему виделась добыча, насилу дождался зари, и вот и в самом деле на лугу пасётся тучное стадо. Сон вроде в руку, слюни при виде курдюков так и текут.

Как, однако, подступиться?!

Надобно всё продумать. Ещё не стёрся из памяти прошлогодний ужас, когда чудом удалось спастись от разъярённых сторожевых псов-овчарок. А престарелому сородичу его пришлось-таки пасть жертвой острых зубов.

Рисковать не стоит, нельзя. Чего лезть на рожон!

Отара понемногу, с остановками на пощипывание приближается к его опушке. Зубы волка стучат-лязгают сами собой. Он замуривается, чтоб не видеть соблазна. Долго ему так не выдержать, лучше уж навести уши да насытить взор.

Но что это видят его глаза? Два здоровенных пса, оба раза в два крупнее его самого, трусцой обегают стадо. Озираются. Держатся настороже. Хорошо, должно быть, натасканы-научены. Разве у таких что урвёшь?! Мало того – на огромную каменную глыбу опустился молодой паренёк-пастух, стащил с плеча и положил рядом двустволку, выудил из-за пазухи свирель...

По-над лугом полились чудесные звуки, пронизали всю окрестность, скользнули в густо заросший деревьями овражек, вспорхнули по склону к опушке леса, достигли слуха волка, окутали чарующей мелодией, и тот, изнурённый бескормицей и полубессонной ночью, потянулся, смежил веки и сладко уснул.

Отара между тем обогнула пригорок и, пощипывая сочную траву, перевалила овраг.

Пастушок поднялся с камня, перекинул двустволку через плечо и, не отрывая свирели от губ, пустился вслед отаре.

Свирель заливалась всё тише и, наконец, совсем утихла. Зато полилась набирающая силу песня «Валэ, валэ! Родина моя любимая, шен ки генацвале». Молодой звонкий голос с грустью, но и с непоколебимой надеждой пел об участи своей многострадальной отчизны.

Свирель поддержала и усилила настрояние.

Из-за пригорка раздались два ружейных выстрела.

Стрелял, должно быть, пастушок,

Волчишка вздрогнул, продрал глаза и аж подскочил от страха. Припал, почти распластался на земле и осторожно отполз в глубь кустарника. Долго, скорчившись, в густых зарослях не выдержать, любопытство к тому же подтолкнуло осторожно высунуть морду и оглядеться.

Что это там происходит?

На лужок из кустов выскочил и попытался унести ноги напуганный чем-то заяц. Бежать ему явно было трудно. Должно быть, раненный, он подтянулся к кусту, но упал без сил, как подкошенный, вздрогнул, рванулся и согнул ноги, более уже не шелохнувшись.

Волчина резко подскочил, потянулся лапой к сражённому пулей зайцу, впился в него зубами и опрометью ринулся к темнеющему густолесью...

Нужно полагать, что терпение и осмоторительность порой и красят, и приносят добрые плоды совсем неожиданно.

Прозящий и подающий, или Воры и разбойники

В ближней к моему дому лавке всегда толпилось много народу и торговля шла оживлённо. «Будет ли так и впредь?» – думаю, направляясь в её сторону. Иду мимо притулившегося у входа попрошайки с протянутой рукой. Я студент выпускного курса института. Мне совсем не до подаяний, сам то и дело кладу зубы на полку. Неопытный, но амбициозный юнец. Но сочувствие одолевает здравый смысл, и я выуживаю из кармана завтрашний прожиточный минимум. Вроде благое дело.

Спустя неделю мне довелось вновь проходить мимо лавки. Я её люблю, в ней мне чувствительно помогают.

На сей раз у входа стоял какой-то рыжебородый. Я удивился – на одном месте работают двое? «Должно быть, сменяют друг друга», – объяснил сам себе. Легко ли в такую жару целый день стоять на ногах...

Бородач, ещё издали заметив меня, ухмыльнулся.

Узнал, что ли?

Видимо опасаясь упустить меня, он встряхнул и протянул ко мне шапку. Опередившим мой шаг взглядом я уловил в ней несколько рублёвых монет.

Да, неплохо он нынче «поработал».

У меня ничего не нашлось, и на сей раз я не подал.

Из-за спины ко мне донеслось ворчание. Даже грубое выражение. Ничего себе! Вот что значит приучить с первого же раза. Недаром, недаром так живуча поговорка: не привыкшего не приучай, привычного не обделяй.

Закончились студенческие каникулы, и я вновь осваиваю проторённый путь: дом – лавка, лавка – дом.

Знакомых попрошаек не видно – ни безбородого, ни бородача. Место пустует.

Странно. Они, казалось, срослись с этим строением по воле его архитектора.

Или милиция прогнала, или болеют, или того хуже... но оба, разом?..

В другой раз я шёл привычной дорогой вместе со своим однокурсником. Он у меня в гостях, и как не раскошелиться на пару бутылок вина?

Подошли ко входу в лавку.

Я рассказал другу о постоянных здешних обитателях.

Друг усмехнулся и задумался.

– Что смешного, Сандро? – удивился я.

– И ты, студент, подавал им?

– Да... когда находилась мелочь. Когда же не находилась, бородач поругивал меня сквозь зубы.

– Их было не двое. Он был один! – расхохотался Сандро.

– Как?

– Очень просто. Он через день прицеплял себе бороду.

– Откуда ты знаешь? И зачем ему это было нужно?

– Он жил неподалёку от меня. Очень был странный тип, скандалист! Один жил в двух комнатках в бараке.

– Жил? И что же? Перешёл?

– Да. В мир иной. Месяца полтора тому назад соседи схоронили. С неделю назад отметили сороковины.

– Бедняга...

– Не один ты, все его жалели...

За этими словами скрывается какая-то тайна. Но завеса таинственности, наверное, рассеется. Друг и впрямь продолжал:

– После похорон в доме у него нашли десять тысяч рублей. Их могло хватить на легковую машину «Волга».

У меня полезли на лоб глаза:

– В этой пропасти денег были, наверно, и мои копейки.

– Не торопись, – остановил меня друг. – В грязном носовом платке на дне раздолбанного ящика комода оказалась сберкнижка. С суммой в два раза большей на счету.

– Загадочная личность. Не человек, а загадка...

– Вот именно... – подтвердил Сандро. – В ответ на укор кого-нибудь из соседей за то, что побирается, он неизменно давал одно и то же объяснение: чего мне стыдиться? Пусть стыдятся чиновники, – воздевал он палец вверх, к небесам, – которые получают в десять раз больше моей пенсии. К тому же не предоставляют без взятки никакой работы бедноте.

– Да-а, не совсем был дурак! – воскликнул я.

– Почему ж не дурак?

– Потому что прозорливый был. Умел облапошить...

– И кого? – многозначительно спросил Сандро. – В том числе меня, тебя... Всем гуртом мы создаём и плодим не только попрошайек, но и взяточников-чиновников.

Возразить ему было нечем.

Делаю первые шаги по жизненному пути. Окончена средняя школа. Готовлюсь к поступлению в вуз. До приёмных экзаменов два месяца. Собираю необходимые документы. Всё готово, осталось получить паспорт.

Сердце наполняется гордостью, оттого что становлюсь гражданином Советского Союза. Очень люблю «Стихи о советском паспорте» пролетарского поэта Владимира Маяковского. Любовь эта, должно быть, подогревается и тем, что родился он и провёл детские и юношеские годы в моём родном селе Багдади.

Являюсь со всеми необходимыми документами к начальнику районного паспортного стола... Мог ли я тогда представить себе, что именно здесь начнётся моя схватка с жизнью? Точнее, с нарушителями законов и вымогателями взяток – взяточниками, как их именуют в просторечии.

Начальник паспортного стола, лейтенант, пять раз отсылал меня от себя по надуманным поводам (подтверждениями, что я это я, а не кто другой) – то на требуемой для паспорта фотографии я не в такой, какая нужна, форме, то воротничок сорочки сбил на сторону, то на заверенной карточке плохо видна печать, то...

В общем, сомнений не было, он ждал за подтверждение моей личности свою норму, десять рублей.

К тому времени вождя (который наводил на всех ужас и одновременно внушал любовь) уже пять лет как не было в живых. Мздоимство уже процветало пышным цветом, и все практиковались и учились ему, как малые дети первым шагам.

Я не был подготовлен к подобной жизни – мать без передышки учила меня моральной чистоте и порядочности. В семье у нас никогда не водились деньги, обретенные не совсем честным трудом.

В приёмной у начальника паспортного отдела толклось множество людей. Многие негромко ворчали: в третий раз прихожу сюда, жду, а паспорта всё нет и нет. Кое-кто держался скромно и терпеливо. Случалось, что начальник где-то задерживался или торопился уйти, боясь куда-то опоздать.

Я, как и многие другие из окрестных деревень, приезжал на автобусе, и каково было возвращаться после безрезультатной поездки.

– Здесь паспорта без мзды не получить. Видно, правы те, кто утверждает: нужно, чтоб ему позвонил кто-нибудь из влиятельных лиц, кого он боится, – недовольно ворчали в разных очередях и, махнув рукой, уходили. В моём мозгу крутилась и навязчиво сверлила его мысль о том, что, видимо, нужно дать денег.

Тот между тем придумывал всё новые и новые каверзы. Последняя была такова: паспортов сейчас нет в наличии и он привезёт их из Тбилиси через неделю.

Через неделю же приёмная комиссия института прекращает приём заявлений. Как в побасёнке: два козла столкнулись лбами на узком мостике и не уступают друг другу дорогу.

С тех пор прошло несколько десятков лет. Этот случай я всегда вспоминаю со смехом: надо было дать, и всё бы мгновенно решилось. Ни времени бы не терял, ни столько денег на дорогу не истратил.

Но его наглость переходила все границы.

Переполнилась и чаша моего терпения.

Я толкнул дверь кабинета начальника милиции, вежливо представился ему и рассказал о том, как ведёт себя его подчинённый. Завершил такими словами:

– Сейчас он отнекивается тем, будто паспортов нет в наличии. А через неделю институт не будет принимать заявления!

Я очень рассчитывал на помощь начальника. Паче, что он был моим земляком. Правда, мы жили на разных концах деревни. Злорадствовал: сейчас начальник надерёт ему уши!

Но начальник выслушал меня, пожал плечами и заявил:

– Что же я могу сделать, если паспортов нет в наличии?

При входе в этот кабинет мне пришлось собрать в кулак всю свою волю. Дотоле я никогда ни на кого не жаловался. Как и сейчас, и тогда считал это постыдным. Но ведь у меня не жалоба, а просьба о помощи.

Из кабинета я вышел ошеломлённый и растерянный, – жалоба так жалоба! Пусть! – и решительно направился к райкому партии. Да-а... было время... обиженный всегда мог обратиться в вышестоящие органы и много добивался.

Шагаю по брусчатой дорожке в тени елей. Встречаю своего давнего доброго знакомого, замредактора районной газеты.

– Гиви! Что с тобой? – подхватил он меня за плечо.

– Вот бегу в райком, к первому секретарю.

– Но зачем? – удивился он моему угрожающему тону.

Я обо всём рассказал, и приятель повлёк меня за плечо с собой:

– Стало быть, этот проходимец...

Ну вот, я вижу, помощь сама пришла ко мне.

Мы вошли к паспортисту вместе. Мой обидчик сидел и заполнял кому-то новый паспорт. При виде нас встрепенулся.

– Чем обязаны, уважаемый Шота?

– Мамия! Познакомьтесь с этим молодым человеком. Это внештатный корреспондент нашей газеты.

При этих словах по лицу паспортиста разлилась бледность.

– Мы знакомы, – глухо буркнул он.

– Но ты не очень хорошо его знаешь. Ты его обидел, и он собирался идти в райком. Причина тебе ясна. Я остановил его и вот привёл к тебе. Жалоба, сам понимаешь... Стало быть, действуй.

– Знаю, знаю... – угодливо залопотал паспортист. – Здесь вот в ящичке случайно нашлись паспорта. Сейчас ему и заполню. Вот только этого отпущу.

Мой неожиданный добрый протезе ушёл, я же принялся ждать.

Дело, наконец, дошло и до моих документов, и новый чистенький паспорт заблестел на столе.

– Гиви! Придвигайся поближе, – оживился паспортист. – Что ж ты раньше хмурился, нервничал, а теперь стал совсем другим, надёжным. Знаешь ведь, сколько сюда приходит разных ловкачей и проходимцев. А у тебя на лбу не написано, кто ты таков. Нужно было сразу сказать.

В тоне его прозвучала даже нотка добродушного упрёка.

Не пойму, зачем и что нужно было мне ему сказать. Чтоб получить привилегию? Но я её вовсе не хочу. Так что слова его в одно ухо впустил, в другое выпустил. Замечаю, что он хочет перейти со мной на короткую ногу, хоть и страха мой знакомец напустил на него немало. Ну, может, теперь всё пойдёт как по маслу? Совсем не тот стал человек. Опасается, должно быть, потерять работу. Давеча даже взгляда на меня не поднял, а сейчас чуть ли не лебезит. Прямо как побитая собачонка. Вот уже закрыл заполненный паспорт, прижал ладонью. Встал идти уже за подписью. Останься, говорит, ждать здесь, запишись изнутри и никого не впускай. Указал пальцем на своё кресло: садись.

Делаю всё, как он говорит, но чувствую себя скованно, смущаюсь. Кошусь на приоткрытый ящик стола, Батюшки! Среди бессистемно разбросанных связок документов краснеют паспорта с заложенными в них десятками. В дальнем уголке чернеет пистолет Макарова.

Около получаса спустя раздался стук в дверь:

– Это я. Отворяй!

Голос владельца кабинета заметно смягчился:

– Вот и твой паспорт, совсем готов. Поздравляю, – пожал он мне руку. За дверью ждут, когда я выйду, всё прибывающие посетители.

Ну что ж, надо идти! Но что-то мешает мне. Топчемся лицами друг к другу. Пора прощаться, но как?

– Гиви! – взглянул на часы паспортист. – На чём ты поедешь домой? Вопрос удивил меня, и он это заметил.

– На автобусе.

Он взял меня за руку, подвёл к окну и показал рукой на автомашину:

– Вот стоит мой «Москвич». До конца рабочего дня осталось полчаса. Отпущу ожидающих и подброшу тебя. Идёт?

Я поблагодарил новоявленного «друга» и вышел.

Победил-таки, а?!

Бодро шагаю с новообретённым документом во внутреннем кармане пиджака. Добился! Но голову сверлит назойливая мысль: «Нынче купить легковую автомашину не всякому по карману, настолько низки зарплаты. У него наверняка рублей сто двадцать. А ездит на работу за пятьдесят километров на легковушке. Его дохода недостаточно даже на бензин и питание. А мало ли и других расходов у человека! Каков смысл его работы здесь?». Из раздумья меня вывело воспоминание о красных десятирублёвках в ящике стола. Смысл, должно быть, всё-таки есть.

Стою на площади перед автостанцией и жду автобуса. Беседую с соседкой по деревне. Та вдруг перебивает меня:

– Гиви! Смотри, кто-то машет тебе рукой из машины.

А-а, зелёный «Москвич»! Вот оно что...

Машина сделала полукруг и затормозила передо мной:

– Садись, Гиви! Чего ты не подождал? Я же сказал, мы попутчики!

В такой ситуации отказываться неловко, и я взялся за ручку задней двери, – впереди сидел немолодой мужчина. Проехали три буквально ленившиеся друг к дружке, плотно населённые деревни.

Подступал вечер, душный, сухой.

В Аджаметском лесу опустили стёкла.

– Опустит и ты, Гиви. Вдохнём немного свежего воздуха. Что ты помалкиваешь, обижен на меня, что ли?

Следит за моей реакцией в боковое зеркало.

Я не знаю, что отвечать, и предпочитаю отмолчаться.

Вижу, его тревожит моя подозрительная безучастность.

– Уж не задумал ли чего-то там опубликовать в газете?

Вот он, оказывается, чего опасается.

– Да нет! Это же получится частный интерес, – успокаиваю я его.

– Точно! Было бы не по-мужски.

На несколько минут приумолкли все.

– Гиви! – послышалось наконец. – У тебя, наверное, есть друзья или знакомые, которым тоже требуются паспорта?

– Как не быть. Есть...

– А знаешь, почему я тебя об этом спрашиваю? Пусть придут от твоего имени с записочками, и у них не будет проблем.

Из вежливости соглашаюсь. Хотя и твёрдо знаю, что не воспользуюсь предложением. Подъехали к воротам моего дома.

Я извлёк из кармана ключи и подвинулся к двери.

– Ну вот, Гиви... скажи откровенно, стали мы с тобой друзьями?

Страх в его душе не совсем рассеялся.

– Конечно, стали.

Мы простились, я вышел, но машина стояла и не думала двигаться дальше. Я тоже остановился, несколько недоумевая и колеблясь. Не бежать же сразу, без оглядки в дом. Может, он ждёт приглашения по традиции здешних краёв? Я тем не менее её нарушу по простой причине: его вымогательство родило во мне отвращение, и я не смогу сидеть с ним за

одним застольем. Неопытный был тогда и ещё, не умел владеть собою. Очень уж ценил прямоту и честь.

Машина резко сорвалась с места, в окно высунулась и помахала мне левая рука водителя:

– Гиви!..

P.S. С тех пор прошло два десятка лет.

На одном банкете мне довелось встретиться с человеком, который тогда работал заместителем начальника нашей раймилиции, в чине капитана. В ожидании застолья собравшиеся сидели в саду под старой яблоней и оживлённо беседовали. Пришлось к слову, и я вспомнил своё давнее приключение с паспортом.

Замначальника слушал меня с усмешкой на устах, а когда я закончил, расхохотался:

– Вы знаете, этого начальника паспортного стола устроил в милицию ваш односельчанин. Вам, наверно, понятно, с какой целью. Разве в Кутаиси не нашлось бы кандидатуры? Ранее тот служил замначальника Кутаисской тюрьмы. Мать паспортиста была его любовницей. И он ни за что не позволил бы выдать тебе паспорт. И знаешь, почему?

– Как не знать, если матушка паспортиста была его любовницей.

– Это одно... А ещё?

– Он бы лишился этих злосчастных десяти рублей, – опередил я его.

– Точно! – обменялись мы рукопожатием.

Этот трест был самым известным среди многих других учреждений и производств в республике. Львиная доля бюджета республики формировалась с учётом его доходов. Попросту говоря, на подведомственных ему предприятиях крутились огромные суммы. Можно ли сомневаться, что устроиться на работу туда – это не фунт изюма. Оттого-то большинство молодёжи, и достойные, и недостойные, двинулось именно на факультет с этим профилем. Пройти конкурс без протеза или взятки было практически невозможно.

Но каково устроиться на работу? Вот где начинаются сущие муки. Один из выпускников, некто Титико Цискаридзе, видел это яснее ясного, больше того – испытывал на собственной шкуре. Сначала, окрылённый дипломом, отнёс заявление на имя управляющего трестом.

Ответ ему был дан незамедлительно: в настоящее время в нашей системе вакантных мест не имеется, вы взяты на учёт. При этом многим было известно, что три вакансии на предприятиях наличествуют наверняка.

Спустя некоторое время дипломированный специалист сунулся к завкадрами: когда-то же, мол, мне нужно начать работать? Ответ был всё тот же.

Удручённый вид его привлёк внимание и, видимо, разжалобил проходившего мимо по коридору:

– Вы по поводу работы? Да? Так вам лучше подослать сюда какое-нибудь влиятельное лицо. Не найдётся ли кто из родственников или близких? Ну, или... сам знаешь... А так будешь сюда таскаться годами.

Титико оглядел неожиданного советчика оценивающим взглядом: «Может, он замолвит за меня словечко перед завкадрами? Человек солидный, уже наверняка чуть ли не за пятьдесят?».

Разговорились. Оказалось, что вроде земляки. Это всегда сближает.

– Вы тоже по поводу работы?

– Ну, конечно! Уже год как протираю этот проклятый коридор. Как попрошайка. Уже все, кто здесь служит, знают и привыкли ко мне.

– И что? Обещают?

– Нет, молодой человек. Отказ за отказом. Но у меня дело особое. Там, где я работал, был легкомысленный директор. У меня была с ним стычка, после чего он оклеветал меня, да так, что с меня даже взятки не берут, не говоря уж о приёме на работу.

«Бедняга и сам не может пристроиться, чем он сумеет помочь мне», – огорчённо подумал Титико.

Титико Цискаридзе терпеливо прождал показавшиеся ему бесконечными два месяца и послал к управляющему трестом хорошо знакомого тому поручителя. Завкадрами выпроводил его на сей раз с небольшой надеждой – как только появится вакансия, мы вам сообщим. То есть по-прежнему сидеть и ждать.

И вот однажды, когда он пропалывал свой огород, к нему явился сосед. Он только что вернулся из райцентра, где встретил знакомого Титико. «Это, должно быть, тот человек, что давал мне в тресте совет».

– Ну так ты помнишь Гиглу Сиоридзе?

– Как не помнить? Помню!

– Он тебя ждёт завтра. Поедешь?

Титико задумался, заколебался. Что за спешка? Неужели что-то о работе? Утром он уже был у ворот своего давнего советчика.

– Узнали меня? – после приветствий осведомился тот.

– Ну! Виделись-то не так уж давно?!

– Так вот... вчера я заезжал в трест и привёз радостную весть. Для тебя. Нужно обязательно съездить туда на этой неделе. Вроде тебя собираются взять на работу.

Титико весь расцвёл от радости.

Хозяин дома распахнул перед ним ворота и пригласил в дом.

Он отказался, отговорившись спешкой. Расположились на скамье у ворот.

– Знаешь что? – сразу взял быка за рога хозяин. – Передай завкадрами немного денег. Я знаю, ты посылал к управляющему поручителя. Я того неплохо знаю. Он не вымогатель, но... Зарплата, в общем-то, у него жалкая. Не хватает на жизнь. Вот руководители и выкручиваются. Кто как!

– Понятно. Я же не слеп и не глух. Но сколько всё же нужно дать?

– Ну, тысячу рублей. На работе ты их мигом возместишь, если не дурак.

«Возмещу, – задумался над этими словами Титико. – Неужто меня хотят послать на тот винзавод, где недавно уволили проворовавшегося директора, и тот повесился. А расхитители-подручные его находятся под следствием?». Всю ночь он метался в полубреду сомнений.

Дерево за воротами Титико вся деревня называет дубом Окруа. Окруа – его прадед. Сам Титико – четвёртое от прадеда поколение. Прадед этот и посадил за воротами дуб, оказавшийся ему памятником.

Прадед прожил сто пять лет. Дед – девяносто пять. Отец, несмотря на преклонные лета – восемьдесят два года, жив и бодр. И даже собирается побить рекорд Окруа. Рассчитывает, кроме всего, и на гены.

А 262-летний дуб стоит себе и стоит. Правда, кора местами потрескалась и листва в последнее время стала мельче.

В тени дуба, у забора стоит длинная деревянная скамья. Её сколотил отец Титико.

По вечерам в тёплую и безветренную погоду здесь собираются и беседуют старики.

Нынче на закате, по обычаю, сюда пришли ровесники отца Титико, три пенсионера. Один из них бывший бухгалтер. Всю сознательную жизнь проработал в Тбилиси, в системе Центросоюза ревизором. Вся округа знает его как безукоризненно честного человека. Выйдя на пенсию, он вернулся к родному очагу, обновил свой кирпичный дом и с женой живёт в нём безвыездно. Титико как-то поинтересовался у него, как он, работая в торговой системе, умудрился остаться таким порядочным человеком.

– От страха, – усмехнулся старик. – Боялся попасться. Ты тогда был мальцом, а председателем колхоза работал мой брат. Именно работал, вкалывал почём зря. Не так, как нынешние, – приписки, обходные манёвры, и вот тебе план, премия, рукоплесканья. Брата уже собирались представить на Героя Социалистического Труда, но не хватило одного показателя – трёхсот плановых килограммов шелковичных коконов. Их завезли из соседнего района, кто-то настроил «телегу», и бедняга загремел на десять лет.

– Господи! Из-за одних только приписок? Нынче без них вообще ничего не делается! – удивился Титико.

– Слышал пословицу «Правят времена, а не цари»? Честность порождается страхом, которого нынче никто не испытывает. Ненаказуемость же порождает всяческие пороки.

– Наверно, и взяточничество не было так широко распространено, как сейчас.

– О таком, как сейчас, и слыхом не слыхивали.

Совсем другого типа старик Димитрий Немсадзе. Образование – семь классов. Так что, иными словами, неуч. Но это нисколько не помешало ему в жизни, он и прежде служил, и теперь ещё служит на должностях районного масштаба. Был и председателем колхоза, и начальником «Колхозостроя», В последнее время руководит местным отделением «Союзохота». Башковит, красноречив, несомненные черты лидера. А уж в даче и получении

взяток такой мастак, что, пожалуй, не уступит и нынешним. Всегда первым пробовал на это всякого очередного секретаря райкома. Чтoб потом уже действовать без опасения.

Павле Хеладзе лет тридцать руководил колхозной животноводческой фермой. Когда колхоз преобразовался в винодельческий совхоз, остался при своём деле, и хоть весь стиль работы в новых условиях изменился, действовал по-своему, по старинке – послал вновь назначенному директору совхоза к Рождеству упитанного трёхпудового подсвинка, и вообще поступал, как и прежде. В органы не замедлила полететь «телега», с должности сняли, ладно, хоть не упекли.

Есть, прямо надо сказать, старикам что вспомнить. Да и о нынешних делах побалагурить.

Хозяин дома ещё не вышел. Странно. Не прихворнул ли? Вся троица вопросительно поглядывает на ворота. Наконец калитка со скрипом распахивается и из неё выходит старший сын хозяина, Титико. Уже чуть не год как он окончил институт, а всё отсиживается дома без работы. Прямо даже жалко парня.

– А где отец? Здоров?

– К дочери поехал. Проведать, – приветливо улыбнулся Титико старикам. – А вы, стало быть, знаете, что нынче у меня угощенье в честь...

Старцы навестили уши:

– Да вроде нет... В честь?..

– Да уж скажи, скажи им... – подбодрил старый Павле Титико, видимо, уже знавший о новости. – Видишь, аж рты раскрыли.

– А ты откуда знаешь, дядя Павле?

– Птичка на хвосте принесла.

Весть, выяснилось, вышла от матушки Титико, от соседки к соседке, чуть не по всем дворам деревни, так что старикам только и осталось, что горячо поздравить парня. Шутка ли – устроиться на винпроизводство. Куш нужен немалый. Да что поделаешь? Молчок...

Титико не терялся. Умело отшучивался от намёков.

– Титико! – поставил им предел Георгий. – Яйца курицу не учат. Я старый лис и прошёл все пути, и прямые, и извилистые. Так что... что было – было. Нынче умелых руководителей сменяют пигмеи, ни черта в деле непонимающие... Каким бы ни был дом крепким и красивым, перед силой времени устоять ему не дано. Всё надо укреплять да с толком переделять, важно только, кто за это берётся. А уж я навидался, кто...

– И кто же? – полюбопытствовал Павле.

– Начнём с того, что касается Титико. Почему молодому специалисту требуются взятки или протекция?

– А потому, – рассмеялся Димитрий, – что специалистов-виноделов по горло, а заводов всё меньше. Так что же этим спецам делать? Кто устраивается на завод рабочим и годами ждёт там вакансии, кто годами ходит без дела? Вот так! Не подмажет кого надо Титико, подмажет другой и займёт его место. Так что искусственно создаётся почва для мздоимства и протекционизма.

– Точно! – хлопнул рукой по колену Георгий. – А я что говорю? Не отрасли, а всю систему надобно перестроить. А то в какое производство ни сунься, кругом воровство, групповое или индивидуальное. А вымогательство? И знаете, почему? Мало платят. Людям недостаёт зарплаты.

– Да как сказать! – ухмыльнувшись, возразил ему Павле. – Кому достаёт, тот и старается загрести побольше.

– Ну, тут надобно войти в силу закону. Беззаконие до добра не доведёт. А что нынче? Изменяется сознание населения. Работать добросовестно разучились. А к чему приучились? – понял он, что хватил через край, и обратился к Титико с вопросом:

– Так куда же тебя определяют?

– За пределы республики! – вздохнул Титико.

– Да ты что! – ударил в ладоши Павле. – У нас в деревне такой огромный винзавод, а тебя загоняют за пределы? Сюда же недавно прислали двух совсем посторонних лиц. Дела!

Титико знает об этом. Да ладно! Жаловаться и толку нет, и себе навредит, ни на что уже не сможет рассчитывать.

– Да уж, – вполголоса пробормотал Георгий. – А ты, Титико, как думаешь там работать? С ними или сам по себе?

– Начнём, посмотрим, – передёрнул Титико плечами. – Дело покажет.

– Не мне тебя учить, но знаешь, что бы я сказал? Ты там будешь не один. Работать честно ни за что не дадут. Даже если на первых порах дадут, не знаешь, чем это обернётся. Согнут тебя там, обратят в расхитителя. Кроме того – не разживёшься там деньгами, а работать здесь и не думай.

– И кто установил этот обычай? – съехидничал Павле.

– Он ещё спрашивает! Ну прямо невинная овечка! – повысил голос Георгий. – Кто, как не мы, народ!

К остановке у околицы подкатил автобус из города.

Из группы вышедших выделился мужчина с портфелем и неторопливым шагом пошёл вдоль просёлка. До дуба Окруа шагов двести, так что оттуда вновь прибывшего заметили сразу.

– Титико! Отец вроде идёт, – приложил ко лбу руку козырьком Димитрий, – знает он о твоей работе?

– Да нет! Откуда? Три дня у дочки гостил.

– Ну так молчите пока. Первым порадую его я.

– И всё? – удивился Георгий.

– Отчего же? Давненько мы не угощались в его давилъне.

Путник и впрямь оказался хозяином дома и дуба. Весть он выслушал со спокойным достоинством, быстро совладал с растерянностью от неожиданной радости. Попенял сыну:

– Чего мы топчемся тут, Титико? Отворяй ворота! – и как бы приказал: – Прямоком в марани – винохранилище. Попируем... порадуемся!..

Перевод с грузинского **Майи БИРЮКОВОЙ**.

г. Караганда.

Валерий ЗУБОВ

“С верой своей не расстался...”

Доброта

Доброту
помножь
на доброту —
получишь
зло.
Мне в этом
нескончаемо
из раза в раз
с издёвкой
везло.
Но каждый раз
я этот постулат
с сомнением
отвергаю
и мысль
лелею:
как жить
без доброты
и не делиться
ею?

Безнаказанность

Его
не вспугнула
картечь,
улёгшись
и даже лап
не коснувшись.
А пасть
растянулась
в улыбке,
окрашенной
кровью
навечно
уснувших...

Мама

К. Жуаспаеву

Слова,
как плач
домбры,
текли.
И ты
лежала
на коврах,
завёрнутой
в простынку.
И горе
горькое
они
в пространство
и во время
занесли.
И от тоски
душа
стонала,
а её —
тянулась
к сыну.
Молитва
«За упокой
души» —
из уст
имама.
А он
не верил
до конца —
шептали
губы:
«Мама»...

Восточная красавица

Красавица
на Восток
поглядела
и обворожительно
мне
улыбнулась.
И луна,
заглядевшись,
с солнцем
столкнулась.

В сумраке утра

Мне
видятся
кони
в сумраке
утра.
Одичавший
табун —
все
масти
высокой.
В них
гордость
и сила
гибкого
прута.
Бредут,
разливаясь
рекой
чистотела
и резвостью
сочной
осоки.

Его Величество

Снег
завалился
медведем
и проспит
до самой
весны.
И барашками
блеет
на елях,
и капусткой
солёной
хрустит
у сосны...

Белка

Орехом
скакнула.
Хвостом,
как сосной,
обернулась.
Весну
под моею
ногой
сколупнула.
И мне
улыбнулась...

**Захолодело
дыхание...**

Захолодело
дыхание —
днём
потеплеет
опять.
А к ночи
вернётся
и простоит
до утра.
В корзине-плетень
уже
не рассмотришь
опят.
И рыжик —
не бодрый,
обабок
уже староват.

Май

Май —
на раскорячку
ноги.
Весна
вползает
в лето.
Я босиком
вступаю
в реку.
А под одеждой —
мурашки,
как бусинки,
продеты.

На Иртыше

Вода —
в полутонах
сирене-
розового
неба
и обнажившейся
луны.
А набежавший
ветерок
идиллию
нарушил,
и на гитаре
не досчитался я
струны...

**Несостоявшийся
выстрел**

Памяти З.С. Кузетаева
Стрелять
я в тебя
не буду —
лети
к своим
берегам.
А весною
ты
возвращайся —
я в обиду
тебя
не дам.

О Родине

Унылая
до боли
степь
меня
не знает —
не знаю я её,
как степняки,
склоняясь,
знают:
в запахах
её
витают
смысл,
что Родиною
называют.

О степи

Прогнись,
как прогибаются
рельсы
под идущим
составом.
И к небу
прижмись,
чтоб домбра
от восторга
захлебнулась
октавой.

После съёмок

М. Конурову

Под утро
мы
ели
с тобой
колбасу,
глотали
изысканно
водку.
Ты
не заметил,
как взяли
косу
и сумрак
скосили
под самую
глотку...

Свобода

В едва
различимом
рассвете
грациозно
ступали
кони.
Роняли
росу
и ржали,
и удивлялись,
что никто их,
стегая,
не гонит.

Старость

Окна
сомкнули
глаза.
Старушка —
нежна
и слёзна.
И мысли
о прошлом.
Одна.
Затяжка.
Лишь
точка
огня.
В центре
окна.

Усталые кони

Всю
ночь
напролёт
шли
и шли...
К утру —
не всадников
в сёдлах —
степь,
казалось,
несли...

Уходящая осень

Лужей
растянулась
осень,
покорябала
листву.
Я её поднять
пытался,
да обвисла
снегом
на мосту.

г. Семей.

Ушедшая осень

Не выплакала
все
слёзы —
застыли
на ветках
сосулями.
Холодное
солнце
слепило
глаза,
растекаясь
по степи
косулями...

Чугунная стая

Перед
фарой
изящно
снялась
чугунная
стая
ворон,
где
каждая
птица
отдельно
паслась,
как мой
настороженный
сон.
А взмыли
все вместе,
без особых
потуг.
Так табор,
снимаясь,
кочует
за Буг!

Вожак

Волки
режут
отару,
распластав
её на снегу.
Кровь
свернула
буран
и застыла.
Кто-то
дёргает
конвульсивно
ногой, —
отбой!
Всё
окончено,
в скотобойню
превратилась
зимовка...
«Всё!
Пора
уходить», —
вожак
стае
своей
приказал...

Вера

Упал
на настил —
но до счёта «9»
поднялся.
Другое
измерение
как бы
постиг —
но с верой
своей
не расстался.

Марат ВАЛЕЕВ

Нож

Вся наша жизнь – это непрерывная цепь потерь и находок, порой самых невероятных. Вот одна из таких историй.

Как-то мы с одноклассником Генкой Шалимовым, когда учились в классе четвёртом или пятом, поехали на велосипедах на рыбалку в Лобаново (место такое рыбное на старице Иртыша, километрах в семи от нашего села).

Там народ обычно копал живущих в норках на глинистом дне белёсых личинок бабочек-однодневок – у нас их называют бормышами, – для ловли стерлядей. В месте копки этих самых бормышей всегда вились стайки шустрых ельцов. Вот почему мы и решили в тот день порыбачить именно в Лобанове. И рассчитывали натаскать ельцов не менее чем по трёхлитровому алюминиевому бидончику – стандартной ребячьей рыболовной ёмкости. А то и стерлядок на закидушки.

Когда мы с Генкой ранним июльским утром, безбожно гремя подвешенными на рули велосипедов этими самыми пустыми бидончиками и вихляясь на педалях всем телом, подъехали к Лобаново, то оказались там не одни. На песчаном берегу стояла брезентовая палатка, рядом притулился синий «москвичок» и дымился незатухший костерок. Трое явно не сельских мужиков, в добротной одежде и новеньких, блестящих на солнце резиновых сапогах-броднях, проверяли улов на своих закидушках.

Оказалось, что это были омичи, они приезжали порыбачить на выходные. У самого берега на их куканах в серо-зелёной иртышской воде медленно шевелили хвостами остроносые темноспинные, бугрящиеся костяными шипами стерлядки – штук по шесть-восемь на каждого.

– Ого! – сказали мы с Генкой почти хором и с завистью. И тут же полезли в воду копать бормышей – лопату мы взяли из дому. Пока возились с добычей наживки, омичи свернули свою палатку, сели в машину и уехали. В почти прогоревшем костре продолжали тлеть головни, а рядом на песке лежал не до конца использованный хворост. Прогрогнув, я решил погреться и, выйдя из воды на берег, подкинул в костёр сухого тальника. Он немедленно занялся почти бесцветным огнём, весело затрещал.

Повеселел и я, поворачиваясь к костру то одним, то другим мокрым боком. И тут моя босая подошва наткнулась в песке на что-то твёрдое и гладкое. Я посмотрел под ноги и не поверил своим глазам: из песка торчала рукоятка ножа в чёрных ножнах. Поднял свою находку, потащил за рукоятку и обомлел: в широком, не уже спичечного коробка, зеркальном лезвии отражалась моя изумлённая, всклокоченная физиономия с большим пятном сажи под носом.

Такой красоты я ещё в жизни не видел! Это был настоящий охотничий и, по-видимому, дорогой нож. С очень острым лезвием (я даже не заметил, как порезал один из пальцев), с толстым обушком, канальцем для стока крови, длинным хищным остриём. Но как он блестел! Даже Генка с реки заметил блики ножа, который я вертел в руке, и, бросив лопату на берег, прищёпал в мокрых трусах к костру.

– Дай посмотрю, – дрожа не то от холода, не то от нетерпения, протянул он мне руку.

– На, – поколебавшись, неохотно протянул я ему свою необычную находку.

Генка бережно принял нож и так же, как и я, с открытым от восхищения ртом стал вертеть нож в руках, размахивать им как мечом, колоть невидимых врагов.

– Давай меняться, – наконец сказал он. – Ты мне нож, я тебе велосипед...

– А ну отдай, – требовательно протянул я к нему руку. – А я, по-твоему, на чём сюда приехал?

– Ну, у тебя тогда будет два велосипеда, – безо всякой надежды сказал Генка, всё ещё сжимая рукоятку ножа. – Отдашь один брату своему. А?

– Нам одного хватает. Отдавай давай! – добавил я металла в голос. Кто его знает, этого Генку? Он вообще-то здоровей меня, выше почти на полголовы. Но тут такое дело – за этот нож я ему точно нос расквашу, пусть он мне потом даже ответит вдвойне. Однако Генка только вздохнул с большим сожалением и вернул нож. Я бережно вложил его в ножны.

– Хорошая вещь, – вдруг кто-то сказал за моей спиной. Я даже подпрыгнул от неожиданности и оглянулся. Всецело захваченные созерцанием моей изумительной находки, мы с Генкой и не заметили, как к нам подошёл какой-то светловолосый рослый парень с садком в одной руке, в котором ещё трепыхались живые ельцы и даже пара подъязков, и с парой удочек-донок на плече. Видимо, возвращался с утренней зорьки в Ивантеевку, деревеньку всего в полукилометре от Лобаново. Он сказал с доброжелательной улыбкой.

– Дай посмотреть.

Я недоверчиво посмотрел на него, потом на Генку. Генка пожал плечами: мол, как хочешь. Подумав с минуту, я всё же осторожно вытащил нож и протянул его парню. Тот опустил садок на землю, принял нож и так же, как и мы, с нескрываемым удовольствием стал рассматривать блестящий клинок. Сразу было видно, что рукоятка ножа ему как раз по руке: если я запросто мог держать его двумя руками, то широкая ладонь этого ивантеевского парня полностью накрыла рукоятку. Он поднёс клинок ко рту, выдохнул на него – зеркальное лезвие затуманилось быстро исчезающей испариной.

– А как он в ножнах сидит? Туго или болтается? – по-прежнему очень приветливо спросил незнакомец.

– Да вроде нет, – не чувствуя подвоха, ответил я.

– А ну дай примерю, – попросил он.

Ну я отдал ему и ножны. А парень аккуратно спрятал сверкающее лезвие в ножны и, улыбаясь поглядывая на нас с Генкой, также не спеша затолкал мою находку себе за брючный ремень, поднял с земли садок, на дно которого налип песок, и неторопливо пошёл по утоптанной тропинке в сторону своей вонючей Ивантеевки. Кажется, он что-то даже насвистывал при ходьбе.

Мы оторопело смотрели ему вслед. Ещё немного, и этот гад поднимется на берег и навсегда исчезнет за крутым склоном.

– А ну стой! – крикнул я ему в широкую спину, покрытую серой курткой с капюшоном. – Отдай мой нож.

Парень даже не прекратил свистеть и продолжал подниматься на берег. Я бросился за ним, догнал и вцепился в его руку с садком. Этот грабитель, даже не оборачиваясь, широко и сильно махнул рукой, и я упал и покатылся вниз, под берег.

– Бесплезно, – сказал мне, помогая встать на ноги, Генка. До этого он всё время молчал. Я оттолкнул его руку.

– Знаешь, кто это? Колька Овсянников! Его вся Ивантеевка боится. Он в десанте служил.

От обиды и горькой досады – такой был сказочной красоты нож! – меня начали душить слёзы. Но я сдержался, молча оделся – какая уж тут рыбалка, – поднял лежащий на песке велосипед и покатылся в гору. А наверху оседлал его и поехал, вихляясь на раме, домой. Тут уж я заревел во весь голос. Пока не услышал за спиной дребезжанье Генкиного велика. Я перестал всхлипывать и на ходу одной рукой утёр слёзы.

– Ладно, не расстраивайся, – поравнявшись со мной, довольно (или мне так показалось?) сказал Генка. – Всё равно бы его у тебя дома отобрали.

А ведь верно: отец тут же экспроприировал бы у меня этот нож – не будешь же его вечно прятать от взрослых, да и вообще от чужих глаз. Всё равно, рано или поздно, попался бы кому-нибудь из них на глаза с таким прекрасным и грозным клинком. Но, боже мой, как же мне ещё долго было обидно из-за такого наглого и бесцеремонного ограбления меня этим чёртовым ивантеевским бывшим десантником! Гад, нашёл с кем справиться! Вот если бы мы с Генкой были хотя бы в классе десятом, там ещё надо было бы посмотреть, кто бы у кого что отнял!

«Но ничего! – думал я тогда. – Вот тоже в армии попрошусь в десантники, отслужу, вернусь, и ещё посмотрим, у кого галифе ширше! Обязательно найду тебя, Колька Овсянников, и спрошу за отнятый у меня нож!».

Но в армии меня, весившего всего около шестидесяти килограммов и с болтающейся в воротнике тонкой шейкой, ни в какой десант не взяли. А отслужил я честно свои два года в стройбате, о котором даже и вспоминать не хочется. В Нижнетагильской стройбатовской учебке меня за полгода обучили премудростям сварного дела, и я строил в глухих пермских и костромских лесах секретные ракетные площадки.

Вернулся осенью в свою деревню готовым специалистом, и меня тут же взяли в тракторную бригаду сварным. Работа была так себе – ремонтировал всякие поломанные сельхозные агрегаты, вечерами болтался по деревне с парнями, ходил на танцы. А тут и Генка к началу лета вернулся из армии. И он тоже отмантулил в стройбате! Так что, выходит, не было у меня напарника, чтобы поехать в ту самую вонючую Ивантеевку, найти там этого гада Кольку Овсянникова и отделать его по полной программе за ту детскую обиду.

Мы с Генкой выпили на его встрече сначала грамм по сто пятьдесят, посмеялись, вспомнив тот случай в Лобаново. И уже было махнули рукой на подлеца Кольку Овсянникова, простив ему давнюю обиду. Но выпили ещё грамм по двести, и решили: нет, так дело не пойдёт! Надо валить в Ивантеевку, причём прямо вот сейчас, отволтузить этого негодяя Кольку Овсянникова и забрать у него нож. Пусть мы и не в десанте служили, но частые драки в стройбате нас тоже кое-чему научили. И потом, Колька-то Овсянников уже постарел, а мы молодые, бесстрашные – по крайней мере

сейчас. И нас всё же двое (больше никого в эту карательную экспедицию решили не брать, иначе она утратила бы элемент внезапности).

Генка взял у своего дяди старенький «Ижак» с коляской, и мы, выпив ещё для храбрости, оседлали мотоцикл и покатали в Ивантеевку. Туда ехать-то надо было всего девять километров. И вот мы, сбавив скорость, катим по мягко освещённой предзакатным солнцем ивантеевской улице. Прохожих почти нет, дело к вечеру, народ кто ужинает, кто коров с пастбища встречает. Пусть их, нам главное, чтобы Колька Овсянников был дома.

– А ты знаешь, где он живёт-то? – прокричал я Генке из коляски.

– Да вроде вон в той крайней хате, – проорал Генка в ответ, вильнув колесом мотоцикла. – Я ещё мальчишкой был, когда мы с дядей Колей к ним за какой-то фигнёй заезжали. Да щас спросим!.. Слышь, малец, Овсянниковы не в этом доме живут? Ага, здесь!

Мы тормознулись у аккуратного выбеленного дома с синими ставнями, с большим кленовым палисадником. Внаглую ввалились во двор (удивительно, но у Овсянниковых не оказалось собаки), и я забарабанил в дверь сеней – в дом без приглашения зайти всё же не решились.

За дверью послышались покашливание, неспешные шаги, и дверь сеней открыл... он, Колька Овсянников. Я его сразу узнал: такой же рослый, широкоплечий, только уже заметно погрузневший. Тот же уверенный и насмешливый взгляд из-под рыжеватых бровей. А вот причёска стала пожиже и какая-то пегая. Поседел, что ли?

– Ну чего вам надо, молодые чемоданы? – спросил Колька... Хотя уже, конечно, не Колька, а там Николай Иванович или Петрович. Совсем солидный стал дядька. Но выражение глаз то же, которое у него было там, в Лобаново – когда насмешка вдруг уступила место угрозе.

– А ты как думаешь? – хрипло спросил Генка и как-то весь подобрался. Он явно готовился ударить первым. Но это не ускользнуло и от Овсянникова. Он перестал улыбаться, быстро посмотрел на меня, на Генку, потом снова на меня.

– А, так я вас, кажется, знаю-ю! – протянул он. И тут Генка прыгнул на него. Но получил сокрушительный встречный удар кулаком в живот, упал на колени и закашлялся. Да, выучка Кольке Овсянникову не изменила. Даже ногой не стал бить, хватило одного удара кулаком, чтобы сломать пополам такого жилистого Генку. Но реакция его была всё же уже не та.

Когда Овсянников повернулся ко мне, то торжествующее лицо его встретилось с негромко, даже как-то удивлённо звякнувшей совковой лопатой. Я её приметил сразу, как только мы вошли во двор. Лопата была прислонена к стене, рядом с дверью – как будто специально кто-то оставил её для меня. И едва Овсянников вскинул брови, заметив Генкино намерение, я уже схватился за рукоятку этого грозного стройбатовского оружия и успел на секунду-другую опередить своего давнего обидчика. И когда Овсянников только собирался повернуться ко мне, лопата уже летела ему навстречу.

Конечно, это было нечестно. Но, думаю, вполне оправданно и справедливо. Да и не хотелось рук марать.

Овсянников рухнул навзничь, широко раскинув мосластые руки.

– Убили-и! – истошно взвыл кто-то за нашими спинами. Я оглянулся. Это, прижав руки к груди и вытаращив водянистые глаза, кричала немолодая уже тётя в калошах на босу ногу. Видимо, жена Овсянникова, вышла из дома на шум.

– Да кому он нужен, – сказал я, пристраивая лопату на место. – Этого бутая и ломом не убьёшь.

– Люди, карау-ул! – продолжала блажить тётка. Этого нам ещё только не хватало. Сейчас набегут, скрутят, в райцентр отвезут, ментам сдадут.

– Эльза, не ори! – вдруг приказал жене Овсянников. Он завозился на земле, опёрся руками и сел напротив всё ещё откашливающегося Генки.

Овсянников пострадал не особенно – была разбита только одна бровь да припух нос – лопата-то прилетела плашмя. Он потряс головой и... заулыбался.

– Чё, за ножиком приехали, придурки?

Генка перестал кашлять и кивнул.

– Ну, – сказал и я. – Отдавай давай. А то ведь я и повторить могу.

– Коля, может, позвать кого? – неуверенно спросила жена Овсянникова.

– Сгоноши-ка нам лучше на стол чего-нибудь, – вдруг распорядился Овсянников. – Ну, молодые чемоданы, пошли мыть руки...

Что нам оставалось делать? Такого поворота мы никак не ожидали и приняли приглашение. И застряли у Овсянникова часа на два. Вот такой оказался мужик! Вот такой! Ну а что касается того злополучного ножа...

– Мужики, вы уж меня простите! – плакал, шмыгая опухшим носом, Овсянников и бил себя рыжеволосым кулаком в грудь – это когда мы уже начали вторую бутылку. – Ну хрен его знает, что на меня нашло тогда. Нож-то и в самом деле отличный был. Ну взял и отнял, не удержался. Уж так хотелось мне его заполнить. Простите, если можете.

– Да прощаем, прощаем! – нетерпеливо сказал я. – Ты его верни всё-таки.

Мне очень хотелось вновь увидеть тот самый нож, который тогда буквально околдовал меня своей грозной, хищной красотой. А может, он вовсе не такой уж замечательный, а просто остался таким в моём прошлом, детском воображении? Короче, пусть отдаёт. Там разберёмся.

– Ножа я вам не отдам, ребятки, – неожиданно твёрдо сказал Овсянников, и мы с Генкой переглянулись: «шо, опять?».

И тут его жена Эльза, всё это время молча и с неодобрительным видом сидевшая в сторонке, закрыла лицо ладонями и, спотыкаясь, вышла из комнаты.

– Чего это она, а? – пьяно удивился Генка.

Овсянников молча опрокинул стопку водки, выдохнул, не закусывая, и, глядя в стол и медленно выговаривая слова, сказал:

– Вашим ножом... Мой сын... На танцах... Порезал одного парня. Он не выжил. Кровью истёк. Так что Васька мой... Теперь на зоне, уже шесть лет как. А Гришка в могиле. Вот чё ваш нож натворил!

Овсянников скрипнул зубами, уронил голову на руки и почти тут же захрапел.

Мы с Генкой тихо встали из-за стола и, слегка пошатываясь, прошли на выход. Жена Овсянникова проводила нас враждебным взглядом и на наше «До свидания!» ничего не сказала...

г. Тура,

Красноярский край.

Алексей БОРЫЧЕВ

“Увидеть мир во всей его красе...”

Триолет 1

Кто часто ошибается в простом,
Тому порой легко бывает в сложном.
Вне категорий — истинно ли, ложно —
Кто часто ошибается в простом.

Судьба научит времени кнутом,
Что и подчас ошибку сделать должно!
Кто часто ошибается в простом,
Тому порой легко бывает в сложном.

Осенние вариации

Песком золотым сквозь небесное сито
На землю осыпалась осень
И небо — до звона покоем разбито —
Ударами гулками оземь.

Оно, рассыпаясь на тысячи лужиц,
Пронзило уснувшие чащи
Острейшей стрелой ноябрьской стужи
И снегом, печалью блестящим.

Избушка лесничего, старясь, ветшая,
Неспешно отправилась в вечность.
Никто в этом странствии ей не мешает.
Скребнутся лишь мыши за печкой...

**Алексей
БОРЫЧЕВ**

родился 25 мая 1973 года в Москве в семье инженеров. Закончил с отличием МГТУ имени Баумана по специальности оптик-разработчик, аспирантуру по специальности: «Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ», кандидат технических наук; работал в институте общей физики РАН, занимался вопросами математического моделирования преобразования лазерного излучения. С 2005 года – член Союза писателей России. Редактор сетевого журнала «Новая литература» (отдел «Поэзия»).

Публиковал стихи в журналах «Юность», «Московский вестник», «Вестник российской литературы», в «Литературной газете», «Истоки», «Сияние лиры», «Российском писателе», «Московском литераторе», «Дне литературы» и др.

В «Ниве» выступает впервые.

Блуждая по первому снегу, по бликам —
По огненным пятнам — увидишь:
Гуляет бывшего двойник бледнолицый.
К нему не захочешь, да выйдешь...

Леса и сады улыбаются грустно
Багряной густой тишиною.

Молчание — это, конечно, искусство —
Почувствовать осень живою.

Ни судьбы, ни страны...

Холода обжигают лицо.
Блики солнца упали на снег.
Закатилось судьбы колесо.
Воет ветер, а слышится — смех!

Догорает рубиновый день.
Голубая ложится вуаль
На просторы лесов, где везде
Розовела закатная даль,

Где берёзы, осины, дубы
Тщетно тянутся ветками вверх.
Ни зимы, ни страны, ни судьбы...
И прозрение разум отверг.

Холода обжигают лицо.
В синеве утопая, иду.
Замыкается снова кольцо.
Снова мир в одноцветном бреду.

Открывается медленно глаз —
Равнодушной к земному луны...
Ни покоя, ни жестов, ни фраз.
Ни любви, ни судьбы, ни страны.

Утром

1.

Прося прощения у вечности
Свинцовой сумеречной тьмой
За краткости и скоротечности
Часов, забытых кутерьмой,

На запад ночь плыла, не ведая,
Что обращают вечность в ноль
Мгновений выстрелы рассветные,
Земную не сразив юдоль.

2.

Рассвет, задумчив, нерешителен,
Уча какой-то свой закон,
Легко общался с небожителем
Весёлым птичьим языком.

Чирикал, тенькал и посвистывал
Живой бесформенный комок
В переплетенье хвои с листьями,
И уставать никак не мог.

И ощущение пряной праздности
В разноголосой пестроте
Дразнило, образуя разности
Оценок чуда в красоте.

Лишь там, где сырость изначальная,
Камыш, осока, молочай —
В траве — отчаяньем качаема —
Ютилась некая печаль.

Ведь утро, медленно скользящее
По тёмной чаше бытия, —
Не что иное, как блестящая
Слеза, о Господи, твоя...

3.

Я видел, как зажжённая зарёю,
Горела ярим пламенем роса,
И над травой, спешащая за роем
Каких-то мошек, мчалась стрекоза.

Переливаясь радугой, сверкала,
Разбившись отраженьями в росе;
И понял я, что целой жизни мало —
Увидеть мир во всей его красе.

Зима

В гробу ледовых стылых дней зима заснула.
И блик весны дрожал на ней, на снежных скулах.

Тепла не чувствуя, она во сне искала
Страну, где стынь и белизна, где льды и скалы.

И на лице застыл декабрь, едва заметной
Улыбкой, чопорной слегка — бесстрастья меткой.

А слишком яркий — в сотни жал — январский холод
В ресницах инеем лежал, на них наколот.

И — вспышек магнай белей — блестели кудри
Морозной дымкой февралей — искристой пудрой.

Весна! Хмельная теплота! Глоток такая!
Ты всё равно не та, не та...

Ты — не такая...

Ночная миниатюра

Синей бабочкой лесною
В паутине темноты
Билась позднею весною,
Тронув крыльями цветы,

Полночь,
звёздною пыльною
Опыляя небеса,
Где — луны полукольцо и
Бездны тёмные глаза.

От биенья крыл полночных
Трепетала темнота.
Паутина, хоть и прочно
Полночь сцапала, но та

Порвала её, на запад
Улетела. А клочок
Паутины трогал лапкой
Злой рассветный паучок.

Радужное прошлое

Звезда Маир сияет надо мною...

Ф. Сологуб

Осколки разбитого детства
Мечты искромсали мои...
От прошлого некуда деться.
И где он, далёкий Маир!

Пронизаны радостной дрожью,
Проносятся годы, а я
В грядущее по бездорожью
Иду, за предел бытия.

Мелькают забытые лица,
Фрагменты былого. Они
Меня призывают молиться
За прошлые грешные дни...

А лучики воспоминаний
Погасли, не греют мой мир.
В свинцовом осеннем тумане
Померк мой желанный Маир...

Молюсь, чтобы не было боли
От счастливо прожитых дней
И чтоб, обедневши судьбою,
Не стал бы я духом бедней.

Грядущее свяжет, конечно,
Тугою петлёю невзгод
Крыла, на которых беспечно
Душа совершала полёт.

Оно роковой пеленою
Окутает радужный мир,
Но вновь заблестит надо мною
Зовущий в иное Маир.

Философическая элегия

Отрицая превосходство расстоянья над событием
И сплетая паутину хаотичности миров,
Торжествуют над причиной — озаренья и наитья,
Открывая и скрывая сроки бед и катастроф.

Обращая чувства, мысли в потемнение бумаги,
Всё прочнее и прочнее устанавливаем связь
Между точным и случайным, отвергая силу магий
И сюжетов сновидений переливчатую вязь.

...Хор небесный, не смолкая, пропоёт о том, что будет,
А потом он приутихнет, откровенья исчерпав.
И задует время свечи, а тепло забытых судеб
Сгинет в холоде могильном на костях и черепах.

Только где-то на болотах пламя бледно-голубое
На мгновенье загорится и погаснет на века,
И забытое бывшее — злое, доброе — любое
Обратится под золою, под землёю в червяка...

Что останется? — немножко: горя маленькая ложка.
Что же будет в этом мире? — только то, что не сбылось!
...Снова путь пересекает чёрная, как дёготь, кошка.
За окошком — всё медведи трутся о земную ось...

Осенний фрегат

Небесным лоцманом ведомый
В цветную бухту сентября,
Корабль осенних окоёмов
В туманы бросил якоря.

На мачтах корабельных сосен
Качнулся парус облаков
Фрегата под названием «Осень»,
Плывущего в простор веков.

... А утром якоря подняли,
И, разрезая гладь времён,
Поплыл в тоскующие дали,
Сливаясь с призраками, он,

Пройдя все зимы и все вёсны,
Вернётся в гавань сентября,
И эти мачты, эти сосны —
Спалит прощальная заря...

О времени

Наш мир — иллюзия, ведь он
Реален только в наших мыслях,
В страстях, эмоциях и числах,
Определяющих закон,

Наш мир. Его существование —
В невыполнимости слиянья
Двух антиподов бытия,

Где аниону — катион
Дан в соответствие. Их жизни
Выстраивают механизмы,
Которыми и сохранён

И этому помеха — время,
Как невозможность расширения
Земного — в горние края.

На митинге...

Когда воцарился безумный царёк,
Восславились двое — Курок и Ларёк, —
Народы молчали.
Народы молчали, когда на войну
Бессмысленно выродок кинул страну,
Все были в печали.

Народы молчали... молчат и теперь,
Когда государство окрепло, как зверь
Оскаливши зубы,
Готово бедою потешиться всласть! —
Такая уж чёрная русская власть, —
Работает грубо...

И снова беда за бедою растёт,
И снова у плахи толпится народ,
Несчастный, забитый!
Века он молчал, и теперь он молчит!
Терпения нить — натянута — скрипит.
Ничто не забыто!

И — скоро совсем — оборвётся она. —
Узнает героев родная страна,
И «вздёрнутся» петли.
И стянутся шеи быков, что пока
Жируют; их крови прольётся река!
Довольно терпеть ли?!

... А никто ничего и не ждал!

... А никто ничего и не ждал!
И зима очень долгой казалась.
Много сложного — всё, как всегда.
А простого — ничтожная малость:

Беспокойная стайка берёз,
В небе крыльями тихо махая,
Отгоняла упрямый мороз
От небесной обители мая.

Май пока ещё в небе, пока
Не спустился на землю, однако
Он лучами играл в облаках...
А в лесу, невзирая на слякоть,

Суетился апрель под сосной,
Растопляя снега и, конечно,
Огонёк появился лесной —
Улыбнулся кому-то подснежник.

И когда работяга апрель
Гнал ручьи по снегам, по оврагам,
Над землёю рубином горел
Льдистый воздух...

Туманная брага
Растворялась в мерцающих днях
И роняла в проталины капли...
И леса лепетали звеня,
И деревья стояли, как цапли,

В полыхающей талой воде,
Все пиликали, перекликались...
И плескался сияющий день
В бирюзовом небесном бокале.

А потом, усмехаясь грозой,
Май вошёл в эти пьяные рощи,
Кучерявый, весёлый, босой.
Вот и всё! ... а бывает ли проще?

Эзотерическая сказка

День лениво доедал ягоды заката. —
Медвежонком по сосне на́ небо залез.
Звёздным платьем шелестя, ночь брела куда-то
И платок лиловой тьмы бросила на лес.

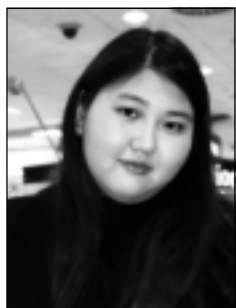
В белом рубище туман шастал по низинам,
Бородатый и седой, — прошлый день искал.
Космы длинные его путались в осинах
И клубились над водой, будто облака.

Замолчало всё вокруг, словно ожидая
Что появится вот-вот из иных миров
Что-то важное для всех: искра золотая?
И сорвётся с бытия таинства покров.

Колдовская тишина взорвала пространство.
И оттуда полетел тёмных истин рой...
Но в лучах зари он стал быстро растворяться,
А потом совсем исчез в небе над горой.

Поглотил его рассвет, крылья расправляя
Над туманом, над рекой, над ночью мглой...
И падучая звезда — точка голубая —
Вмиг зашила небеса тонкою иглой!

г. Москва.

Бану РАМАЗАНОВА

Одиночество в большом городе*

Главы из повести «Заветные строчки»

*Давно забытые, под лёгким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Всё, что давным-давно утрачено душой.*

*Горя огнём стыда, опять встречаются взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблёкшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.*

А. Фет
1859

Глава 1

... И ты сейчас читаешь эту жизнь, которая тебе вовсе неизвестна, но ты читаешь потому, что тебе кажется, что даже эта жизнь, которую я веду, не такая уж другая – как у тебя, поэтому ты, как и я, убеждён, что всё же что-то нас объединяет – ты такая, как и все. Ну и я тоже... Но я в глубине души так хочу верить, что что-то в нас есть такое в каждом, звёздная пыль, необыкновенная история или просто чудо, ну что-то, что делает нас исключительными, особенными, не такими как все. Конечно, не меня одну, а каждого из нас на этой планете. Пусть снаружи наши оболочки кажутся обыденно серыми, но внутри горит особым цветом огонь, которого больше нет ни у кого. Я надеюсь и верю в это, только порой так тяжело найти силу верить в это каждый день, особенно когда всё идёт не так, как хотелось бы с самого начала. Когда один день перетекает в другой, а ты даже не можешь заметить того, чем же он отличался от предыдущего. Когда кажется, что крылья за спиной не могут поднять груз, который на плечах, и бытует об острый и холодный ветер в попытках...

Каждый день я просыпаюсь и пытаюсь вспомнить, что же мне приснилось, что же мой мозг хочет мне сказать, когда я его не контролирую, когда не даю ему воздух для тех потаённых мыслей, которые бродят у меня в голове, и даже не уходят, а просто затаиваются на время. Бьются об стенку внутренних органов, пройдутся по моему организму днём, ждут, когда наступит ночь, когда у меня не будет сил, глаза закроются и сознание покинет меня, чтоб всё-таки высказаться, выкрикаться и стать свободными наконец. И не избежать этого, ночью в его руках находится пульт от моего личного телевизора.

С первыми лучами солнца (а может, скорее, проснусь в полдень), скорее всего, специально забуду всё, что снилось, и подойду к своему компьютеру, который работал всю ночь, загружая новый сезон какого-нибудь сериала или фильма, и ровно час у меня займёт проверить все сайты, где я зарегистрирована, в последний раз открою почту, может, всё-таки кто-то уже успел соскучиться по мне и написать новое сообщение. Но на самом деле, такого никогда не бывает. Отойду на пару шагов, всё равно вернусь, поставлю песню по настроению и начну собираться. Под ритм музыки поднимается настроение. На время. Подтанцовывая, чистить зубы у зеркала,

* Сокращённый вариант.

корчить самой рожицы, подпевая мелодии с пастой во рту. Получается по-другому, как же ещё. Освободить и петь во весь голос – на всю студию. День в университете как во сне или даже в трансе – почти никогда не запоминается, может, даже потому, что я ничего не слышу, даже когда идёт самая интересная лекция или семинар, потому что я сижу, углубившись в свой маленький чёрный блокнот, и черчу то, что мне в голову взбредёт, слова песни, которые застряли в голове. Оглянувшись по аудитории, опять продолжаю углубляться в дебри своей непонятной души, думать о жизни и что дальше по курсу. Раздумья о смысле жизни всегда более плодотворны в университете, чем дома на кровати. Ничего не приобрёл за последний час и ничего не потерял. Кроме времени, которое ушло впустую. Радует только то, что таких, как я, на моём курсе, кажется, немало, теряясь в дебрях своих сотовых, они тоже прохлаждаются. Ничего не остаётся, как устремить глаза на что-то другое, нежели затемнённая аудитория. А тяжёлые гроззовые тучи за окном – не самые дружелюбные спутники хорошего настроения, обещая холодный дождь до костей, они навевают тоску. Пролиты-вая, почему-то частенько на этих страницах можно найти свечи, которые горят в полутьме. Я не знаю, что они значат, и почему я продолжаю их рисовать, но из года в год они никогда не исчезают. Пусть кто-нибудь проанализирует, что это всё значит в моей голове, и скажет мне. Неужели я только умею рисовать горящие свечи и больше ничего?!

Вечера, ах эти вечера, которые человек проводит в одиночестве, почти ничего не значат для него, нет солнца или есть, появились ли звёзды на небе, – какая разница. Если у тебя немой театр где-то в грудной клетке, не важно, что происходит за пределами этого театра. Но если ты такой же, как и я, и ты не можешь дождаться, когда же сядет солнце и нужно будет пойти спать пораньше, чтобы не видеть, как медленно движется часовая стрелка. Как не имеют смысла вечера. А сон – отличное лекарство для тех, кто живёт один. Сколько бы ты ни спал, тебе всё равно хочется спать. С полуоткрытыми глазами можно лежать ещё, пока уже не сможешь спать. А когда ты спишь, самое важное то, что твои чувства и ощущения тоже ложатся спать, уже в твоём мозгу. Ты спишь, не чувствуя ничего – нет тебе бытовых проблем, душевных ран и прочего. Хорошо, что люди умеют спать, считать барашков на ночь, петь себе колыбельные, потому что иначе появилась бы проблема бессонницы. Ночь становилась бы для людей новой жизнью, новым Богом и, конечно, приютом для беспокойных людей. Людей с тончайшей душой размером в океан. Поэтому часов в девять я подготавливаю себя морально для сна, пару деньков будет ломать, так как вставать не хочется рано, через недельку никто не сможет уже часов в одиннадцать смотреть фильм или читать книгу, тело будет проситься обратно в тёплую кровать. Ложусь в такое время вовсе не потому, что завтра рано утром начнётся новая страница этой главы или потому, что будет сложный день (дни-то все тяжёлые), а потому, что устала верить в сказки, ну и вообще уже просто устала, а завтра прекрасный и солнечный день, который обещали синоптики в Интернете, всё равно в конце концов будет такой же простой день, как и сегодня, которые сотрутся из памяти за несколько лет, а в глубокой старости эти дни, которыми была заполнена моя молодость, вовсе не придут мне в голову. И когда захочется рассказать внукам и детям про молодость в тяжёлом кресле из выбитого материала, долго думая, пытаюсь вспомнить, мне не останется ничего другого, как придумать что-нибудь или перевести беседу на тему сказок. Уж лучше говорящие подсвечники и часы из мультиков, чем то, как я провела свои студенческие годы в Англии. Жалко себя заранее и грустно от того, что ничего не меняется. Разве жизнь заключается в этом? Как будто лампа в моей душе горела, а масло давно не меняли. И разбилось стекло, которое режет изнутри. Тем, кто живёт в

компании и не может сидеть дома хотя бы один вечер, или в него закралась душа будущего шоумена, никогда не понять, как вроде бы шесть маленьких стрелок на часах кажутся невыносимым бременем. В таком молодом возрасте. Им никогда не понять, потому что они не слышат тиканья часов в темноте, и пробивают вовсе не часы, а минуты. Расстояние от тиканья минут – часы или вечность, впрочем, какая разница, всё равно за это время сердце успевает остановиться, губы – набрать ещё один глоток воздуха и заново завести неработающее сердце. Вытащить, ударить кулаком пару раз, заменить батарейки, увидеть, как загорается зелёным цветом, и обратно его нежно вложить на тот случай, когда само уже начнёт сокращаться от переработки химикатов и адреналина. И так продолжается, пока когда-нибудь один из механизмов не даст сбой, и всё будет по-другому. А пока остаётся только лишь вдыхать существование. И это опять же в таком возрасте, где энергия должна бить ключом и порхать над землёй, как бабочка. А не жить со старушкой внутри, которая молча наливает тебе чаёк. Улыбается ещё ласковой улыбкой с железным сарказмом за зубами, который вот-вот готов проскочить мимо маленьких дырочек. Больно, но нет другого выхода, когда ты мечтаешь о том, как быстро сейчас пролетит время и можно будет обнять свою подушку. Тяжело проводить вечера одной, сидя или читая, время почти не идёт, не с кем поговорить или даже помолчать в трубку, зная, что за тысячи километров тоже бьётся сердце, и слышать дыхание, которое, кажется, гладит тебя из твоего аппарата. Невидимо, но хотя бы так.

Но так как никого нет, тем, кто ещё не нашёл себе людей, мой совет – делать что-то, чтоб не слышать, и самое главное – не чувствовать себя одним в доме. Делать что угодно. Для меня это – уборка. Для того чтобы дом сиял, как в рекламе – везде – нужно как минимум три часа. Вот оно – одно из отвлечений. Поэтому частенько все уборки в моём доме проходят именно вечером, заглушая чёрную дыру в моей жизни, которая заглатывает всё и от жестокой жалости оставляет тебе тишину. Самая мудрая мысль была – записаться в тренажёрный зал. После долгой и нудной учёбы ничто так не взбадривает, как час, проведённый на беговой дорожке. Это не только поддерживает меня в хорошей форме, но и изматывает, так что не представляешь, как ты будешь идти домой ещё пятнадцать минут, когда сил уже не осталось. А для себя я ещё наняла персонального тренера – он красивый, на него можно смотреть и любоваться, пока мили бегут одна за другой. С кем можно поговорить о жизни между занятиями, кто может с тобой поспорить. С кем можно хотя бы вести диалог. «Поговорить» – такое хорошее слово. А то от привычки жить одной появилось вредное правило – говорить с самой собой, комментировать свои же поступки. Слышать от самой себя: «Ну ты, Ая, даёшь, просто молодец, и что теперь дальше»? Разговор, эх... его много не может быть. Как люди так частенько не ценят это, чаще всего они избегают его как чумы. Затыкая уши белыми наушниками или мощными битами зеркально-гладко-чёрного цвета. Оставшиеся часы до закрытия и после персонального тренера провожу в бассейне. Мягкая вода успокаивает, впитывает как губка, а горячий воздух сауны высасывает всё и прочищает, уносит все плохие мысли и энергию, не останется и мысли даже, что сегодня ты в тупике личной жизни и место твоё под солнцем уже, наверное, кто-то занял. Остаётся только сладкая усталость после зала – и ничего больше. Это последний удар по моему организму и сознанию. Потратил всю энергию, подумал, побегал и забыл. Потом не остаётся даже сил идти домой – всего-то пятнадцать минут пешком. Дома, после душа, ноги всего лишь смогут тебя дотянуть до кровати и заветной подушки. Ты ляжешь и сразу же уснёшь после изматывающего сеанса в тренажёрном зале. И не будет тебе бессонницы, где не остаётся ничего, как думать в темноте, вглядываясь в потолок. Не будет сил себя жалеть и плакать. Утром проснёшься и даже не

сможешь понять, когда ты всё-таки уснул. Лечебница пессимистов должна называться – тренажёрный зал.

Я не веду дневников, хотя, наверное, надо бы. Так, из прагматических соображений. Разговор с собой, своими мыслями, желаниями и ночными фантазиями в кровати, пока не усну, а потом читать и анализировать всё мне бы не помешало. Нет, это не для меня. Бред свой не собираюсь читать на свежую голову. Сначала потратить время на то, чтобы написать, потом это же время потратить, чтобы прочитать. Когда можно было бы по памяти вспомнить. Одни сплошные минусы. А потом, в порыве чувств что-нибудь понапишу такое, что даже Фрейд во сне не мог бы увидеть, даже если бы сильно захотел. Нет, этот стиль жизни не совсем подходит мне, ведь не сможет же человек здравомыслящий понять человека, который идёт на поводу своих эмоций. Мои поступки зависят от моего настроения. Ну, запишу, но когда буду читать, скорее всего, не вспомню, какие эмоции меня обуревали. А так будет казаться – поведение пятилетнего капризного ребёнка. Так что психолог – самое оптимальное в этой ситуации. А потом совсем чужой человек будет знать всю подноготную, все твои секреты из твоих чирканий, если, конечно, он хороший психолог, которому не нужно говорить в лицо, в чём проблема, который сможет прочувствовать это на бумаге. Наберёт компромат на меня. Не верю я в эту врачебную этику, что тайна остаётся тайной. Дневники – идея хорошая. А если всё-таки попробовать, то только через годиков десять, когда стану старше и мудрее, когда закончится весь этот бред, то, мне кажется, мы с ним поладим и может даже я его полюблю. Записки из дурдома. Будем вести как Лев Толстой, чтобы потом собирать библиотеку из своих же сочинений. Ну а пока повременим с этой идеей. Себя одной хватает. Разговаривать с собой потихоньку тоже начинает входить в моду. Стиль одиночницы. Ведь у него есть столько плюсов: никто не говорит тебе, что делать, никто не спорит с тобой о вечере, о ресторане и музыке. Можно вести себя как дура неадекватная, тебе плевать, и друзей нет, которые будут осуждать и смотреть косо. И никто не пожалуется родителям и письмо не напишет. Никто не говорит, как тебе жить, как правильно себя вести, каких друзей опасаться. Ну, кроме родителей, и то они далековато, и тревожить их по причине того, что одиночный уклад жизни уже надоел и стоит уже в горле, не хочется. Наверно, у них проблемы побольше и глобальнее. А тут ещё реально подумают, что дочь их – родная, милая, точно дура неадекватная. А тут я, для кого всё сделано, всё, чего ни пожелала, всё было, теперь маяться от того, как людям покажется, что делать нечего. Просто ещё одна, которая хочет, чтоб весь мир вокруг неё вертелся. А родителей жалко – заботить их таким! Всё ради тебя делают, а ты ноешь. А было бы из-за чего ныть. И вот сидишь, некому даже на жизнь пожаловаться, чтоб тот выслушал, покивал головой и напоил тебя горячим чаем с двумя ложками малинового варенья, чтобы жизнь слаще была. Сейчас придёшь домой усталой после чего-нибудь, не надо прибираться, всё равно никто не придёт и не оценит, как ты переменила свои апартаменты, новые ковры и предметы декора. А самой тоже иногда становится неинтересно, для себя, для себя, всё для себя любимой. Не хочешь быть такой избалованной, а тут жизнь сама толкает тебя на путь эгоистичный. И пусть никто не видит, зато своим глазам приятно, когда заходишь. Сама, самой и себе. Через время это самое для себя становится как ругань человеческая. А как хочется кому-нибудь приготовить ужин при свечах или просто приготовить на двоих, пусть будет друг, подружка или сосед. А для себя любимой жалко тратить время, стоять у плиты часа два. Поэтому держим все брошюры из всяческих ресторанов, чтобы быстро и дёшево, и диссертацию как раз успеешь чуть-чуть написать. А пока никто не ходит. Некому готовить. Нету плеча. В этой жизни преобладает этот самый человек – никто. Никто хотя

бы дружелюбен. Тихо положит свою руку на твоё плечо во время грусти, отвернётся от тебя, чтобы не видеть твоих слёз, и тихонько стоит, касаясь твоей спины, и понимает, что если и он покинет, то останусь одна, поэтому не покидает. Верный, такой, как Хатико. В такие моменты, мне показалось, что вот оно то, чего боится всё человечество – одиночество и тишина, жизнь, погружённая в молчание. Остаётся либо принять такие суровые условия, либо бежать под большой двухъярусный автобус, но второй вариант намного больней, чем ты думаешь, а я эгоист по жизни и не особо люблю боль и кровь тоже. Так что как бы тяжело ни было, но кидаться с крыши четвёртого этажа я не буду. И потом: разве нет человека, который не хотел бы увидеть двери рая?.. Если у рая есть двери. А потом, это, конечно, не сразу пришло ко мне, но ведь тишина – это на самом деле не без звука. Ночью проезжают машины за окном так громко и чувствительно, что можно ощутить это у себя в кровати. Когда ты собираешься ложиться спать, там, за тонкой стеной, кто-то страдает от чего-то, скорее, от разбитого сердца и слушает Фрэнка Синатру. А ты лежишь и тоже слушаешь, подпеваешь песне и мечтаешь в кровати, чтоб таким же прекрасным голосом когда-нибудь, даже если не сегодня, но когда-нибудь посвятили песни нашим ночным прогулкам. Без толку гуляет молодёжь за окном, напиваясь, не зная, что ещё делать. Громкие крики парней и девушек, приставания пьяных людей, треск бутылок об асфальт и прочее, то, что не даёт тишине покоя. Шаги проходящих людей, даже дома, когда ты лежишь в кровати, что-то внизу или за дверью скрипит, шумит компьютер на столе от загрузки, светит сотовый, как маяк, в темноте, внутри стены что-то движется, идёт вода по трубам в бетоне, надежда или страх остаются одной невыносимы. Просто мы все привыкли не замечать их, тонувших на фоне звуков реальной жизни, голосов настоящих людей и других шумов, наполняющих нашу жизнь. Люди так часто кричат, что хотят побыть в тишине, что им нужен покой и всё прочее, что прилагается к нему, чтобы все мы оставили их в покое. А те, иные, такие как я, наоборот, ищут утешение и смысл происходящего в звуках, в речи и музыке. Так прекрасен звук! И потому, пользуясь этим, в такой момент жизни, пока нет никого, с кем можно было бы пригрозить тишине, чтобы она навсегда ушла из моей жизни, те остальные звуки дома или вне дома, ты можешь подружиться с ними и радоваться, что ты не одна. И я не унываю, просто мне иногда, скорее всего частенько, становится тоскливо, мне хочется, чтобы и в моей жизни было что-то такое особенное и прекрасное. А пока у меня есть всё это время, о котором люди так мечтают, чтобы просто побыть одной. И может, однажды я проснусь и сделаю что-нибудь с ним, что-нибудь полезное. То, что могло бы изменить мир, сделать его немного лучше и солнечнее. Пусть и не на глобальном уровне, но хотя бы на маленьком таком, человеческом. За эти часы, которые я смотрю в потолок или в окно, можно было выучиться играть на пианино, придумывать ночами на клавишах такие мелодии, чтобы люди останавливались послушать хоть немножечко, научиться вязать спицами или крючком, за это время уже успела связать всем красивые цветные шарфики. Столько ведь можно было сделать. А я всё своими мыслями глубоко ухожу в себя. А может, заняться философией?! Раз так толкает мыслить о жизни, о людях, их судьбах. Только вот философия – наука непонятная, у неё нет ни одного правильного ответа. Все толкуют по-разному, ещё больше запутывают тебя. А учебники – это просто старые записи мудрецов, прочитав которые один раз, точно не поймёшь, что именно они там понаписали: как рецепты от врачей, только если сильно приглядеться, можно хоть что-то разобрать. А так с философией по жизни не бывает тупиков в жизни. Задумка хорошая. И поэтому, наверно, всё-таки стоит вести дневники, чтобы поделиться с кем-нибудь

своими заметками о жизни. Сократ и Аристотель, конечно, будут всегда актуальны, но что порой они знают о нашем времени, где ценности изменили себе: чтобы раскрыть человека, тебе нужен уж очень острый нож, слоёв у него теперь больше, чем у актёра на постановке. Ведь нужен новый взгляд на старые вещи. И новые рассуждения на иные времена. На те, которые, кажется, переплюнут все остальные вместе взятые. А может, опять это всего лишь мой юношеский максимализм? И идёт всё та же старая игра?..

Несмотря на размеры города, в котором ты живёшь, если ты один, ты всегда будешь чувствовать, что он намного больше, чем все остальные, даже если у него всего несколько главных улиц. Кажется, что мир сосредоточился в этом среднем старом городе. Что вся земля поместилась в необыкновенном образе этих старых домов. Как же так, что я столько живу тут и даже не могла обратить на себя внимания? Я маленькая точка большого уравнения! А потом подумаю, что быть частью большего не совсем плохо. И может, это уже совсем последняя стадия моего бреда, но именно это я люблю – потеряться в толпе людей, проходить мимо одних и тех же витрин супермаркетов, посмотреть на себя, подправить волосы и дальше идти с кофе в руках. Конечно, не кофе, терпеть его не могу, а горячий шоколад. Вкуснее, слаще и полезней. Всё-таки состоит он из немереного количества гормонов счастья. Если вы хотите о чём-либо подумать, а дома не сидится, мой вам совет: возьмите кофе, если вы не похожи на меня, в хорошей кофейне и прогуляйтесь именно по центру города, вы увидите, как это стимулирует мозг, вы можете найти ответ на свой вопрос в человеке, который, может, пройдёт мимо вас. Никто не может быть настолько правильным. Мир был бы не так интересен. Что бы то ни было, и как бы мой компас не чихал, а самые интересные вещи обсуждаются именно там, на улице, когда ты думаешь, что никто тебя не слышит, если у писателя нет вдохновения, открой уши и послушай, о чём говорят люди, и может быть, даже что-нибудь заинтересует, даст новую идею, или жизнь прохожего покажется историей на американского Оскара, никто этого не знает. Ты даже не можешь представить, о чём говорит молодая мама по сотовому, качая коляску с новорождённым. О чем ссорятся пары на улице, когда им плевать на то, что вся улица обернулась и смотрит на них. Сядь на улице и послушай, о чём говорят подружки за другим столиком. Какая история у старика с тросточкой? Центр очень интересен своей многогранностью. И ты вовсе не чувствуешь себя одинокой в толпе, там постоянно играет музыка, дети смеются, пускают мыльные пузыри и просят купить новую игрушку, пары проходят мимо, держась за руки, ты не можешь не чувствовать, что ты частичка этой волны. Она захлёстывает абсолютно всех, хотят они этого или нет. Я никогда не видела человека, который был бы против такого общения. Улыбаясь тебе, кто-то проходит, не зная тебя. Что может быть лучше для настроения? Оно поднимается с каждой минутой на десять баллов каждый раз, и когда у меня потрясающее настроение, тогда у меня «едет крыша» по-настоящему. И в тот момент меня посетила идея, которую я в здравом тоскливом уме никогда бы не стала воплощать, но сейчас всё казалось чересчур «хорошо», и только поэтому мне пришла самая удивительная идея, которая посещала меня за последние дни: а что, если написать себе письмо в будущее, когда мне станет лет на десять больше, я открою и начну так смеяться над своим юношеским максимализмом и неизменяемым кривым почерком, который даже сейчас так трудно прочесть. А потом вообще надо будет часы проводить за тем, чтобы понять, какая именно буква написана. Хорошо что я не увлекалась каллиграфией. Она бы точно усложнила жизнь не мне одной. Но чтоб произвести на себя впечатление в будущем, надо купить хорошую красивую бумагу и ручки, которые будут не писать, а рисовать меня сейчас. В тонких чернилах передавать тонкое настроение этого

времени. Писать не только о себе, о мире вокруг меня. О моём времени. Быть писателем и художником своего времени. Теперь, проведя несколько часов в канцелярском магазине, я иду домой счастливая, с пакетом, полным всякого канцелярского товара, чтобы написать себе о том, как это – жить в 2011 и как надо, наверное, меняться. Так, совет на будущее. Хе-хе.

Если я не люблю писать дневники, это вовсе не означает, что я не могу писать письма, так ведь? Для начала я решила написать всё это на компьютере, чтобы можно было поменять, исправить грамматические ошибки, а не переписывать начало по триста пятьдесят раз. А потом взял и переписал. Делов-то. Это клише – смотреть на пустой экран монитора, на виртуальный белый лист бумаги, который нельзя прочувствовать, вдохнуть свежесть типографского дерева. Смотреть на свой монитор и не знать, с чего начать. Да ну эту идею, если писать, то с ошибками, если предложения – пусть будут зачёркнуты, пусть я через пару лет буду видеть, что я делала ошибки, что можно делать ошибки. Опять клише. Речь как из кинофильма романтического. И вот оно – тот самый момент, как будто на исповеди. Вдох – выдох. Трясётся рука. Не исповедь, а страх. Страх, что если ты меня не поймёшь... Если я не пойму себя сама, желудок уже начинает сворачивать от такой жуткой мысли. Если я сама не пойму, кто же меня тогда поймёт? Как находить тогда вторую половинку, если я сама не цела? Плевать. Раз начала реализовывать эту идею, нужно идти до конца. Была не была. Какая разница, всё равно, наверное, эти листы окажутся в мусорной корзине раньше, чем я себе представляю. Не буду же я хранить такой хлам на самом деле. Или буду?

Как же себе адресовать? Дорогая Аяла? Не слишком банально?

«Дорогая Я,

Я та, которая всё равно будет любить тебя больше всех на этой земле, пока что твоё прошлое, голос издалека.

Так сразу даже не знаю с чего начать, что тебе рассказать. Мне хочется верить, что через лет десять у тебя всё будет шикарно! А если честно, какой там верить, вера немного устарела в наше время. Пусть тогда оно будет хотя бы лучше, чем сейчас, не в данный момент, а уж лучше, чем в этом году или эдак годика четыре назад. Я пишу это письмо с надеждой, что я открою его, как ты уже поняла, через десять лет. Хотя я себя знаю, как свои пять пальцев, так интересно можно говорить, про себя? Скорее всего, твоего, точнее – моего терпения хватит максимум на год, прежде чем ты разорвёшь этот красивый конверт, который, к твоему сведению, стоит очень дорого, так что поаккуратнее, не пролей какой-нибудь сок на него или, если надо будет быстро найти бумажку для записи номера телефона, найди другой! А то, честно, ты обижаешь меня! Столько сил потратила! Цени это! Для себя ничего не жалко, но это не означает, что можно этим пользоваться для каких-то мелочей. Если всё же ты откроешь это письмо когда-нибудь, то я хочу, чтобы у тебя был правильный расклад и уже подготовленный фундамент, чтоб снова очутиться здесь, в этом солнечном 2011, скорее дождливом – Великобритания не знает такого слова как «солнечный». Включи песни, которые так тебе нравились, когда ты была молодой, не то чтобы через десять лет ты будешь старой, но всё равно юнее, что ли, но, зная себя, я знаю, что у тебя хорошая коллекция музыки, но всё равно включи те композиции, по которым ты сходила с ума в 2011. Вот они, всего их 25. (И я привожу их названия).

Я не так часто удаляю песни из своего ноутбука, не помню даже, удаляла ли за последние пять лет, но этот список на всякий случай, если некоторые исчезнут или он потеряется. Это то, чем ты сейчас заслушиваешься так, что ломаются белые наушники.

Но если ты откроешь всё-таки это письмо раньше, запечатай его обратно и положи куда-нибудь далеко, но не так, чтобы потом его не нашла. А так, чтобы ты потом смогла найти его без проблем, ещё раз прочесть, когда тебе станет скучно или грустно. Только если ты будешь уезжать (или переезжать), пожалуйста, не забудь про это, и даже если перегруз наберётся, возьми их, не пожалей денег. Когда-нибудь ты возьмёшь опять свой старый альбом, чтобы просмотреть фотки былой давности. Вспомнить, посмеяться, разглядеть свои длинные волосы, которые ты подстригла. Ах, ностальгия, сейчас ты от меня далека и непонятна. Ну а потом...

Сейчас ты немного одинока или просто строишь из себя жертву, которую мир никак не может понять. Или просто у тебя ещё не появились друзья, но в будущем, мне кажется, это исправится. Ты найдёшь тех людей, которым по три часа сможешь говорить об определённой песне, которую ты слышала. Которые будут слушать тебя, потому что в глубине души они тебя любят и только поэтому выносят всё это.

У тебя такие же глубокие шоколадные глаза, мне всё больше и больше кажется, что они темнеют из года в год. Они становятся почти чёрными. Волосы свои я тоже покрасила в шоколад, чтобы гармонировали с глазами. Твои щёки заправляют миром, они так напоминают маленьких детей, которых сразу хочется ущипнуть. В таком-то возрасте! Ты всё ещё остаёшься маленьким ребёнком в душе, ты идёшь по советам Коэльо – не убивайте детей внутри вас. Твой любимый цвет – изумруд, как и любимый камень. Твой нелюбимый цвет – красный потихоньку всплывает в твой гардероб, не по твоей воле, просто он тебе очень идёт.

В этом году ты ещё не нашла своё место под солнцем, потому что мы не можем определиться, что мы значим для Вселенной, в чём наш смысл. Пока у меня есть несколько идей, но я не уверена. Надеюсь, это прояснится. Но если всё же нет, тогда соображай быстрее или займись тем, что приносит хотя бы удовольствие и деньги. Звучит ужасно, но кормить семью надо. Счастье за деньги купить нельзя, но красиво обустроиться можно, и жить тоже.

Мир всё крутится и крутится вокруг Земли, учёные ещё не нашли жизнь за пределами нашей планеты, но это даёт режиссёрам шанс помечтать. Всё равно движение пошло, начали продаваться участки на Луне. Наверно, прекрасный должен быть вид из окна оттуда на наш маленький домик. Песни изменились, раньше слова правили, сейчас биты, под которые можно танцевать. Частенько замечаю, что песни ни о чём, поэтому чаще всего слушаю специально написанные мелодии для фильмов. Они красивы! К нам ещё не долетели лучи тех звёзд, которые на самом деле потухли. Звёзд на небе стало меньше, вся вина лежит на нас и на нашем злоупотреблении светом. И получается, что все желания не успеешь загадать. Люди не перестали писать! Люди не перестали читать. Заходишь в книжный магазин, и сердце прыгает от счастья – столько хороших книг написано. Жалко, что все не успеешь прочитать. Все спешат куда-то, наверное, если у меня будет работа, то я так же буду смотреть на свои часы и бежать куда-то. Такое чувство, что эти люди быстрыми своими шагами раскручивают нашу планету вокруг её оси. А представь: они бы остановились, и время на миг замерло. Как хочется многим, чтобы время замерло, чтобы побыть со своими любимыми.

Если вдруг ты найдёшь себя в таком положении, когда ничего уже не имеет смысла, и если есть кто-то наверху, почему он не смотрит сейчас за мной, потому что мне сейчас не помешал бы знак – куда идти, даже если он будет приклеен к стене с объявлениями. Мы это прошли, мы смогли, мы сейчас находимся в будущем, значит, не всё так плохо, как я драматизировала. Ты не можешь представить, как я хочу заглянуть к тебе в твоё настоящее, какое оно? Кто со мной?

Какая у меня причёска? Я только могу мечтать... и то не попасть в точку, никто не знает, как я себя поведу.

И напоследок – никогда не забывай свои мечты, именно они придают силы идти вперёд, пусть они кажутся огромными и невыполнимыми, но когда ты будешь читать это письмо, я уверена, многое, что я хотела бы сейчас, будет у меня, когда я буду читать, и значит, ты можешь взять бокал вина и выпить с улыбкой за то, что они осуществились. Просмотри все те улыбки, которые засыпали на кадрах фильма, потому что мир будет ещё полон тех улыбок.

Конечно, с любовью, Я Сама».

Кто бы подумал: чтобы написать не самое длинное письмо, нужно столько времени. И ты даже не знаешь, как это – писать себе в будущее, когда на самом деле сейчас всё не так, как хотелось бы, что немного грустно почти каждый день, и ходить под весенним дождём это не безумно, хотя потом морозит, но очень приятно. Зачем всё-таки придумали зонтики, для меня мокрые волосы всегда красивее, даже прямые волосы завьются в слабые локоны. Это самая лучшая причёска.

Не буду врать: написав себе же письмо, почувствовала, что мне стало легче. И эти письма, которые я стану читать потом, не будут такими исключительными. Лучше описывать те моменты жизни, которые хотелось бы оставить в памяти с помощью пера и бумаги. Переломные ситуации. Чтобы когда написала, что-то упало с груди, не тяжёлое, скорее, что-то бесполезное, невысказанное. Как одно письмо может поменять мировоззрение. Небо голубее, чем было вчера, солнце светит и уже не тепло, а жарко от лучей, которые пробиваются сквозь окно, даже если за окном скоро будет октябрь. И даже промелькнёт мысль о том, что жизнь вообще в целом-то прекрасна.

Вот с такими переменами в настроении и в мыслях проходило множество месяцев моей жизни. Никто почти не замечает таких людей, потому что, если не вглядываться, то в их жизни нет ничего такого, чтоб привлечь чужой взор. Обыкновенное и серое, как тучи, когда люди ищут по жизни людей – солнечных зайчиков и лучей солнца. И скорее всего, я бы тоже не заметила. Может, поэтому со стороны, если присмотреться, никто не хочет узнать такого человека. Но ведь есть люди, которым я буду казаться той половиной, которой так не хватало для долгих разговоров ночью за чашкой чая.

А потом...

И ты понимаешь, что такой стиль жизни никуда тебя не привёл, ну, конечно, изменения кажутся такими страшными, потому что под той новой краской будет всё тот же человек, который находится с тобой сейчас. Но ведь хочется быть другой – смешной, кокетливой, неприступной, забавной, красивой, яркой. Быть ярче, чем жизнь, чтобы люди сами тянулись к тебе. Чтобы были друзья, с кем можно веселиться в парке и смотреть «Титаник». Ну а пока никого нет рядом, может, поэтому стоит что-нибудь сделать, всё равно терять нечего, и если не поможет, можно всё равно вернуться назад. Но только когда вернёшься, будет гораздо хуже, после стольких усилий, после которых ничего не изменилось, будет тяжело вновь вставать на ноги и опять мечтать и ждать.

Я так люблю город, в котором я живу, это прекрасное место для таких романтиков, как я. Особенно гулять, когда тепло и лёгкий ветер раздувает мои шоколадные локоны, просто хочется находиться на улице. Куда ни пойдёшь, везде звучит музыка, играют парни на гитарах, в центре девушка поёт оперную арию, молодые парни задают ритм на ударных и, конечно, самый последний – мужчина, который колдует на испанской гитаре, появляется не всегда. Люблю подниматься по улице на самый верх, а потом медленно спускаться по мелким

закоулкам, которых иногда даже не замечаешь, когда идёшь. Если ты ищешь вдохновение, поживи здесь, посиди в этих красивых садах и парках, насладись тихим смехом детей, которые пускают воздушных змеев. Такое чувство, что вдохновение навсегда поселилось здесь, нашло свой земной адрес.

А если завершать день, то в кофейне или в хорошем маленьком кафе, где подают самые вкусные сладости. По городу таких очень много. Но мой самый любимый – «Шоколад». Кафе всегда уютно в полутьме и запахе какао с кухни. Этот запах просачивается, заполняет твой мозг мыслями о хорошем, нет, о прекрасном, и обещает, что если подождать, то рай наступит очень скоро в одной кружке. За последние годы меня уже успели здесь узнать, а я уже успела перепробовать всё, что здесь есть. Если когда-нибудь вы здесь окажетесь, попробуйте ягоды в шоколаде. Маленькие шарики шоколада, состоящие из ягод внутри, сладких созревших плодов малины, черники и ежевики, прокусываешь центр, а там ягоды удерживают тёплый шоколад. Если есть рай на земле, то он точно здесь. И лишние калории счастья тоже тут неподалёку.

Мой любимый столик – один из дальних у окна, где можно спрятаться от всех влюблённых и молча наслаждаться шоколадом. Без лишних глаз. И потом смотреть, что творится за окном. Смотреть на людей, на то, как они ходят.

Скрип стула рядом вернул меня в реальность. Напротив села девушка моего возраста в классическом летнем платье, с пирожным и чаем. Не может быть такого, что она здесь одна, такие девушки уж точно не ходят одни. А уж тем более со сладким в руках, это же столько калорий – как минимум два часа занятий на беговой дорожке! Мираж, галлюцинации, но не реальность. Но, тем не менее, она улыбнулась мне и села за стол. Прошло минут пять. Стул напротив её никто не занимал, я стала ждать парня, может быть, он у кассы расплачивается за сладкое. Ведь всё-таки она положила свою сумку сбоку, а не на стул напротив, чтобы не мешала. Длинные красные ногти, она покрашена так, как будто после этого её ожидала вечеринка за углом. Если бы это была я, если бы я была одна, то не стала бы краситься только ради себя, не говоря о том, что никогда не смогу накрасить себя так. Ну, может, поэтому я и одна. Она улыбнулась мне, неудобно, когда ты понимаешь, что смотришь на человека уже достаточно долго. Мне осталось только улыбнуться и быстро заставить себя задуматься о чём-либо другом. Но я не могла оторвать свой взгляд от неё. Да, она была одна здесь, но через каждые две минуты её сотовый вибрировал на чистом полированном столе. Она улыбалась и писала ответ. Её голова почти склонялась над сотовым, чёрные, как смоль, густые волосы закрывали её лицо. Потом она опять клала его обратно и брала ложечку, чтобы зачерпнуть шоколад. Мне стало как-то смешно: я сижу в джинсах, футболке и кроссовках и смотрю на девушку в платье и туфлях, как на куклу. И тут я поняла, что она на самом деле напоминала мне фарфоровую куклу из тех, что привозили мне родители. Большие глаза, чёрные волосы, светлая кожа и платье, таких у меня дома много. Сестрёнка до сих пор собирает их в коллекцию. А тут живая копия ходит по земле. Она, наверно, не один раз слышала, как она красива и что у неё внешность куклы. Наверное, хорошо ей живётся. У меня в голове пролетает мысль, что я отдала бы всё, чтобы побыть ею хоть пять минут. Быть такой, которая проходит, а ей улыбаются все парни, разворачиваются остальные прохожие и присвистывают. Как в рекламе шампуней. Мне тоже так хочется.

Она повернулась ко мне с улыбкой, как будто прочитала мои мысли, и спросила меня, не знаю ли я точного адреса этого заведения. В тот момент я впервые в жизни услышала её голос. Конечно, она не парень, но почему-то я немного смутилась и быстро ответила. Столько раз сюда ходить и не знать адреса просто грех. Все грешники знают, где находится ад. Она поблагодарила. Взяла сотовый

в руки и начала печатать. Мне можно было остаться и посмотреть, кто придёт сюда, наверное, такой же красавец. Я улыбнулась ей, тихонько встала и пошла к выходу. Её голова всё ещё склонялась над сотовым. Уже потом так случится, что мы опять встретимся в этом городе. А звали её Камилла.

Когда живёшь одна, можешь себе позволить всё что угодно, а я позволяю себе много из-за того, что рядом никого нет. Такая вот девичья слабость. Иногда даже приятно так. Приходя домой, зажигаю свет в комнатах и тушу, пока не дойду до главной комнаты моей жизни – спальни. Устану, как собака, и тогда, кинув сумку подальше, чтобы ночью не наступить, ложусь в кровать в том, в чём ходила весь день. Кроме кроссовок. И пусть за это время ко мне успело прилипнуть множество бактерий, а постель-то чистая, у меня нет сил раздеться и надеть другие вещи.

Ну а пока пролетают машины мимо твоего окна, ты лежишь и смотришь в темноту. Пытаешься различить хоть что-нибудь. Беззвучно берёшь подушку и обнимаешь, и молишься, чтобы когда-нибудь на этом месте лежал тот, кто состоит из крови и плоти. А пока... ты представляешь, что на том конце света он, наверное, просыпается и тоже думает о тебе, так же, как и ты сейчас.

Иногда я просто себя не понимаю и, если честно, если бы я могла описать себя одним словом, это было бы самое подходящее – нытик. Жаловаться на жизнь, на учёбу, и, конечно, – на судьбу! А что ещё делать, когда понимаешь, что всё не так, как хотелось бы, и вроде ждёшь это счастье, которое уже давно должно найти меня, но пройдёт год-два, после пяти ты уже точно думаешь: а есть ли на самом деле это счастье?..

Стоит ли из-за этого так киснуть? Порой так себя ненавижу за то, что одна маленькая вещь может меня выбросить из игры. Падает настроение, нет сил дальше продолжать втягивать воздух. И в редкие такие минуты в моей голове вдруг появляется совсем другой голос саркастичнее, прямее и жёстче. И в битве он всегда выигрывает. Потому что он силён. А что вообще означает слово «счастье»? Жизнь у меня хорошая. А кому нужна эта любовь? Родители ради этого меня обучали за границей?! Чтобы после этого я вышла замуж и сидела дома как отчаянная домохозяйка? Вообще меня не устраивает! Не буду! У меня другая дорога, и дуру из себя не буду строить.

Смотрю на себя в зеркало, в другом настроении я просто смотрела бы и думала: что всё-таки во мне не так, но сейчас с новым командиром оно говорит совсем по-другому: «Будешь умнее в следующий раз – можно ли жить романтикой и сказками? Куда они приводят людей? Жизнь всё-таки не Спящая красавица или Русалочка, хотя, конечно, надо признать, что у них всё тоже не складывалось прекрасно, но всё же они уже рождались красивыми, с аквариумными глазами и с целым королевством в приданое, и, конечно, у них не было другого выбора, как влюбиться в другого принца. И всё-таки, сквозь слёзы и страдания, они получали своих принцев, а у нас бьёшься-бьёшься, но всё равно нету даже и половины этих принцев. А если тебе принц не нужен, это не значит, что надо кидаться на весь остальной хлам.

И сейчас этот самый голос уже кричит: «Ну сколько можно?», а за ним следом: «Чего тебе не хватает, а?».

Посмотреть со стороны: учусь за границей, когда некоторые даже и не мечтают о таком, хожу на концерты своих любимых звёзд, когда другие смотрят по своим жидкокристаллическим телевизорам! Кому нужны эти парни?!

Не смогу, что ли, прожить одна?! Смогу! Переживу! И ещё всем покажу. Ты посмотри на себя – красавица! Интеллект какой! Любую беседу сможешь поддерживать, очаровать других – да раз плюнуть! Опора родителей! Не нужны мне тут маменькины сыночки! И вообще, то письмо отправлю в огонь – подумаешь, минута слабости, у кого не бывает?! Так тоже нельзя опускаться, это даже не ниже плинтуса и не фундамента, скорее всего, даже ниже ада, а есть что-то ниже ада? Каждый сходит с ума как может. Это не значит, что сдаю свои позиции. Наоборот, пока все будут мечтать о красивом замужестве, я уже буду делать свои первые шаги к покорению мира, и это начнётся с новой стрижки, более дерзко – кричащая свобода!

Такие вот качающиеся настроения изо дня в день. Если бы я себя не знала, то подумала бы, что страдаю шизофренией. Но это всего лишь я, живу со своим настроением. И тем, что оно мне оставило за тот день, когда оно правило моей головой – короткими волосами. Прекрасно.

За перемены!

Глава 2

Все мы имеем друзей, я не знаю, кто сделал этот вывод. Либо ему в жизни очень повезло, либо он не умеет отличать людей от друзей. Как бы там ни было, он всё равно прожил оптимистичную жизнь, раз может так громкогласно утверждать. Согласна, в большинстве случаев он прав.

Говорят, что настоящая дружба – как любовь – тоже редка, почувствовав один раз что это такое, ты становишься зависимым от хорошего настроения, шуток вместе, глупых поводов встретиться вновь и знать, что в этом мире вовсе не один.

Опять я замечталась, как маленькая. Ах, мечтать – моё ремесло. Так вот проходит моя жизнь – за чашками горячего шоколада и чая, где я могу побыть в своём мире не одна. Там у меня много друзей. Там хорошо и прекрасно.

Мы сидели опять в этом уголке кафе, где когда-то повстречались. Но теперь вместо того, чтобы сидеть за разными столами, мы делили два пирожных на двоих. Такое чувство, что дружба, может, даже глубже любви. А хотя не могу быть точной, надо попробовать всё на вкус, а потом утверждать.

Я не знаю, правильно ли это, но не помню, как всё началось, я помню с чего, но так получилось само собой, что, проведя всего лишь один месяц, я уже не представляла свой день, если хотя бы не поговорю с ней и не узнаю, как у неё дела. Конечно, я могла бы не звонить, но ощущение целостности пропадало вместе с ним. День за днём протекал с какой-то бешеной скоростью, впрочем, они не были исключительными, мы не делали ничего такого неординарного, чтобы время так просто протекло, наверное, когда человек по-настоящему счастлив, нет такой вещи, как время. Может быть, время входит в уравнение любви, но здесь у него нет никакой власти и силы.

Чем мне нравится Камилла: когда мне не спится, я могу позвонить среди ночи и знать точно, что она поднимет трубку, увидев меня на экране своего телефона, чтобы поговорить опять на ту же самую тему снова.

Чем запомнился мне этот вечер? Может, тем, что он был особенно тёплым. И комната за целый день успела впитать лёгкость солнечных лучей, которая ещё не успела растаять в воздухе, несмотря на то, что солнце уже село и небо покрывалось узорными звёздами. Проводить часы за болтовнёй казалось не таким уж неадекватным, местонахождение друг друга было, конечно,

ненормальным для людей, которые живут в пятнадцати минутах ходьбы друг от друга. По телефону, если ты можешь услышать биение сердца и когда оно молчит между разговорами, и можешь уловить те частые «всё хорошо» с глухим сердцем, тогда я поздравляю тебя. Но мне нужно видеть человека перед собой, чтобы точно знать, что за словами нет лжи и притворства. Поэтому мир познакомился со скайпом, дай боже здоровья тому, кто придумал и создал его, потому что жизнь стала насыщенной и более яркой, сидя за компьютером, можно видеть глаза и лицо собеседника. Был двенадцатый час, за окном ничего не видно, кроме тусклого света, исходящего от фонарей на улице, который ещё слабее проскальзывал через жалюзи в комнату. В этой почти полной кромешной темноте я сидела за столом и смотрела в монитор своего ноутбука – единственный источник света во всём доме. С моим ярким воображением я не могла оторвать глаз от монитора. Ни не могла, а просто боялась жуткой темноты в комнате. Боялась, что если обернусь, то сзади меня стоит кто-нибудь в маске и с жутким длинным ножом. Ни шороха, ни дыхания – одна из тех картин из фильмов ужасов, когда ты понимаешь, что все вымерли, кроме тебя. Этот страх объясняется постоянной тишиной. Осталось только увидеть серый клубок пара от своего дыхания и можно будет просто кричать в истерике. Самое ужасное то, что все серийные убийцы заходят в дом своих жертв неслышно, как будто являются частью её. По идее, темнота становится стилем их жизни.

– Бу-у-у-у!

– Ха-ха, придумай что-нибудь получше. Ты же знаешь, после стольких часов, проведённых за всеми криминальными фильмами и сериалами, «Бу-у-у-у» на меня точно не подействует. Надо что-нибудь пооригинальнее.

– Включи свет в комнате и сиди нормально. Глаза свои только портишь.

– Да нет, мне и так хорошо. Тем более, при свете пропадает прилив крови в мозг, и тело перестаёт вырабатывать адреналин.

– Ты же знаешь, что когда-нибудь твоё «это самое» до добра не доведёт. И я вовсе не горю желанием быть тем человеком, который будет звонить твоим родителям.

– Да брось ты, у каждого своё больное место. Каждый находит свою ветку для своего саморазвития и страсти. И к психологу меня тоже не стоит вести. Ты любишь политику и моду, ладно, соглашусь, они идут более дружно, чем фильм и убийство, но я же ничего не говорю.

– Ещё бы ты сказала что-нибудь.

Было довольно поздно. Мне привычно стало ложиться в полшестого утра, потом спать до обеда. Камилла тоже не спала в это время – крайне удивительно, потому что после десяти она обычно уже видела свои сладкие сны. Но в этот раз она сидела в Интернете и писала про себя в твиттере, а я читала, потому что мне, как обычно, было скучно и нечего делать. Тем более, мне было интересно отвечать ей тоже в твиттере. И так мы сидим вместе, наши окна открыты, но мы даже не поднимаем глаз, чтобы взглянуть друг на друга, вместо того мы ежеминутно смотрим обновления в твиттере, чтобы увидеть ответ. Но через час это становится не так уж разумно. Твиттер разрешает всего 140 знаков, невозможно всё передать в этих лимитах. Поэтому мы вернулись к маленькому окошку на мониторе, который утверждает, что мы в разговоре уже более двух часов. И спать мы тоже не собираемся.

Такое маленькое окошечко виртуальной сети как-то сближает, когда ты не можешь быть рядом или просто не хочешь выходить ночью прогуляться с подругой, потому что поздно и страшно как-то гулять по полумёртвому городу. А тут ты сидишь и смотришь, можешь говорить, и никто тебя не услышит, и в то же время можно отлучиться на кухню и сделать себе горячую чашечку какао или

чая. Если бы мы вышли и замёрзли, даже если за окном лето, в такой час мы точно бы не нашли хороший чай или кофе во всём городе. Пока я на кухне с открытой дверью, чтобы до меня доходило всё, что она мне говорила, готовила себе зелёный чай с жасмином, она что-то рассказывала про планы на неделю. Камилла любит придерживаться графика, она точно знает, что ей нужно сделать, что нужно купить в супермаркете – у неё всё по полочкам. Люблю этот чай именно из-за аромата, который окутывает тебя, пока ты пьёшь. Кофе я не умею делать, а горячий шоколад всё равно получится не такой, какой я привыкла пить в кофейнях. Так что чай – единственное, что я держу у себя в кухне. Пока я готовила себе, Камилла уже успела отвлечься и читала кое-что в Интернете, а услышав, что мой стул произвёл звук на другом конце виртуальной жизни, она начала писать что-то. Я тоже не стала разговаривать. Мои глаза смотрели на то, что пером пишется на моём экране, жду, когда оно застынет, и у меня появлялись эти предложения. И между делом пить горячий чай.

Как быстро уходят из твоей жизни люди! Ещё вчера ты не мог представить свою жизнь без них, а где они сегодня? Каждый раз, пуская нового человека в свою жизнь, ты думаешь: блин, я же вижу нас двоих через двадцать лет, вместе проводящими летние вечера в Алматы. А тут совсем другой поворот событий. Да, моя вина в нашей ссоре по большому счёту больше, чем её, но танго всегда танцуют вдвоём, по крайней мере так я думаю. Когда улеглось всё, я понимаю, что мне так хочется набрать эти цифры мобильного телефона и сказать «прости», но что-то внутри не пускает, вместо того, открывая «в контакте», пробегаю по списку моих друзей, не удалила ли она меня из них. Конечно, нет, она не такой человек. Но лучше бы удалила. Ничего не хочется делать, за учёбу тоже не стоит браться, становится дико одиноко. Наступает тишина. И ты перестаёшь жить на время, движешься с толпой, потому что пока сил нет, они ушли на то, чтобы думать обо всём, складывать всё в одну цепочку, вспоминать все слова и так же пытаться избежать каких-либо встреч в городе и в жизни, потому что при встрече будет дикое молчание – я не знаю, что сказать человеку. Набирая в рот воды, проходить мимо, так, как будто этого человека не существует. Не разговариваю, значит, и здороваться не могу. Тогда уж лучше сидеть дома. В полной тишине своих стен. В той тишине, которую так боятся люди и которая наступает после тяжёлого разрыва. Передрактизировала слегка. Совсем чуть-чуть. И пусть у меня будут прекрасные воспоминания, которых не было бы, если бы я не зашла за кофе, тех долгих ночей на чёрном диване, где можно было говорить обо всём, поддерживать друг друга в тренажёрном зале. Да, но в то же время эти самые воспоминания делают этот период времени настолько ложным и болезненным. Иногда думаешь, лучше бы вообще памяти не было.

Я знаю, что я не одна такая. Я не одна живу своими эмоциями и драматизирую чересчур. Но так жалко терять друзей, потому что ты не можешь сделать первый шаг, потому что внутри тебя что-то не пускает сделать это. Зная Камиллу, самого гордого человека на земле, понимаю, что она тоже никогда сама не придёт и не скажет «прости».

Самое тяжёлое – это когда ты не можешь жить без этого человека и понимаешь, что если переступить через себя, всё будет как прежде, но не можешь. Человек стал тебе родным, и даже если вы не друзья и не разговаривали уже две недели, но всё равно частенько ты спрашиваешь общих друзей, которые остаются на тебе грустный взгляд, понимая, что ты тупой и это, в общем-то, тупая ситуация. Проходит время – уже почти месяц. И уже совсем другие мысли

начинают забивать мою голову. Камилла стала для меня как семья за эти месяцы. За это время мы узнали друг о друге то, что даже КНБ может даже никогда не узнать, самые страшные вещи и самые страшные тайны, и когда этот человек пропадает из твоего поля зрения, ты не знаешь, что человек может сделать с этой информацией. По идее, я даже её год не знаю, но я открыла столько всего, потому что во время своего одиночества мне так не хватало человека – живого, из крови и плоти. Но за это время я успела узнать, что она никогда до такого не опустится, не важно, в гневе она или нет. Я помню, как её большие миндалевидные глаза повернулись и сказали: «Не волнуйся, что происходит здесь, остаётся здесь. Это как Вегас, наш общий маленький Вегас в скучной Англии».

После нашего разрыва я частенько стала думать о дружбе в целом. И об этой ситуации, которая случилась с нами. Как я по нечаянности открыла альбом с её фотографиями в Интернете, чтобы она могла скачать их себе в компьютер, тем самым открыв доступ всему белому свету.

Ненавижу периоды холодной войны в дружбе, быть в одной компании – и не побежать и улыбнуться в камеру как обычно. Вместо этого стоять на другом конце комнаты и делать вид, что не замечаешь человека, представляя пустое место или невидимую ткань вокруг человека. А в душе-то всё по-другому. Думаешь, а что стоит подойти и просто сказать: «А давай начнём сначала», как там кот Леопольд учил: «Давайте жить дружно», порой кажется, легко этому коту с бантиком на шее, ведь он никогда не был в такой ситуации, когда не дружба, а поле после сражения.

«Дорогая Я,
вот оно – ещё одно письмо.

После моего импульсивного первого письма прошло довольно-таки много времени. Конечно, я могла бы за это время написать ещё дюжину писем. Но я не стала, может быть, ты там сожалеешь, на другом конце бумаги.

Ты, наверное, задаёшься вопросом, чем же значимо это письмо? Я тебе отвечу, что дружба – это не так легко, как казалось. Совсем нелегко делить свой мир с совсем другим человеком. Приватность становится невидимой линией, но я нисколько не жалею, что Камилла появилась вдруг из ниоткуда.

Сейчас вспомнив всё и её лёгкую улыбку, полную энтузиазма и доброты, мне становится немного грустно и печально, оттого что я не могу набрать её номер телефона и поговорить ни о чём. Если мы сейчас не вместе и пытаемся сделать вид, что не видим друг друга, зачем я пишу тебе вообще? Хороший вопрос, просто за всё это время я не познакомила тебя с Куклой.

Ты же знаешь, что себя я считаю наивным человеком, но ты ещё не знаешь её. У неё большое сердце, которое не раз уже люди пытались растоптать. Но она этого не замечает, потому что верит в лучшее в человеке. Да, именно поэтому разочарование так часто стучится к ней в дверь. И всё равно пройдёт время, она будет знать, на что способен тот или иной человек, и всё равно она никогда не откажет, никогда... Зная, что есть вероятность того, что в ответ она может не получить добро. Скольких людей ты встречала на своём пути, которые так же могли поступить?

Сны, эх, сны... Мы любили разгадывать свои сны. Каждое утро за чашкой утреннего сока мы рассказывали, что нам приснилось. Частенько мы снились друг другу. Однажды, ночуя у неё, мы лежали в кровати допоздна, мечтая, какой будет наша жизнь через десять лет, и заснули. Утром мы не удивились, что каждая забежала в её сон. Мы открывали наш сонник и пытались прочитать, что звёзды хотят нам сказать. Каково же было наше удивление, когда он точно предсказывал события. Мы стали фанатами. Фанатиками.

Поэтому утром истерически пытаешься вспомнить всё до мелочей, ну а сны, хитрые создания, их не удержать в своей голове, через час они разлетаются с солнечными лучами. Открываешь сонник и не можешь вспомнить. Засада. С кем ещё я могу так переживать о том, что мне снилось?!

Однажды наши разговоры о том, что нам пришлось пройти, чтобы быть на этом месте, взял не самый позитивный поворот. Каждый из нас задумался о тех вещах, о которых не знает никто. Лучший друг знает, что у друзей не бывает секретов друг от друга, но он понимает, что лучшие отличаются тем, что знают: есть те истории, не шрамы и секреты, которые будут только таиться в глубоких недрах нашей души. И он уважает это. И не будет спрашивать, даже если любопытно, и при удобном случае не напоит для компромата.

Это письмо должно было просто описать всё, вместо того оно приносит мне боль в душе в виде вопроса, почему я не сделаю первый шаг? И вправду, если такие люди один на миллион, почему я даю им утечь сквозь мои пальцы как вода, вместо того, чтобы вцепиться за них зубами. И если я не наберу её номер телефона, буду ли я сожалеть всю свою жизнь?!

Ну, хорошо, будь по-твоему, я не позвоню, а напишу. В твиттере. Это не белый флаг – это «давай объявим о перемирии».

А ты, даже находясь в своём каком-то будущем году, всё равно каким-то образом помогаешь мне сейчас.

С вечной благодарностью за всё,
твоя».

Это только в Англии можно идти в три часа ночи и не бояться, потому что в такое время никто не пройдёт по городу. Ни одного светлого окошка в округе, все уже легли спать, счастливые люди, кажется, у них не бывает бессонницы, им не хочется встать с кровати и подумать о своей жизни ночью в тишине. Счастливый народ.

Ну а пока я иду по мокрому асфальту, становится страшно, что тебя преследуют картины из самых разных фильмов ужасов, когда ты понимаешь, что ты единственный человек, оставшийся в живых, а город полон тех, кто стал ИМИ. С такими мыслями всегда быстрее доходишь туда, куда тебе нужно. И даже машина не проедет, чтобы осветить на минуту. И факт, что просматриваются все улицы, не особо придаёт уверенность.

У-у-у-уф, пришла. Быстрый шаг иногда может равняться бегу, если бы даже я бежала, всё равно, кажется, не успела бы за столько времени. От чужой двери всё равно становится спокойнее, вот ты и на время дома. По узкой винтовой лестнице на третий этаж. И уже там распахнутая дверь в тёплую светлую комнату просит тебя зайти в гости. И уже пахнет свежесваренным чаем.

– Чай?

– Давай.

– Какой?

– На твой вкус. Ты же знаешь, как я люблю.

– Ну, рассказывай, что случилось.

– Как хорошо, что ты есть.

Только к друзьям можно зайти на чай в три часа ночи, чтобы рассказать что-нибудь про то, что существование кого-то на этой земле, в этом городе делает некомфортным твою жизнь. Глупо, но только со светлым человеком можно сидеть, разговаривать до шести утра и не заметить, как становятся чётче оттенки синего на улице, не заметить, как кипит уже новый чайник с новой порцией разговоров. Друзья же – они навечно, они тоже растут вместе с нами, не только духовно, но и физически, со временем дружба становится лучше, качественнее, как хорошее вино, и только срока у неё, честно, не бывает.

Часы судьбы пробили двенадцать

25 августа 2012 года ушёл из жизни замечательный Поэт, прозаик, публицист, переводчик, носитель и пропагандист высоких духовно-нравственных качеств, «русский сын казахского народа» Владимир Романович Гундарев. Эта дата, уверен, станет для многочисленных почитателей его таланта, друзей, близких днём печали и траура, а также светлых воспоминаний, особого восприятия ауры его удивительных стихов. Уход близкого человека позволяет взглянуть на его жизнь и творчество несколько другими глазами. Так происходит и сейчас. Мы по-иному раскрываем межстрочные мысли, заложенные в творениях Гундарева, суть его жизненной философии, мотивацию его действий и поступков, может быть, не всегда понятных нам при его жизни.

Один из его друзей подчёркивает его «настоящность» во всём, имея ввиду естественность его и в стихах и в дружбе, и в мыслях и делах. От дружбы, общения с ним не уставал никто. Эта «настоящность» была необычная, гундаревская, без натяжки и фальши. Тихо, без крика и шума, даже, казалось, застенчиво дистанцировался он от тех, кого считал неискренними, и старался меньше пересекаться с ними. Но при этом, как уважающий себя человек, избегал славословия по отношению к кому-либо за его спиной.

Высокая планка гундаревской дружбы подтягивала, воспитывала, возвышала.

Поэт-провидец предчувствовал свою смерть. Есть что-то мистическое в том, что свою последнюю при жизни книгу он назвал «Без пяти двенадцать».

... Уже без пяти двенадцать,
А бездна – за первым углом.

Ведь с участью не разминуться,
Напрасны пред нею мольбы:
Мгновение – и стрелки сомкнутся
На циферблате судьбы.

Так оно и случилось. Предчувствие не отвергает неожиданности. «Стрелки сомкнулись» мгновенно, в кругу друзей, на природе, которую он самозабвенно любил. Не исключено, что в эти минуты в его душе рождались по-гундаревски трогательные строки будущих стихов и песен. Жаль, что нам они уже не доступны. И жизнь его, будем верить, перешла в другое измерение.

Но даже предчувствие близкой смерти не повлияло на его природный оптимизм и жажду творчества, а напротив, послужило катализатором активной работы.

Добрая, опять же гундаревская жажда жизни звучит даже в этих грустных пророческих строках:

В любви напоследок признаться,
Душой не старея и впредь,
Пока – без пяти двенадцать,
И многое можно успеть. («Без пяти двенадцать»)

А в своих «Раздумьях» поэт философски итожит:

Признаюсь, что я неистребимо
Чувства в своём сердце берегу.
Перед жизнью,
Матерью,
Любимой
Я, как все, наверное, в долгу.

Постоянно жить, ощущая этот долг, чутко чувствуя параметры общечеловеческих ценностей – это часть его естества. Он любил людей. И эта любовь, опять же, была особая, гундаревская. Она не имела ничего общего ни с узколобым национализмом, ни с высшим проявлением его – шовинизмом, ни с подобострастием к титульной нации, ни с крохоборством. Он ценил в человеке прежде всего человечность.

Суровой отповедью прозвучал его голос на выпад неумеренного русофила, призывавшего превратить «Ниву» в издание чисто русских авторов.

Даже похороны поэта свидетельствовали о его глубокой интернациональной сущности. На его высокую порядочность и в жизни, и в творчестве неподдельной скорбью ответили, провожая в последний путь, наряду с русскими, казахи, корейцы, евреи, татары...

Он любил Россию и Казахстан трепетной сыновней любовью, линчруя недостатки, которые болью отзывались в сверхчувствительном сердце Поэта. Болеть за родину не методом безмозглого кулика, а страдая душой – это один из важнейших признаков, определяющих величину Поэта, потому что настоящий Поэт – он больше чем поэт.

Бахвалы лезут вон из кожи –
Возвысить нацию свою.
А я не льстец, сужу я строже
И многих русских не терплю.

Но если кто худое слово
О русских вякнет вдруг при мне, –
Тому дам отповедь сурово
И не останусь в стороне. («О русских»)

Он признателен судьбе за то, что попал в страну казахов. Более 50-ти лет он жил с нами полноценной жизнью, постигая нас, дружа с нами, черпая вдохновение в нашей действительности. В стихотворении «Пролог» есть строки о целине, о Казахстане, не нуждающиеся в комментариях:

Здесь живут мои по духу братья,
Нашу дружбу трепетно храня.
Казахстан, раскрыв свои объятия,
Родиной второй стал для меня.

А с друзьями всякая невзгода
Пылью рассыпается вдали.
«Русский сын казахского народа», –
Неспроста меня так нарекли.

Он бесконечно счастлив, он не в ссылке, он органично связан с Великой Степью, с его людьми, потому что причастен к расцвету второй своей Родины.

Как проникновенно и уважительно он пишет о великом Абая:

Его неугасимая звезда
Сегодня озаряет наши лица.
И мы с тобою вновь пришли сюда
Великому Абаю поклониться.

В его стихах естественно сплелась
Рождёнными в огне души словами
Восточная затейливая вязь
С российскими простыми письменами.

Владимир Гундарев – кавалер многих государственных наград, член ряда авторитетных комиссий. Но тонкая субстанция души больших художников во все времена не могла оставаться равнодушной к тому, что происходило вокруг них. В любом государстве слышны были и востребованы голоса тех, кто не всегда был доволен действиями чиновников от власти. Вспомним Абая, Бухара жырау, Пушкина, Крылова, Салтыкова-Щедрина, Зоценко... Таков был и Гундарев.

Держусь от власти в стороне:
Власть для богатых – не по мне.
Но и она день ото дня
Сильней косится на меня.
Я быть богатым не хочу –
Мне этот груз не по плечу.

И поэтому, наверное, он дистанцируется от тех, кто, как «Иван не помнящий родства» (по нашему «манкурт»), оторвался от своих корней.

Не называйте господином
Меня, как прочих, господа.
Родился я простолюдином
И им останусь навсегда.

Поддельный чек не отоваришь.
Стезя у каждого своя.
Не господин я, а товарищ,
И то не всем – таким как я.

Как замечательно, что мы можем называть себя его товарищами!

Таким мы знаем Владимира Романовича Гундарева. Такой он дорог нашей памяти.

Казалось, что ещё предстоят встречи в кабинете главного редактора. Гундарев энергично поднимется, лукаво почешет известную половине планеты бороду, набьёт неторопливо отборным табаком не менее знаменитую трубку и, достав из кармана свой фарфоровый «напёрсточек», скажет: «Давайте выпьем за встречу и будем работать».

... Получилось всё по-другому, по сценарию Всевышнего. Но в памяти всплывают строки:

Мои враги, свой пыл умерьте,
Мои друзья, всегда я с вами...

Тургун СЫЗДЫКОВ,

член редакционного совета журнала «НИВА»,
руководитель аппарата Акмолинского
областного маслихата.

г. Кокшетау.

Сапаргали ЖАГИПАРОВ,
ПОЛКОВНИК

Дороги отваги и мужества

*Штрихи к портрету фронтовика,
Героя Советского Союза М. Букенбаева*

«За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленное при этом мужество присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» Букенбаеву Малкеждару».

(Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года).

Сердце, согретое любовью

В дни очередного выпуска лейтенантов, состоявшегося в Военном институте Сил воздушной обороны Вооружённых сил РК имени дважды Героя Советского Союза Т.Я. Бегельдинова, мне удалось встретиться с актобинцем, героем-фронтовиком, офицером в отставке Малкеждаром Букенбаевым. Та встреча с ветераном состоялась накануне знаменательной даты – 55-летия Великой Победы. Хотя прошло с того дня столько лет, но запись беседы осталась в моём блокноте.

Беседуя с героем, старался уловить в нём что-нибудь особенное, богатейшее. Увы! Оказался он обыкновенным человеком. Среднего роста, скромный, спокойный, рассудительный ветеран с сединой на висках сразу же произвёл как на меня, так и на выпускников сильное впечатление. Он был удивительно выдержан, прежде чем сказать слово, как бы выверял его.

– Воспоминания о войне, друзьях, боевых товарищах, – говорил Букенбаев, – от них никуда не уйдёшь. В нас, людей старшего поколения, крепко сидит всё прошлое, связанное с фронтовыми дорогами и послевоенным обустройством страны. Рассказывая о тех, кто был на передовой, ни в коем случае нельзя забывать тружеников тыла, без их самоотверженного труда и не было бы победы.

Встречаясь со школьниками нашего города, читая их сочинения о патриотизме, замечаю, что во многом они пишут о подвиге военных. И мало кто задумывается, что подвиг может быть совершён и в мирные дни. Это возможно на заводе, в поле, в школе, на твоей улице. Место и время подвигу – всегда рядом с тобой. Ведь недаром говорится: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд».

Ветеран замолчал, видимо, подбирая слова, чтобы поточнее выразить свою мысль.

– Если прошлое не вспоминать, то настоящего не понять. Ведь Память не знает перерывов. Именно о тех, кто храбро сражался с врагами, кто положил свои жизни на алтарь Отечества, нынешние молодые люди должны знать, ибо парни, защищавшие каждую пядь родной земли, были такими же молодыми, как они. Сегодня, видимо, нужно время, чтобы молодёжь глубже осознала, что это такое – Великая Отечественная война. Как ни говори, идёт переосмысление её итогов, даются другие, чем были раньше, оценки событий прошлого. Скажу откровенно, некоторые люди, пишущие о войне, искажают факты, подгоняя под нынешний день, подражая моде. А жизнь на фронте была такая, какая есть. Тема войны во все времена была очень важной, ответственной, и к ней надо подходить всесторонне, объективно, с точки зрения самих её участников. Здесь не может быть сенсаций, бизнеса, принципа «купи-продай». У нас были патриотизм, дух, единство, сплочённость людей разных национальностей, вера в то, что мы одолеем врага, добъём в его логове. Я согласен с казахстанским поэтом Бахытжаном Канапьяновым, который написал такие строки:

Ночь и утро будут
нашими,
И Победа,
что вдали.
От имени живых
и павших,
От имени родной земли
Я клянусь,
что буду биться
До последнего врага...

Нас с малых лет учили и воспитывали так, что Отчизна и мы – это одно и то же. И правильно тут заметил один из выпускников школы, сказав, что патриотизм, любовь к Родине начинается не вообще с высоты птичьего полёта, с любования землёй, природой, краем. Любовь к Родине – понятие конкретное, её истоки начинаются с детства, с садика, со школьной скамьи, может быть, с твоего деда или отца, который пролил кровь в том или ином бою, с преемственности поколений, с воинской части, где ты будешь проходить воинскую службу.

Думаю, что мы, благодаря патриотизму, любви к своей Отчизне, отстаивали свою Родину и с фронта вернулись победителями. Да, тогда многим было двадцать один-двадцать два. Совсем молодыми стали седыми, испытав все тяготы войны. А её тяготы чувствовали на каждом шагу. Помню, сутками лежишь в окопе, ожидая наступления. Зимой, в стужу под тобой тает снег, а ты терпишь. Бои шли очень жестокие, погибших, раненых было немало. Хоть люди истекали кровью, но никто не хотел бросать товарищей, рвались бить фашистов. Вспоминая их, не могу никого из однополчан забыть, до сих пор во мне сидит и тревожит душу гул войны.

Последние слова Малкеждар-ага произнёс так, будто, возвратившись в свою фронтовую молодость, вновь встал в боевой строй.

Боевое крещение под Прохоровкой...

*В броню закованные «звери»:
«Тигры», «Фердинанды» и «Пантеры» –
Со свастиками на борту
У Прохоровки на виду
На встречном танковом сраженьи
Терпели крах и поражение.*

Леонид Гирш, ветеран войны

Боевое крещение Букенбаев принял в июле 1943 года в боях на Курской дуге.

– Фронт тут напоминал туго сжатую дугу, – вспоминал ветеран. – Обстановка была напряжённая и крайне тяжёлая. Туго пришлось танкистам. Фашистское командование вводило всё новые и новые силы. Беспереывно бомбила вражеская авиация. От танкового сражения земля, словно живая, вздыхала, дрожала. В нём с нашей и со стороны немцев участвовало полторы тысячи бронированных машин. Броня врезалась в броню, металл – в металл.

В кроваво-красном воздухе тучей кружились листья, сорванные силой выстрелов.

Казалось, ничто живое не может уцелеть в таком аду, но как только пехота поднималась в атаку, её встречал губительный огонь. Оглохшие от обстрелов, с опухшими от недосыпания глазами, бойцы стойко сражались.

Мы, воины 11-го инженерного полка, получили приказ расставить мины, и эту задачу выполнили с честью. В том, что за один день боя фашисты потеряли четыре сотни танков, была и наша заслуга.

В боях на Курской дуге мы узнали о подвиге советских лётчиков – Талгата Бегельдинова, Ивана Кожедуба, Георгия Берегового, Алексея Маресьева, Александра Горовца. Например, только в одном бою лётчик-истребитель Александр Горовец, атакуя 20 вражеских бомбардировщиков, сбил из них девять. А наш земляк Талгат Бегельдинов вёл в бой за собой целый авиаполк – 32 самолёта. Все машины, отбомбившись, вернулись на свой аэродром без потерь.

Отвага и мужество наших воинов были сильнее всего, несмотря на то, что было пролито столько крови.

Затем молодой лейтенант, окончив курсы младших офицеров, воевал в составе 1081-го стрелкового полка 312-й стрелковой дивизии. Выполняя поставленную задачу командованием 69-й армии, Букенбаев особо отличился в боях под Белгородом. Тут, у русских деревень, на холмистых полях с берёзовыми рощами, гремела пятьдесят дней и ночей битва. На этой земле, которую зовут соловьиной, Букенбаев со своим взводом овладел важным пунктом обороны противника и удержал его, отбив за сутки несколько контратак гитлеровцев. Потом фашисты открыли сильный артиллерийско-миномётный огонь. Осколком снаряда он был ранен, но продолжал командовать своими подчинёнными до тех пор, пока не прибыло подкрепление.

Всё дальше и дальше уводила фронтовая дорога младшего офицера со своими бойцами. Один из тех боевых дней особенно запомнился ему.

– Совершив многокилометровый марш, моему взводу с ходу предстояла задача форсировать Западный Буг, – вспоминал фронтовик, – и, захватив плацдарм на другом берегу, удержать его до подхода основных сил. Разумеется, Буг – не Днепр, но преграда всё же серьёзная. Если память мне не изменяет, то ширина реки примерно 100 метров, а глубина более восьми метров. Берега скалистые, местами крутые. Здесь у фашистов проходила линия окопов. Завязался жестокий бой. Взвод наткнулся на сильный заградительный огонь. Гитлеровцы держали прибрежный участок под перекрёстным пулемётным огнём. Мои бойцы, уничтожив у противника несколько пулемётных гнёзд, захватили плацдарм. Но я знал, что самое трудное – впереди, неприятель попыбует вернуть этот рубеж. Как я и думал, застучали вражеские пулемёты. Всё мощнее и мощнее. До наступления темноты мы сумели отразить контратаки фашистов.

Красные ракеты – сигнал атаки – взвились, когда только ещё занимался рассвет. Туман в низинах порозовел, начал рассеиваться. На траве блестели капельки росы, спустя некоторое время солнце играло радужной цветом. А в середине дня враг ещё раз предпринял попытку контратаковать, но солдаты взвода держались храбро, ведя огонь из всех видов оружия, однако патроны были на исходе.

– Думаете, отстоим высоту? – тревожно спросил один из моих сержантов, перевязывая рану своему подчинённому.

Я отчётливо представил: где мы ведём бой, проходит рубеж моей страны, а дальше для нас нет земли – нельзя отступать.

Глядя на лица солдат, у которых хмурились глаза, а мокрые волосы от жаркого боя прилипли ко лбу, подбадривал:

– Вы все молодцы, показали врагу богатырскую силу настоящего воина! Удержим! – твёрдо произнёс я.

Да, сам командир был уверен в своих словах. Перевязанная от раны рука, поблёскивавшие ордена Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени и медали на лямной гимнастёрке, строгое лицо – всё это подчёркивало обстрелянного офицера. Подчинённые знали, что Букенбаев не только отважный, но и заботливый, требовательный командир. Он учил их владеть оружием, оберегать друг друга в бою.

В тот июльский день враг не жалел огневой мощи против горстки бойцов взвода. А когда произошло затишье между боями, фашисты в серо-зелёных мундирах с автоматами у живота решили в полный рост идти в сторону советских воинов, полагая, что тут все погибли, но неожиданно был открыт огонь. Окутанные дымом и копотью солдаты дрались отчаянно, отстояв свою высоту.

После боя командир полка полковник В.Полянский заполнил наградной лист на Букенбаева, представив его к очередной награде.

Из наградного листа: «...20 июля 1944 года взвод лейтенанта Букенбаева под сильным огнём противника с ходу первым форсировал Западный Буг и захватил плацдарм на другом берегу реки.

21 июля взвод овладел высотой и, закрепившись, отразил две контратаки противника, в ходе которой Букенбаев в рукопашной схватке застрелил фашистского офицера и 5 солдат взял в плен. В этом бою он был ранен, но оставался в строю и руководил боем...».

– Проходя фронтовой путь от Курской дуги по дорогам Белгорода, Полтавы, Харькова, – продолжил своё воспоминание Малкеждар-ага, – мы видели стариков, детишек, их гитлеровцы загнали в погреб. Они оттуда вылезали и рассказывали нам о зверских пытках, издевательствах фашистов над мирными жителями. Они, говоря об этом, плакали, обнимали всех нас, освободителей.

– Сама не знаю, почему-то слёзы сами льются, видимо, от радости, – откровенничала одна из колхозниц. – Я знала, что наша армия победит, разобьёт оккупантов. Мои сынки тоже воюют мужественно.

Этой минуты мне не забыть никогда. Я не скрываю, что было очень тяжело, но, может быть, такие встречи с людьми, которых мы освобождали, придавали силы.

После очередного ранения старший лейтенант Букенбаев со Звездой Героя Советского Союза вернулся в родные края – в село Истемес, что в Актюбинской области, откуда уходил на фронт. Создал семью с доброй, трудолюбивой, отзывчивой девушкой Жанике, педагогом. Она подарила мужу шесть дочерей. Сам фронтовик, окончив Высшую партийную школу, до ухода на заслуженный отдых трудился в органах МВД, секретарём Новороссийского (Хромтауского) райкома партии.

– В дни празднования 50-летия Великой Победы мне удалось побывать в Москве, – сказал фронтовик, – встретившись с однополчанами, вспомнили тех, кто отдал жизни ради мира. И те, кто прошёл этот тяжёлый путь до конца, и те, кто положил головы на алтарь Отечества, не дойдя до последнего дня войны, сделали всё, что могли, приближая победный день и час. Глядя на голубое небо, думали только об одном, чтобы будущие поколения никогда не испытывали то, что мы испытали. И точно подметил поэт, сказав так:

Нас с каждым днём остаётся меньше,
Прошедших сквозь свинец, огонь и чад.
Благословляю сыновей и женщин –
Сажать сады, выращивать внучат.
Нет, не за тем, чтобы однажды снова
Земля стонала, заживо горя,
А чтоб ВОЙНА – проклятое то слово –
Встречалось разве только в словарях.

г. Актобе.

Екатерина МОСИНА

Когда реки текли в гору

Воспоминания о том, чего многие не заметили

(Продолжение. Начало в № 1 за 2013 г.)

О пользе ведения записей

Сохранился список выпущенных мною книг, правда, не совсем полный. Я честно его начинала вести. Даже записывала разные приключения, которые обычно случаются при издании книги. О редакторах авторы чаще откликаются с неприязнью. Я старалась, чтобы обо мне такого слуха не ходило. Редактор – это не злой гений писателя, а скорее – помощник. Редактор сначала с автором работает, потом пытается «реагировать» на замечания контролирующих органов, потом надо за корректором всё проверить, за техническим редактором, с художником обсудить оформление.

Теперь на компьютере многое можно сделать, а раньше куча народу книгу выпускала, и со всеми должен был редактор находить правильные решения. И всё же, когда мне здесь в Воронеже в библиотеке гарнизонного Дома офицеров предложили сделать выставку книг, выпущенных мной, я призадумалась. О каждой могу целую повесть написать, но вот далеко не каждая книжка с виду привлекательная. Есть тома, которые и оформлены прекрасно, и приятно их взять в руки. Но есть много малоформатных книжечек в мягких обложках с не совсем высокохудожественным оформлением. Но это, увы, от редактора почти не зависело в нашем издательстве. Был производственный отдел, он планировал, сколько и какой бумаги кому отпустить, дать автору твёрдый переплёт или мягкую обложку. А ещё были в очень большом количестве вольные художники – чьи-то друзья и знакомые. Часто бывало так, что я ещё рукопись не прочла, а мне несут художественное оформление, за которое уже и деньги выплатили. Только в исключительных случаях художники читали рукописи. В основном процесс оформления будущей книги они делали по аннотации тематического плана. И что это было за оформление! Плановый отдел старался максимально удешевить книгу, производственный отдел бумагу давал самую простую, в типографии оттиски делались наспех. Если по содержанию редактор мог что-то решать, то по внешнему виду книги – практически ничего. Но при тогдашнем дефиците книг издательство в убытке не было.

Основной тираж – полмиллиона экземпляров – «Сказок» А.С. Пушкина, которые я выпускала как редактор, пошёл в мягкой обложке, и только пятая часть была в твёрдом переплёте. В то время, когда я работала в издательстве, СССР был крепок, плановое хозяйство процветало. Хороших книг в торговле не было почти никаких, тогда всё на наших идеологов уходило: и средства, и хорошая бумага, и лучшие переплётные материалы. Забыли? О конкурентоспособности изданий никто и речь не заводил. Да и книги стоили копейки. Вот и получилось много книжечек маленьких и сереньких. Но для меня они – как дети родные: хоть ребёночек и хроменький, тем больше его балуешь, и я искренне не замечала непрезентабельного вида некоторых книжонок.

Сейчас книгоиздание в расцвете: книги выпускаются в прекрасных переплётах, много «золота», яркие насыщенные краски. Хотя при этом, на мой взгляд, значительно уступают в редакторской подготовке текстов. Ведь редактирование – это не означает, что надо обязательно что-то в

тексте переделать, переписать (это весьма примитивное толкование редактуры). Хороший редактор как дирижёр оркестра. И то, какая получилась книга – это заслуга многих людей – производственного «оркестра» под управлением редактора. Компьютеры делают своё дело: они выделяют опечатки и пропущенные знаки препинания, но совсем не реагируют на смысл фразы. И досадные недоработки редактора иногда такую нелепость порождают.

Часто в серьёзных изданиях встречаешь такие огрехи, которые особенно неприятны в исследовательских трудах. Происходит искажение смысла, иногда вводящее в серьёзные заблуждения тех, кто использует эти работы. Чаще всего встречаются текстологические недоработки редактора. Было это и в то время, когда я работала в издательстве. Было это и значительно раньше.

Кстати:

Подозреваю, что один из редакторов «Слова о полку Игореве» сделал такую нелепую ошибку, которая теперь воспринимается как афоризм. Это выражение – «мыслью по древу растекаться». Хотя, когда начинаешь анализировать логику изложения, то эта ошибка явная, и себя обнаруживает почти сразу. Есть в произведении выражение «мысленное древо». Это нормально. И этот прекрасный образ вызвал такую нелепую ошибку, как «мыслью по древу растекаться», ибо растекающаяся мысль Бояна нелестно говорит о древнем сказителе и носит негативный оттенок в его характеристике. Человек, у которого мысли растекаются, имеет отставание в умственном развитии. В этом же предложении присутствует аналогичный слову «древо» ряд: небо, земля. Глупо «растекаться мыслью» по небу или по земле.

Что же на самом деле было в древнем литературном памятнике? Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то «растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы». Три стихии – дерево, земля и небо (облаки), два представителя этих стихий – волк и орёл – есть, а кто же третий? В ряду волк и орёл должно быть ещё одно животное, и оно должно представлять стихию леса – дерева. «Мышь» – мыш, белка очень похожа и по написанию, и по звучанию на «мысль». Теперь всё расставим по местам: «... растекашется мышью по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы». Боян вещий так свои песни слагал, словно белка по деревьям скакал, словно волк рыскал по земле и как орёл сизый парил под облаками» – это значит, был он в своей стихии во время песнетворчества.

А «мыслью по древу растекаться» значило бы, что он затруднялся в изложении – растекался. Как у нас теперь говорят – из пальца высасывал. Скорее всего, здесь недогляд редактора, его упущение в текстологии. И эта ошибка стала камнем преткновения многих исследователей «Слова о полку Игореве», поскольку доступ к оригиналу списка этого произведения не всегда можно получить. Список – это точное воспроизведение древнего источника. Могло так случиться, что и при изготовлении списка была допущена ошибка. Сама же древняя рукопись, как известно, давно утрачена.

Я намеренно задержалась на этом эпизоде, чтобы показать важную роль редактора в работе над книгой тем, кто не понимает смысла этой работы или толкует её только односторонне как «резать» автора по живому. Ведь когда издаёшь тех, кого уже нет с нами, некому давать советы, обращать внимание на какие-то недостатки в изложении. Что есть, то и надо выпускать. Катастрофой было бы редактировать Пушкина, исправлять сюжеты следователя Шейнина, нарушать установившиеся тексты произведений Всеволода Иванова или Алексея Пантиелева. Ясно, что здесь моя редакторская функция заключалась в умении организовать процесс и выпустить достойное издание. Как раз книги этих

авторов были солидно и качественно выполнены: «Эдесская святыня» Всеволода Иванова, «Записки следователя» Шейнина, «Белая птица» Алексея Пантиелева, «Новое назначение» Александра Бека...

Алексея Наумовича Пантиелева я для себя открыла, когда готовила в производство его роман о рождении авиации – «белой птицы». Обидно, что такого автора мало кто знает, хотя он известен переводами произведений казахских и узбекских писателей. Для меня осталось памятным начало его книги. Все знают, как начинается роман «Анна Каренина», потому что Толстой нашёл простые и понятные каждому слова, которые легко запоминаются: «Все счастливые семьи похожи друг на друга...». Такую же простую и запоминающуюся фразу нашёл и Пантиелев для начала своей книги: «Старики просыпаются рано, будят молодых. Спасибо старикам...». Я это запомнила, и теперь, как только попадаете на полке книга этого автора, «в подкорке» всплывает эта фраза. И продолжается предисловие, написанное белым стихом, ещё одной запоминающейся картинкой: «Путру на лесной опушке после дождя вылепился след подкованного копыта... А из следа, из маленького выпуклого лобка земли, плотно сбитой, спрессованной клеймом копыта, торчала тоненькая былинка, живое нежное шильце – бледно-зелёный огонёк...».

Увлекающая книга, оригинальный стиль изложения, который побуждает к чтению. Как не каждого автора, сочиняющего «в рифму», можно назвать поэтом, так не каждого, пишущего прозу, мы величаем писателем. Эту истину доказывать не надо. Но кто-то из едких редакторов, может быть ещё до царя Гороха, придумал для прозаиков одно определяющее слово – «писатель». Слово – как слово, его и придумывать не надо, но мы его произносили особо. Это своего рода профессионализм, термин, широко используемый в нашей редакции оригинальной русской литературы. Не надо было подбирать слова для характеристики произведения. Скажешь слово «писатель» – и всё становилось ясно. Только ударение следовало поставить в нужном месте. Много в темплан нашего издательства попадало писателей с ударением на первом слоге, и ничего поделать было нельзя. Это оказывались чьи-нибудь протеже. Для Пантиелева ударение я ставила правильно – на втором слоге. Жаль, что его мало знают. Больше – по созвучию фамилий – вспоминают Леонида Пантилеева, автора «Республики ШКИД».

Кстати:

Вдова Алексея Пантиелева Зоя Кедрина курировала переиздание произведений своего мужа. Мне что-то надо было у неё уточнить. Я звоню в Москву. На том конце трубки женский, уже немолодой голос отвечает, что Зои Сергеевны нет дома. Это была её домработница. Я допытываюсь, когда она будет, так как возник срочный вопрос по переизданию. И тогда «бабуля» мне вразумительно отвечает:

– Зоя Сергеевна в Париже! Вы себе представляете, что это за тысячу километров от Москвы?

– Конечно, представляю. Но я ещё дальше. Я за четыре тысячи километров – из Алма-Аты звоню, – милой наивности пожилой женщины я решила возразить.

Роман А.Н. Пантиелева «Белая птица» был благополучно выпущен в свет, и это – один из лучших томов на моей заветной полке с книгами, над которыми я трудилась как редактор.

В редакцию русской литературы приходило много людей интересных, творческих. С кем-то из них мне довелось работать долго и напряжённо над подготовкой рукописи в производство, а с кем-то только дружеским кивком обменивались. С кем-то вели лёгкие, пронизанные юмором речи. Например,

как-то пришёл Герман Максимов. Он часто что-то брал в редакции для рецензирования. Был ли он поэт или прозаик, я не могу вспомнить, но чувство юмора у него бесспорно было. У меня на столе стоял горшок с цветком. Это был циперус – папирус. Рос он хило, его постоянно кто-нибудь обижал. Я часто делала замечания своей коллеге Вере Галактионовой, чтобы она не гасила окурки о почву в горшке. Я вот припоминаю, что какое-то время и она, и Загородний, да и сам главный – Мироглов – курили в кабинете, что называется, без зазрения совести. То же делали и наши гости. Курил и Герман. И я встала на защиту своего растения, а попутно и себя тоже – ведь я не курила, хотя несколько раз пыталась приобщиться, чтобы не быть белой вороной:

– Окурки в горшок не складывайте!

– А что это у тебя тут растёт?

– Папирус.

– Для чего? – задаёт вопрос Герман.

– На книгу. На папирусе буду печатать, – сострила я.

– Как-то мало его тут: всего на две странички и хватит, – с сожалением сказал Максимов.

Разделяя моё справедливое возмущение курильщиками в кабинете, Герман стал рассказывать, что у него дома растёт большой лимон, который хорошо очищает воздух.

– А то я ещё листочек лимона кладу в пепельницу и поджигаю: такой приятный дымок у него, – рассказывает Максимов.

– Ваш лимон плодоносящий? – задаю ему вопрос.

– Нет.

Тут у меня вырывается смешная оговорка:

– Так вы его оплодотворите... – я, конечно, имела в виду прививку деревца.

Герман посмотрел на меня, вздохнул тяжело, взялся за сердце и ответил:

– Я бы тоже хотел, но у меня нет здоровья...

Взрыв хохота в редакции был в качестве отдушины в нашем довольно плотном графике. И уж коли попадёт смешинка, то все начинают острить. Я запомнила новое слово, которое тут же изобрёл Герман Максимов: спидорас – это значит распространитель СПИДа. Тогда это заболевание только-только становилось известным...

Тут я могу выдать «страшную» тайну КГБ. Задолго до появления ВИЧ муж мне как-то сообщил, что придумана такая «бацилла», которая поражает проститутток и гомосексуалистов, они в то время считались самым грязным дном, куда опускались люмпены. Я не служила в столь авторитетной в то время организации, а посему стояла по своему умственному развитию где-то далеко в низах сверкающих вершин разума их рядовых сотрудников. Но мне хватило ума засомневаться в правильной направленности этой «бациллы» – вируса иммунодефицита человека: как же это микроб станет крушить тех, «кого надо». И стоит ли говорить, что в таком «кухонном трёпе» рядового сотрудника «конторы глубокого бурения» какая-то доля истины сокрыта. Не берусь развивать эту мысль далее, поскольку не уверена, что это правда на сто процентов.

Книги не получилось у меня с Морисом Давыдовичем Симашко, хотя я стремилась к сотрудничеству с ним над новым романом «Семирамида». Ах, как он умён и остроумен, какие искромётные у него произведения! В предисловии к «Избранному» Зоя Кедрина отмечает: «Творчество М. Симашко пользуется заслуженной известностью и у нас, и за рубежом. О нём существует большая пресса. За ним следит и о нём пишет Андре Стилъ в «Юманите». Его произведения рецензируют «Трибуна люду», «Нойес дойчланд», «Работническо дело», «Непсабадшаг» и многие другие зарубежные газеты, неизменно отмечая их острую современность».

Мне предстояла полуторамесячная командировка в Москву для учёбы. Путь из Алма-Аты в Москву на поезде долгий – трое суток бесконечных колыбаний по пескам и солончакам. В поезде я читала «Семирамиду» Симашко, роман о Екатерине II в рукописи. Увесистая папка с бумагой утяжеляла мой багаж килограмма на два. Кто путешествовал с чемоданом, тот знает, как каждый лишний грамм багажа оттягивает руки. К тому же я везла и своих детей, чтобы передать их в Москве родственникам на время моего обучения. Но это был «мой» автор, и я решила начать работать над подготовкой книги в дороге: трое суток туда и трое назад – за это время полкниги можно сделать. Попутно я должна была передать машинописный экземпляр будущей книги на рецензию В.Д. Оскоцкому. Для этого надо было поехать на Тверской бульвар в редакцию журнала «Знамя», что я по приезде в столицу и сделала. Я считала книгу «своей», желанной и интересной. Готова была и курьером быть, и тяжесть таскать, и глаза портить в трясущемся полутёмном вагоне. Ведь работать над выпуском этого романа было бы большим удовольствием, как и общаться с его автором. Но пока я полтора месяца повышала свою квалификацию в столице, более мобильная, не страдающая комплексом профессиональной этики другая моя коллега быстренько её себе распределила и приступила к работе. Мне было очень обидно, но что можно было предпринять? Устраивать скандал не в моих правилах. Но, наверное, я должна была спросить, почему эту рукопись она взялась делать, буквально выхватив её из моих рук? Может быть, автору показался долгим мой отъезд? Или ещё какие другие причины возникли. В любом случае, меня надо было об этом известить, чего не было сделано.

Зато Морис Давыдович сохранял абсолютное спокойствие: он так был уверен в своём творчестве, что для него не важно было, кто будет редактором книги. И это справедливо. Кто бы посмел учить этого мэтра письму вообще, а историческому в частности?

Из коллекции:

Впоследствии он, добрая душа, всем нам подарил по книжке с памятными надписями. «Кате Мосиной на добрую память. А-Ата, 29.03.88.», – написал он размашисто чёрным фломастером на титульном листе книги. Думаю, что и другим он подписал так же. У меня есть ещё его томик «Избранного», который он подарил мне по моей просьбе с надписью, почти ничем не отличающейся от этой, только здесь цвет фломастера красный: «Кате Мосиной на добрую и хорошую память... 21.03.83». Почти день в день за пять лет до «Семирамиды», надо же, какие бывают совпадения!

Кстати:

Эти совпадения продолжились и двадцать четыре года спустя: именно в эти дни – 26-29 марта 2007 года я дорабатываю эпизод с Симашко, написанный мною год назад.

И как теперь мистически дышат чёрные траурные чернила, которыми подписана «Семирамида». При этом хочу добавить то, что я узнала совсем недавно: если китайцы пишут иероглиф, обозначающий петуха, чёрным цветом – это беда, пожар, а написанный красным цветом тот же иероглиф – означает счастье. Так что мои аналогии возникают не на пустом месте.

Это была последняя моя встреча с большим писателем Морисом Симашко, которого я затрудняюсь поставить в какой-либо известный ряд писателей: русских – по языку, еврейских – по национальности, казахстанских – по месту жительства. А сказать, что Морис Симашко – большой русскоязычный казахстанский писатель, значило бы согласиться с тем, что была в Советском Союзе не только русская литература, но и русскоязычная. Ну и какой Шамис (фамилия

наоборот – истинная фамилия этого человека) русский? Наверное, сказать, что это – писатель русского зарубежья, тоже будет правильным. Хотя тогда Казахстан зарубежьем не считали.

Я уехала из Алма-Аты в июле восемьдесят восьмого года. А после меня в Алма-Ате – такова печальная объективность – и не только в Казахстане, рухнул мир: начался полный распад, все уезжали, куда только могли. Уже из Америки наш самый грамотный корректор Елена Михайловна Шкловская писала мне: «... Знаю много др.[угих] русских, кто стремится выехать из А-Аты. Статус государств-сти каз-го яз.[ыка] делает своё чёрное дело».

Из Алма-Аты писала Анна Павловна Тимофеева: «... Все улицы переименованы на имена бывших казахских биев, баев, батыров. Гоголя ещё держится... От нашего «Жазушы» остались рожки да ножки, всего в коллективе – 30 человек вместе с уборщицами. В нашей редакции двое – Наташа да Алёна. Корректорской вообще нет... Вид у девчат кислый...».

Писательница Надежда Георгиевна Поведёнок после длительного затишья в нашей с ней переписке ответила на моё письмо и сообщила последние новости. Многие и очень многие прозаики, поэты, редакторы, журналисты из Алма-Аты уехали. И далее в письме от 8.4.2002 г. горестные вести: «За это время умерли: Д.Ф. Снегин, М. Симашко (в Израиле)...».

Хотя и не пришлось мне вплотную заниматься книгой Мориса Давыдовича Симашко, зато двухтомник Дмитрия Фёдоровича Снегина «Кольцо причастности» был моей «взлётной полосой», с которой я начинала работу в издательстве. Если говорить о моём статусе, в котором я тогда была, то это скорее стажёр, чем редактор. Хотя официально я была принята сразу на полную ставку редактора, но учиться редакторской работе ещё надо было. Моей специальностью по диплому была радиожурналистика. Да, нас учили в университете и литературному редактированию, но практики было очень мало. Теперь я должна была на деле подтверждать свои отличные отметки в дипломе по этому предмету и по русскому языку.

В то время, как я пришла в издательство, заведующая редакцией Галина Александровна Теплицкая дала мне рукопись А Мина и Ростислава Петрова «Чёрный Иртыш». Она и стала моей первой самостоятельной книгой. Но в редакции был «завал» с корректурой. Начиналось время летних отпусков, читать было некому. Редактором двухтомника был Анатолий Загородний, но ему предстоял отпуск. Тогда он положил мне на стол корректуру снегинского романа и сказал: – Ты полистай, почитай, если что найдёшь, исправь.

Надо было после корректора проверить правильность набора, то есть сделать сверку с оригиналом, попутно исправить грамматические ошибки. И вместо редактора подписать листы для повторной сверки. К сожалению, нет у меня двухтомника Дмитрия Снегина «Кольцо причастности», над которым я с большим интересом и удовольствием работала. «Город Верный» и ещё какие-то его произведения и воспоминания вошли в двухтомник. На хорошей бумаге, в белоснежном «снегинском» переплёте. Это было переиздание его уже издававшихся произведений.

Редакторская правка двухтомника не предполагалась. Но работы было очень много, и она была бесконечной: вёрстка, корректура, сверка, подпись в свет. Пришлось весь двухтомник прочесть три раза от начала до конца. Это были интересные страницы, связанные с Алма-Атой – городом Верным. А для меня это – не только начало практики по литературному редактированию: произведения писателя стали своеобразным учебником по истории Казахстана.

Когда позже я выпускала книгу Всеволода Иванова «Эдесская святыня», то получила дополнительную информацию об авторе «Кольца причастности». Составитель «Эдесской святыни» Евсей Львович Цейтлин писал, что обнаружил в библиотеке Всеволода Иванова, хранящейся на его даче в Переделкине, подаренную ему Дмитрием Снегиным собственную книгу «На дальних подступах» с дарственной надписью: «Максиму Горькому моей жизни». И Всеволод Иванов в ответ написал рецензию на эту повесть Снегина и опубликовал её в «Литературной газете» 18 мая 1949 года. Он называет Дмитрия Снегина поэтом: «... Хоть стихов в книге мало, поэзия царствует в ней. Поэзией проникнуты и пейзажи Казахстана, и пейзажи подмосковные, и все чувства людей, приехавших сюда со всех концов страны, чтобы защитить Москву».

Когда я работала над снегинскими корректурами, то писателю уже было семьдесят лет, и двухтомник выпускали к этому юбилею. Автор был весьма важной персоной – едва ли не сам-друг Кунаева. Д.Ф. Снегин был секретарём правления Союза писателей Казахстана, заместителем председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР. В редакции он не появлялся, во всяком случае, я не помню его в скромном интерьере нашего кабинета. Кто-то к нему ездил за рукописью на дом. И после выхода двухтомника я тоже поехала к нему домой. Кажется, отвозила сигнальные экземпляры.

Дмитрий Фёдорович расспросил меня, кто я, как оказалась в Алма-Ате, где училась, какая у меня семья. Смущённая его вниманием, тогда я постеснялась в его роскошных апартаментах попросить подарить мне оба тома и подписать их, а он или не счёл нужным, или не догадался. У него мне надо было забрать кое-какие документы, но на улице шёл ливень. Тогда писатель принёс из другой комнаты «дипломат» тёмно-бордового цвета и предложил туда положить бумаги. И добавил, что коль мой сын идёт в первый класс, то пусть в нём носит учебники. Это был «крутой», как теперь говорят, подарок. «Дипломаты» были ещё в моде, и, как многое по тем временам, в дефиците; да и стоил он недёшево для меня, если бы я его покупала, хотя был из какого-то искусственного материала и с пластмассовой ручкой. Я не могла отказать взять его, так как ливень не собирался прекращаться, а документы надо было доставить в сохранности. В моей маленькой сумочке они бы измялись и промокли. Я решила, что при первом же удобном случае верну эту вещь. Но вот так всё сложилось, что больше я с этим автором не встречалась. А «дипломатом» никто в моей семье так и не воспользовался. Сыну-первокласснику удобнее было носить учебники в ранце. Использовать вещь, не совсем мне принадлежащую, я не могла. Так и лежит где-то на антресолях подарок Д.Ф. Снегина, в котором хранятся все мои записи алма-атинского периода. И это тоже символично.

Уже значительно позднее, в Воронеже, я получила весточку из Алма-Аты от Надежды Георгиевны Поведёнок, писательницы, с которой я выпустила две книги, и это нас так сблизило, что мы до сих пор обмениваемся письмами. В её письме от 13.04.90. я прочла несколько строк и о Снегине: «Как-то встретились и прогулялись по улице – по пути – с Дм. Фёд. Снегиным. Долго лежал в б-це. Увы, почти все, кроме Зверева, побывали в б-цах... Не болеет и бывает на заседаниях М.Д. Зверев (ему уже будет 93(!))...».

Жаконя и золотой сайгак

Писатель-натуралист Максим Дмитриевич Зверев был долгожителем. Он родился в 1896 году. Когда он приходил в издательство, никто не думал, что ему почти 90 лет. От его крупной фигуры веяло сибирской мощью и здоровьем.

Из коллекции:

Писатель дарил мне свои книги всегда с почти неизменной надписью, примерно с такой, как на сборнике повестей и рассказов «Когда гаснет гнев»: «На добрую память Ек. Ив. Мосиной о нашей работе над этой книгой! С благодарностью М. Зверев. 4 окт. 82 г.».

В нём мне нравилась философская отрешённость от всего мирского и суетного. Тот, кто осознаёт себя живым классиком, так и должен был себя вести. Словно мамонт, попавший в наши времена. Казалось, что он не понимал, что кроме лисиц и мышей, кроме золотых сайгаков и белых маралов, кекликов и фазанов в этой жизни было ещё много чего другого. Вёл он себя всегда с достоинством и никаких эмоций не выказывал.

Иногда «патриарх» спускался на землю к нам, простым смертным, и тогда можно было задать ему такие вопросы, которые сами напрашивались. Например, что надо делать, чтобы дожить то столь преклонного возраста. Максим Дмитриевич отвечал, что он пьёт исключительно талую воду: утром достаёт из холодильника сосуд со льдом, размораживает и пьёт. Но как он это делает, спросить я не догадалась. Я пробовала ставить стакан с водой в морозильник, так он, следуя всем законам физики, лопался ещё в агрегате. Рассказывал писатель о своём отце, жившем ещё в прошлом, а теперь – в позапрошлом веке. Запомнилось мне то, что особенно волновало в то время – величина рабочего дня. Отец его ездил на службу к десяти часам, а возвращался в три часа пополудни. То есть при царе был пятичасовой рабочий день. Как это мне нравилось! И до сих пор нравится, поскольку пять часов работы, а не бесполезного толкания и бесконечных чаепитий, болтовни и перекуров – были бы гораздо продуктивнее для всех. А как это было заманчиво для женщины, у которой двое маленьких детей. Сад с садом, а с детьми надо общаться больше, чем тогда было возможно.

Стиль у писателя-натуралиста Зверева не отличается трепетным отношением к слову, и никаких фразеологических особенностей он читателю не преподносит. Просто, доступно, иногда даже примитивно. В некоторых его рассказах недостаёт изящества. Но важнее всего для него было изложение фактов поведения животных в различных ситуациях. Все его произведения стояли между изысканной литературой и скрупулёзной наукой, не дотягивая и не перетягивая ни в ту, ни в другую сторону. Но это нисколько не умаляло ценности рассказов писателя-натуралиста. Не утрачивался интерес к его прекрасным повестям «Белый марал», «Золотой сайгак» у многих поколений читателей. Я сама, когда ещё училась в пятом классе, то брала в библиотеке эти книги. Тогда я не запомнила автора, но названия его книг вспомнились, когда в Алма-Ате мне вдруг повезло работать с этим интереснейшим автором. И я поблагодарила судьбу за такой подарок.

Трёхтомник Максима Дмитриевича Зверева я выпускала уже как его «постоянный» редактор. До этого я подписала в свет его книгу «Когда гаснет гнев». Во время работы над собранием сочинений с автором мы почти не общались. Это было чистое переиздание его изданных бессчётное количество раз трудов.

Из коллекции:

Когда он приходил за своими авторскими экземплярами только что вышедших из типографии томов, он обязательно заходил в редакцию и степенно подписывал мне книгу: «Дорогой Катерине Ивановне от благодарного автора с уважением. М. Зверев. 19. III. 84».

Могу покаяться, что до конца я этого писателя-натуралиста не поняла. Было в его «мамонтовом» спокойствии нечто, что всегда держало на расстоянии. И его внешний облик не состыковывался, по моим понятиям, с такими

простенькими рассказами о животных. Но память у меня о Максиме Дмитриевиче Звереве действительно осталась добрая.

У него в секретарях была поэтесса Татьяна Фроловская. Она часто навещала нашу редакцию. Тогда она издавала свою книгу «Корзина земляники» и готовила комментарии к собранию сочинений в трёх томах писателя-натуралиста М.Д. Зверева. Она была красивой молодой крупной женщиной. Сейчас её можно сравнить по виду и фигуре с Анастасией Заволокиной, ведущей передачи «Играй, гармонь» на первом канале Российского телевидения. Рядом с Фроловской иногда появлялся в издательстве и её муж Эдик, который был на её фоне очень маленьким. Пара была выдающаяся и соответствовала своим именам: Татьяна – многоводная спокойная река и Эдик – маленький и суетливый. Я, конечно, не имею в виду значения имён по словарю академика Петровского, скорее это – ассоциативные образы. Было непривычным и даже странным в те времена такое явление. Кто-то подтрунивал над этой нестандартной парой, и у меня поэтому было к ним сочувствие. Хотя они в нём совсем не нуждались, поскольку комплексов у них не было никаких. Я запомнила, что Татьяна мне дала совет записывать всё, что со мной происходит.

– Потом этому цены не будет, – говорила она, очевидно уже умудрённая опытом.

Но зря мы не внемлем умным советам! Мне так сейчас не хватает этих записей. Конечно, что-то я записывала, но ежедневно делать это не было ни возможности, ни времени. В таких случаях всегда надеешься на память. Сейчас, когда я пишу эти воспоминания, ловлю себя на мысли, что можно открыть символическую книгу и, полистав её страницы, быстренько-быстренько всё вспомнить, что было, но, к сожалению, навечно стёрлось из памяти. Мне представляется, что материалы лежат где-то здесь рядом, в столе или шкафу. Но сколько я ни искала, такой книги не нашла. Как важно всё вовремя записывать! Наступают для каждого времена, когда уже и следа от бывших встреч и действий не остаётся в памяти. Пока окончательно всё не ушло, следует записывать.

После сотрудничества с Максимом Дмитриевичем Зверевым я стала завравским «спецом» по натуралистам. Обычно эту тематику разрабатывали люди, сделавшие науку своей основной профессией. Ведь и Максим Дмитриевич Зверев в какое-то время своей длинной жизни занимался зоологией, был доцентом Казахского госуниверситета.

Учёный-орнитолог, кандидат биологических наук Борис Васильевич Щербаков стал моим очередным автором из писателей-натуралистов. Он к тому же называет Зверева своим учителем. «Я твёрдо поверил в то, что у Максима Дмитриевича Зверева есть своя Джемшидова чаша... Она полна разных историй, фактов, случаев и приключений. Но главное: в ней накоплена любовь к природе, душевность и доброта к людям». – И далее Щербаков пишет: «Я в детстве тоже испил из его волшебной чаши. И тоже выбрал себе тропу натуралиста. Как и прежде, все эти долгие годы нашей близкой дружбы, я иду следом за старым натуралистом, известным писателем...».

Строгим редактором я не считалась, многие замечания контролирующих инстанций брала на себя, если видела всю нелепость придираков вышестоящих должностных лиц. Так же я выпустила книгу Бориса Щербакова «Зелёный дом», несмотря на то, что в Госкомитете по печати была не очень лестная рецензия от контролирующего чиновника. Он требовал переписать отдельные фразы и целые предложения, либо вообще их убрать. Я схитрила, знала, что второй раз одну и ту же книгу читать он не станет, поэтому сделала формальную отписку, что замечания рецензента учтены. Каюсь, это было мерзко. Но ради благого дела я так поступала трижды: когда выпускала книги Юрия Герта «Колокольчик

в синей вышине», Надежды Поведёнок «Жили-были» и «Зелёный дом» Бориса Щербакова. У других авторов всё шло гладко: либо бдительность потерял наш контролёр, либо придаться было не к чему, в соответствии с характеристикой творчества одного поэта, о котором как-то услышала такой отзыв: «Он так пишет, что и сказать нечего: ни плохого, ни хорошего».

Если я видела, что это были авторские находки, их манера и стиль, то не позволяла никому вмешиваться. Почему должен страдать автор из-за «бдительного» чиновника при должности? Кто мог защитить писателя от произвола вышестоящего контролирующего органа? Я свою роль как редактора-заступника по-другому не знала как исполнить, кроме как использовать слабину чиновника-человека. Привыкнув к тому, что перед ним все стоят «во фронт» и каждый рвётся исполнить указания свыше, он не утруждал себя контролем ситуации. Но для меня тогда было важнее оставить авторские находки, чем исполнять указания. Конечно же, я рисковала. В любой момент меня могли разоблачить.

Из коллекции:

Но кто не рисковал, тот не мог получить в подарок от автора книгу со словами: «С чувством искренней благодарности моему лучшему редактору и искренней симпатией – Мосиной Екатерине Ивановне от автора! 14 апреля 1986 г. Б. Щербаков».

Хотя Борис Щербаков был более профессиональным учёным-орнитологом, но и рассказчик он замечательный.

Книга вышла. Писатель приехал из Усть-Каменогорска, чтобы специально меня поблагодарить. Он вошёл в нашу редакцию, которая к тому времени стала уже большой, и комнату нам дали огромную. В то время заведующим был Сергей Терентьевич Шумский, а все остальные сотрудники – женщины. Около десяти человек. Что называется, завредакцией был – и один в поле воин. Борис Васильевич стал торжественно меня благодарить за такую замечательную книгу. Он уже седьмой сборник выпустил, и только я «сохранила его текст полностью, бережно отнеслась к стилю автора» и т.д. и т.п. Я вывела его за дверь и попросила не захваливать меня при всех, потому что ведь другие дамы также считают себя хорошими редакторами, и не всем понравилось, что он меня так хвалил. Далёкий от нравов нашего серпентария, он не смог понять, почему это нельзя всем сказать, что «его редактор самый лучший».

С удовольствием я работала над его трогательной повестью о маленьком медвежонке и даже читала детям дома. У нас в семье было принято читать книги вслух. После всех дел дети забирались ко мне в постель, и я им читала Джерома К. Джерома, «Трёх мушкетёров» и даже «Войну и мир». Повесть Бориса Щербакова про медвежонка Урха шла в ряду с «Детством Никиты» А. Толстого, «Детством Маврика» Е. Пермяка, «Тёмой и Жучкой» Н. Гарина-Михайловского. Когда я тяжело заболела, Борис Васильевич предложил прислать мне крепких целебных сибирских трав, собранных где-то под снегами в горах. Но мне тогда ничто не помогало, и не хотелось утруждать его своими проблемами.

Кстати:

Наш главный редактор В.Ф. Мироглов был в гостях у Бориса Васильевича и рассказывал, что дома у писателя было множество клеток с попугаями. Когда птицы мешали спать домочадцам, то клетки уносили в другое помещение или накрывали тканью. В семье был любимый попугай Жаконя, судя по кличке, он был из породы жако – серых попугаев, довольно крупного размера. Жаконе позволяли всё. Во время чаепития он степенно разгуливал по столу и требовал: «Чаю! Жаконе чаю!». Как-то смешно ругал тещу, отчего она обижалась. И ещё

какие-то байки он про этого попугая рассказывал. У меня возникла идея-фикс завести себе говорящего попугая. Но где его взять, я не знала, а попросить об этом Б.В. Щербакова не смела.

Как хорошо, что у меня всё же есть дневники и разные краткие записи. Я стала искать в них что-то такое, что бы помогло мне ещё что-нибудь вспомнить о Борисе Щербакове. И вот я нашла запись в белой толстой тетради «Рабочий ежедневник» (Ах, сколько я их начинала, но никогда, никогда не дописывала до конца). Вот буквально, что написано 15 января 1986 года: «... Потом приезжал один из авторов из Усть-Каменогорска – Черных... Я передала через него привет для Бориса Щербакова. Сам Черных тоже верит, что тот будет хорошим писателем...». Жаль, что после моего отъезда из Алма-Аты мне больше не доводилось слышать об этом многообещающем писателе-натуралисте.

Кстати:

В сентябре 2007 года я лечилась в санатории в Ессентуках. Мы с моей соседкой по комнате ростовчанкой Леной Губаревой и её дочкой Вероничкой решили погулять по городу. Я не была в Ессентуках семнадцать лет и, конечно же, забыла, как пройти в нужном нам направлении. Мы пошли наугад и заблудились. Не долго думая, обращаюсь к первому прохожему:

– Покажите нам, пожалуйста, верный путь.

Мужчина начинает сбивчиво объяснять и, видя, что мы не представляем, как же правильно идти, предлагает:

– Давайте я вас немного провожу.

Молча идти с таким услужливым человеком неудобно. Я начинаю расспросы:

– Вы тоже приезжий? Откуда?

– С Чукотки. Но жил долгое время в Казахстане в Усть-Каменогорске.

– Чем вы там занимались?

– Я – журналист.

– Ну, значит, вы и писателей знаете из Усть-Каменогорска.

– Конечно, почти коллеги.

– И Бориса Щербакова знаете?

– А как же! Мы дружили семьями.

– А теперь общаетесь?

– Да, бывает.

– Передайте ему привет от редактора его книги «Зелёный дом».

И я протягиваю ему свою визитку. Случайный прохожий – я даже имени его не спросила – удивлён такой встречей. У Веронички глаза и ротик широко открыты от восторга. Лена смотрит на меня, как на волшебницу. А я и сама поражаюсь тому, как же тесен наш мир. Но рада, что хоть немного узнала о «своём» авторе Борисе Щербакове.

Неблагодарное дело

Совсем не могло быть и речи, чтобы я издавала «товарищей из ЦК», например, Владислава Владимировича, Илью Шухова или Альберта Устинова. Это была прерогатива Толи Загороднего, старшего редактора, а впоследствии и заведующего редакцией. (Сколько их при мне сменилось! Теплицкая – раз, Егоров – два, Загородний – три, Шумский – четыре, и ещё был Петровский Алексей – пятый). Загородний сам пописывал книжки, ему надо было издаваться; как можно было такие козыри, как издание книг высокопоставленных должностных лиц, упускать. Ведь от них зависело, попадёт ли автор в

тематический план издательства, и соответственно, будут ли этого автора публиковать, сможет ли он вступить в Союз писателей СССР. Магическая аббревиатура «СП СССР» была в то время поистине золотым ключиком, открывающим самые заветные дверцы. Одно только слово «писатель» причисляло автора к небожителям. Гонорары, просторные квартиры, элегантные машины, дома творчества – это в те времена простым смертным не полагалось, а многие «члены», не все, конечно, это «своё» выбивали.

Недавно, в 2006 году, Толя Загородний мне позвонил в ответ на моё письмо. Живёт он теперь в Орле. Как он мне сказал, он нигде не работает, получает «стипендию» от Егора Строева как член СП России, что-то пишет. Работает и ведёт семью его жена Светлана, с которой он снова вместе.

– А ты разве не знала? Мы с Галактионовой вступили в Союз ещё в Алма-Ате, – ответил Толя мне вопросом на мой вопрос. А после рассказал, как и когда, с чьей подачи их с Верой приняли в СП. Тогда ведь для вступления в Союз писателей не всегда было достаточно одной изданной книжки.

Это надо же было так работать с авторами, чтобы они не обижались на своего редактора и, что самое важное, сохраняли с ним добрые отношения и после выхода книги. Мне он говорил, что только читает рукописи и ничего не пытается добавлять своего. Но я знаю, как он тонко чувствовал слово, как долго мог «эстетствовать» по поводу писательского творчества, поэтому позволяю сказать, что был он ещё и отменным дипломатом. Я старалась перенимать его манеру работы с авторами. Во всяком случае, без ведома автора книги ничего сама не правила, не дописывала и не искажала смысл написанного. По этому поводу вспоминаю один эпизод на производственную тему.

Пришёл как-то в редакцию приятный пожилой мужчина. Был он строен, голубоглаз, благородная седина только подчёркивала его элегантность. Он рассказывал о своих морских путешествиях, об Алеутских островах.

– У алеуточек, – посетитель как-то двусмысленно улыбнулся, – даже на сосках пушок растёт.

Это был Владимир Фёдорович Чирков, журналист, который долго служил на флоте, рано вышел на пенсию и теперь искал места в Алма-Ате. Женщины нашей редакции слушали его затаив дыхание. Мне не понравились его плотские взгляды, какими он одаривал наших дам. Но это не стало большим препятствием к дружеским отношениям с ним. Был он благодушен, незлобив и поэтому совсем не опасен. Как теперь говорят, мягкий и пушистый. У него была коллекция самоцветных камней, которые он привёз из своих дальних путешествий. Много их он подарил нашему младшему редактору красавице Райхан Мусабековой. У неё тогда была возможность изготовить из них украшения.

Я тоже спросила Владимира Фёдоровича, как можно посмотреть его дивные камни, поскольку Райхан очень хвалила его коллекцию. Он пригласил меня к себе в гости в общежитие партшколы, где он обосновался. Какое-то время Владимир Фёдорович работал в нашей редакции. Потом его перевели на работу в вышестоящий орган в Госкомиздат. Мужчина был хотя и пенсионного возраста, но с ещё не утраченными хорошими связями. Я побывала у него в гостях, мы даже обедали в столовой партшколы. То, к чему я привыкла, живя в Москве во время учёбы в университете, вдруг обнаружила здесь. Чистота, цветы, богатое европейское меню. Как-то защемило сердце, вспомнилась «высотка» на Ленинских горах, студенческая столовая, которую мы ругали, а она, оказывается, была не самым худшим вариантом общепита.

Кстати:

Забавный произошёл случай у меня с Чирковым. Когда я была на повышении квалификации в столице, в середине мая я привезла из Москвы себе новую шапку. Это была роскошная рыжая ушанка из овчины. По моим деньгам мне как раз это нравилось. С нетерпением я ждала зиму, чтобы покрасоваться в этой обновке. Когда время настало, я бережно обращалась с шапкой. На работе я не могла её оставлять на общей вешалке, а шкафа для одежды в кабинете не было. Приходилось держать шапку на столе, надев её на бутылку из-под молока, чтобы не помялся мех. Но не долго так красовалась обновка на моём рабочем месте.

Зашёл Владимир Фёдорович Чирков к нам в редакцию – он уже работал в другом месте – у него в руках была шапка из норки. Она отдалённо напоминала ушанку, называлась «обманкой» и была скорее женским, чем мужским головным убором. Норка была красивой, богатой, блестяла, и было видно, что она новая. Стоила она, конечно, раза в три дороже моей овчинной шапки, а то и в четыре. Увидев мою ушанку, Владимир Фёдорович вцепился в неё, протянул мне свою «норку» и сказал:

– Ну-ка, примерь.

Ничего не поняв, я примерила его убор. Он сказал:

– Если ты мне доплатишь сто рублей, то она будет твоя.

Я опешила. Мне нравилась моя новая ушанка из овчины, мне в ней было хорошо. Зачем я должна была платить почти две трети моей зарплаты, чтобы получить взамен норковую «обманку»? Я наотрез отказалась.

Тогда он махнул мне рукой и сказал:

– Ну, я пошёл! – надел мою «овчину» и вышел из кабинета.

Я стала возмущаться такими действиями нашего гостя. Конечно же, всё это было в таком полушутливом тоне, о каких-то злобе и ненависти и речи не шло. И моя коллега, Фаина Резвановна, меня стала урезонивать:

– Катя! Вам очень идёт норковая шапка. Соглашайтесь, она же гораздо дороже вашей ушанки, и вы в ней очень элегантно смотрите.

Мне пришлось смириться с таким «волевым» обменом. Оказалось, что ему сшили женскую шапку, и он её поэтому не мог носить, а моя ушанка была под цвет его дублёнки. Конечно, норка даёт сто очков даже самой красивой овчине. Потом и впрямь это была ценная вещь, благородный мех придавал элегантность моему облику. Но всякий раз вспоминала я этот обмен не очень хорошо. Особенно, когда пришлось ехать в поезде на верхней полке. Я возвращалась из Ессентуков и решила заехать в Калач к маме. Место было только плацкарта на верхней полке. Всю ночь я не спала, боялась, что мою дорогую шапку украдут, и мне на морозе будет холодно. И всё вспоминала присказку: «Не знала баба хлопот, так купила поросю».

Когда Владимир Фёдорович Чирков написал книгу, я не смогла быть его редактором, потому что много времени проводила на больничной койке. Книга попала к Ф.Р. Чернышовой. Бывшему учителю русского языка не понравился стиль новоявленного писателя. Фаина Резвановна добросовестно за него многое переписала. Потом автор с обидой укорял меня:

– Не взяла мою книгу, а теперь мне её Фая испортила.

Это стало известно и Фаине. Женщина эмоциональная, горячая, громкая, она сразу же отреагировала по-своему.

– Я честно работала над книгой, старалась! Не так как Мосина и Загородный. Они вообще ничего не правят у своих авторов!

Это было лестным отзывом о моей работе. Меня приравняли к Толе! Меня озвучили как очень лояльного редактора!

У нас в редакции шла незримая борьба за авторов. Кто искал с должностями и связями. Я гонялась за талантами, но чаще приходилось довольствоваться тем, что темплан посылал. А Толя всегда умел преподнести своих высокопоставленных авторов так, как будто бы за ним ходили эти «товарищи из ЦК» и сами умоляли его быть редактором их книг. Хотя на деле и вправду выбора особенного не было. На тот момент он действительно был самым опытным и «старейшим» в редакции.

Зато мне потом доставалось редактировать книги начальства: и Загородного, ставшего к тому времени заведующим редакцией, и Мироглова, главного редактора издательства по русской литературе. Неблагодарное это занятие. «Легче верблюду пройти в игольное ушко», чем быть редактором книг начальства или добрых старых знакомых. Я не умела идти на компромиссы. Если видела, что не стыкуется что-то у автора, обязательно делала замечания. Сейчас я задаю себе вопрос, для чего это было надо. Ведь как написал, так и пусть читают, пусть о нём говорят, как о таком писателе.

Не секрет, что некоторых знаменитых писателей сделали редакторы. Когда авторы предоставляли свои произведения в очень сыром виде, они полагали, что редактор обязательно их отшлифует. С книгой Загородного «Суд да дело» произошло более серьёзное превращение.

Я так «достала» своими замечаниями Загородного, что он даже не счёл нужным подарить мне экземпляр, когда книга с большими трудами наконец вышла. Было обидно, что он так поступил, ведь я очень хотела, чтобы его такая сложная, ещё совсем сырая вещь, даже недописанная, всё же обрела логический конец. Я едва ли не сама придумала ему окончание его повести, потому что он так и не смог её никак закончить. Это не значит, что я за него дописывала концовку. Нет, он сам. Но он уже не мог не учесть моих советов. Не потому, что хотел «угодить» требовательному редактору, а потому что в моих советах было рациональное зерно.

Из коллекции:

Потом, два года спустя, он всё же подарил мне книгу. Сам. Потому что знал, что для редактора значит не подаренная автором книга. Надпись была очень трогательная: «Кате Мосиной с нежностью и благодарностью. 9/IX 86 г.»

Случилось это, когда весьма откровенно мы с ним пообщались. «Интимничали» мы с ним глубокой ночью у меня дома, а общение наше было всё о тех же вечных профессиональных вопросах. Всё произошло быстро и странно. В два часа ночи раздаётся звонок по телефону.

– Я беру такси и еду к тебе, скажи адрес! – это был Загородный.

Я опешила, с чего это вдруг? Мы уже тогда не работали вместе, он перешёл в молодёжное издательство «Жалын». Это был странный и единственный случай.

Вообще-то он никогда мне не был интересен ни как человек, ни как мужчина. Я просто долго-долго смотрела совсем в другую сторону, пока он сам не повернул мою голову к себе лицом. А как повернул, то я смогла заметить в нём много чего нового и глубокого. Хотя во время моей работы над его книгой было видно, что он самобытный писатель, но я не стала особенно на нём долго задерживаться. Куда он денется: сидит напротив за столом, пьёт свой чёрный чай без сахара из очень грязной кружки. Как известно, от чая чашка быстро темнеет, её надо чистить время от времени. Но Толя этого никогда не делал. Он говорил:

– Так из моей кружки никто другой пить не станет.

И он был прав. Если надо было гостям налить чаю, то его кружка для этого не годилась. Как-то наша коллега, тоже редактор нашей редакции, Вера Галактионова со свойственным ей юмором сказала, глядя в Толину чашку:

– Загородний, ты что в неё делаешь?

Куда он денется: вечно курит и весь пропитался запахом окурков. Куда он денется: сидит в неизменном чёрном пиджаке с уже затёртым воротником. Нет, ничего в нём я для себя привлекательного не находила. Только его умение обращаться со словами меня и прельщало в нём. Одна его привычка перебирать слова, прислушиваться к ним, как бы пробовать их языком многих потом увлекла и невольно заставляла подражать ему. Я, конечно, говорю о творческой манере, о подходе к слову в прозе. А то ведь странно представить, как это Загородний пробует слова на зуб.

В ту странную ночь я узнала от него о каких-то литературных группировках в Союзе писателей Алма-Аты, что он устал от вечных склок между ними. И о нём тоже сделала свои выводы, чего и не предполагала в нём найти. С женщинами он обращался так же, как и со словами, трепетно и нежно. Я даже подумала, что можно в него влюбиться, но он тут же куда-то «делся». С тех пор мы почти не виделись. Поэтому я и не знала, что его приняли в Союз писателей. Я посмела вспомнить о единственной с ним ночной беседе по двум причинам. Во-первых, тогда он был в каком-то кураже, и меня удивила сказанная им фраза: «Я узнал всех женщин в русской редакции, но с тобой ещё не общался». Конечно же, это был кураж! И прежде чем «озвучить» этот эпизод, я отослала в Орёл отрывок из воспоминаний, чтобы он поправил, если что не так. Да, мы посмеялись над тем, что было более двадцати лет назад. Были молодость, настроение и кураж. Во-вторых, после отъезда из Алма-Аты мне приходили письма, и Лена Шкловская, правда уже из Чикаго, написала: «Вспоминаю, что в А-Ате... на какое-то Рождество у нас дома собралась компания – Наталья Крекс[унова], Алёна, Шмидт, Карпенко, Загородний привёл девочку из СП, Курдаков... Загородний перебрался к какой-то женщине, от кот[орой] был без ума» (19.02.1995).

Для меня это было неожиданностью, потому что, казалось, он без Светы, своей жены, был беспомощен. И когда он мне звонил из Орла, спустя двадцать лет, я его спросила, неужели это правда, что он ушёл от Светланы.

– Да я к ней вскоре же и вернулся, – это был его ответ.

Я всегда восхищаюсь женщинами, к которым возвращаются мужья. Наверное, потому что сама к таким не принадлежала никогда. По главной причине: отсутствие желания встречаться с человеком, который, однажды предавши, предавать будет всегда.

Из коллекции:

У меня сохранилась открытка, которую Толя Загородний подписывал мне к 8 Марта от мужского коллектива русской редакции: «Катеньке! Нашей зелёной ветке, полной цветов и плодов, розовой и – зелёной-зелёной! Как будто в комнате распускается весна!». Здесь всё сразу: и намёк на мою зелень (молодо – зелено), и его откровенные взгляды на мою открытую шею – а я сидела за столом перед ним, и он мне часто так и говорил, что его смущает моя белая шея; также и мой внешний вид соответствовал надписи: я часто надевала зелёный, под цвет зрелой листвы, трикотажный костюм – юбку и жакет, а большой вырез прикрывала нежно-розовым воздушным шарфиком. Ах, молодость, молодость! И почему я тогда смущалась от этих его любующихся взглядов? И это только один пример многозначности текста на открытке. Причём в простом, можно сказать, дежурном, случае. Тогда было принято поздравлять мужчин с днём Советской Армии на 23 февраля, а женщин – с Международным женским днём 8 Марта с обязательными открыточками и ничего не значащими словами. А для меня слова на сохранённой открытке многое воскрешают в памяти.

Вот цитата из романа Анатолия Загороднего «Суд да дело», вы только вчитайтесь: «Что ты, голова моя, обласканная матушкой, золотая и масляная да тяжёлая, что ты падаешь на бумагу, как на жёлтую плаху...».

Или вот ещё: «И почудилось вдруг: остановилась августовская ночь. Змеи сбросили шёлковые кожи, и кони пошли пастись... Вольно, вольготно раскидалась во все стороны ночь. Ничто не нарушало её покоя и тишины. Только в вышине серебряная луна волновалась... Тьма становилась совершенной, подобной очам юной казачки, а ночь прохладной – перед сном. И тогда полетела сверху – словно хозяйничали там шмели – вниз золотая горчичная пыль... Ах, не эта ли пыль одела в ту ночь липы и цветы девясила».

Вот она, игра словесная, вот оно, переключивание звуков с ладони на ладонь, вот оно, таинство Творчества! Выход книги Анатолия Загороднего «Суд да дело» тогда наделал много шума. Думаю, что только по одной этой книге его можно было причислить к хорошим русским писателям. При том, что во многом она подражательна.

Но я взялась вспоминать о людях, что для меня были, как реки, с водами, омывающими берега моего острова, об их поступках и словах. О тех жизненных эпизодах, которые произошли со мной в Алма-Ате при их участии. И разбирать их произведения здесь у меня целью не стоит.

Другой мой руководитель, Виктор Фёдорович Мироглов, особенно не возражал против моих замечаний по его рукописи. Если он находил их справедливыми, он тут же делал правку в тексте. В моих записях я нашла такую информацию: «Я начала читать первый экземпляр 11 июня 1985 года. Встречалась с автором 13 июня – после прочтения 100 страниц. Он меня уверил, что особо сопротивляться не будет, и что сам её не доработал, а после написания даже не прочёл».

Его роман «Сила Кориолиса» считался острым. Это было произведение о современности, где затрагивались темы бесхозяйственности, где показывалась жизнь власть имущих особ. На мой взгляд, ничего «суперреволюционного» и противозаконного в его романе не было. Но Мироглову не повезло, он уже не работал в издательстве, когда началась работа над рукописью. Поэтому и направили его корректуру в ЛИТО. Под тем предлогом, чтобы он не выдал какой-нибудь государственной тайны.

Его протеже, бывший зав. и зам. Егоров стал главным редактором. Он, как и все журналисты-борзописцы, был перестраховщиком и интриганом. (Не все журналисты – борзописцы! Но журналисты-борзописцы – такие все). Втайне от автора и от меня он отослал рукопись в Москву на заклание. Но рецензия была положительной. Тогда Егоров попытался через Госкомиздат Казахстана «зарубить» будущую книгу. Но и там вышла осечка. Придрались только к мелочам, которые автор безропотно исправил. Я ему предлагала не править, но он не стал этого делать, чтобы после не ставить под удар меня. Его бывший протеже поднял такую мышиную возню вокруг этого романа, чтобы сорвать выход книги. И это так он ему отплатил за то, что Мироглов долгое время его всегда поддерживал как заведующего редакцией. Кажется, он же и принял его на работу.

Очень скоро Егоров поменял кресло заведующего редакцией русской литературы на место заместителя главного редактора по русской литературе, а потом и на должность главного редактора по русской литературе заступил. Длительное очковитительство и угодничество в партийной газете были хорошей практикой для того, чтобы сместить своего руководителя. С того времени в редакции русской литературы началось аутодафе от бывших газетчиков, имевших притязания на звание писателя. Об этом следовало бы говорить отдельно.

А с Виктором Фёдоровичем Мирогловым мы завершили работу без скандалов, но не без эмоций.

Из коллекции:

Он мне подарил книгу с такой экспрессивной надписью: «Катерине! Моему редактору! Незабвенной бабе яге и ведьме! ... И хорошему человеку! От всей души, с пожеланием успехов и здоровья! А-Ата, 17.II.87 г.».

Как видно, книга издавалась почти два года, и в том моей вины не было.

Кстати:

Относительно «бабы яги и ведьмы» следует сказать, что у Виктора Фёдоровича был свой стиль общения с подчинёнными. Когда я, молодая и наивная, пришла в редакцию на работу, он вводил меня в краску своими анекдотами, которые он смачно рассказывал, заходя к нам в редакцию попить чаю. При этом он использовал ненормативную лексику. Когда он «травил» анекдоты, поначалу я делала вид, что у меня ручка падала под стол, и я долго-долго её там «искала», попросту желая скрыть выражение своего лица. Я не хотела его смущать своим негодованием. Но потом я, как и все остальные, привыкла к такому богатому и колоритному русскому языку моего шефа.

Я была благодарна ему за то, что он, сломав все стереотипы и сложившиеся устои в этой редакции, взял меня на должность редактора. Я никогда не отплачивала людям чёрной неблагодарностью за то, что они делали для меня хорошего, поэтому Мироглов был для меня человеком уважаемым и авторитетным, несмотря на его недостатки, как руководителя. Но при этом я также никогда не таила в себе то, что мне не нравилось, что я считала неправильным. Даже не умела перемолчать о том, что плохо. А во время редактирования его романа я находила недостатки и в стиле и в фактах. Поэтому он так и написал про ведьму и бабу ягу. Конечно, не без экспрессии. Но что поделаешь, если у человека для похвалы нашлись такие образы?

Об Олеге Постникове

Даже не могу вспомнить, в какое время года приехал к нам в Алма-Ату поэт Олег Постников. Кажется, это было летом... Вошёл в редакцию. Освещённый солнцем, голубоглазый, улыбочивый, в белом элегантном костюме – так и светится весь.

Наши взгляды скрестились, сплелись – не развести. Мне трудно было оторвать от него глаза: мужчина, о котором только мечтать можно, сказочный король – его хотелось рассматривать. Наверное, он к этому привык. Он же смотрел на меня, очевидно, пытаясь понять, что же за новое лицо появилось в редакции русской литературы издательства «Жазушы».

До этого он и раньше навещался из своей Тмутаракани в столицу. Тогда он, может, и не заметил новую сотрудницу, сидящую со скромно потупленным взором над чьей-то рукописью. Но как бы я ни скрывала свой взгляд, всё же заметила его дивные синие глаза. И не могла не вдохновиться такими глазами и не написать стихи. «Ваши сине-васильковые глаза». Оказалось, что и у него есть что-то подобное – его стихотворение «Чайка», которое созвучно моим «Глазам»:

Чайка над волной качнулась –
В сумерках белым-бела.
Твоего лица коснулась
Тень от быстрого крыла.
И сама ты,
словно чайка,
С лёту падала в прибой...

В моих же стихах эта чайка, наоборот, рвётся в небо:

Я – белая птица –
Лечу в небеса.
Мне чудится,
Мнится:
Я – белая птица,
Я рвусь в небеса,
В Ваши синие-
Пресиние глаза.

Странно, что писала я свои строки, совсем никогда не читая его стихов. Но некоторая созвучность моих и его стихов – дар свыше, некий знак, дающий мне возможность думать, что я могла иметь с ним одну общую духовную струну, рождающую поэтические строки. А я свой мир в стихах строила, совершенно не зная, что у него есть похожие темы. Олег Петрович меня вдохновлял своим только одним видом. И не было мне дела никакого, к кому он приезжал, с кем проводил время. Важно было то, что он приехал, он есть, он улыбается.

Каким светлым ангелом он приезжал! И каким зелёно-серым, почти смертельно больным уезжал. Друзья и его близкая женщина требовали отдачи. Он – гений светлый, вырывался из своей песчаной дыры – Чимкента, провинции. Ему там не хватало общения, и в Алма-Ате он пускался во все тяжкие...

Боже упаси! Я только своё – со стороны – впечатление излагаю. А может, было-то всё у него по-другому. Для меня это не важно! Ведь глядя на него, мне хотелось писать стихи. У меня вырастали крылья. Меня тянуло к нему. Теперь я знаю, что это его талант, его светлый дар меня привлекал.

Из коллекции:

Когда я его в первый раз увидела, он подарил мне свою книжку «Солёная роса», которую подписал степенно: «Катерине – с огромной радостью, дружески! 26 янв. 1983 г. Алма-Ата».

Кстати:

Я даже не смею писать «когда мы с ним впервые встретились», чтобы не бросать какую-либо тень на его память. Это я впервые его увидела. Действие только одностороннее: я увидела, я восхитилась, я написала... Олег Петрович жил своей жизнью, даже не предполагая, какие эмоции он мог вызвать в молодой женщине, скромном редакторе по прозе.

Как часто бывало в то время, мне дарили свои книги многие авторы, но не все я читала своевременно. Так и со сборником этого поэта произошло – он долго оставался мною непрочитанным. Это уже когда готовила к изданию свой поэтический сборник «Завалерианство», решила как-то запечатлеть память о хорошем человеке. И светлой памяти поэта Олега Постникова посвящены мои строки, написанные под воздействием его творческой поэтической ауры. Я решила включить «Молитву», написанную под впечатлением от его приездов, в этот сборник. Но поставить задними числами то, что это посвящено ему, я не могла. Ведь, когда стихи писались, я такое посвящение не делала. Я задумалась, открыла его книгу «Солёная роса»... И снова созвучность нашей творческой темы себя обнаружила. Он сразу же дал мне подсказку. Хотя и было это писано не мне, но ситуация возникла в точности, как в его стихотворении «Рассвет», строчки из которого я и сделала эпиграфом к своей «Молитве»:

Луч прозвенит, и распахнутся двери,
И ты с порога позовёшь меня.

А дальше мои стихи, которые уже имели совсем иной смысл:

I.

Пусть повторится твой приезд!
Откроешь дверь – шагну навстречу.
Мы окунёмся в тёплый вечер.
Пусть повторится твой приезд.
Пусть повторяются наши встречи!
С весенним ароматом гроз
В белокружении берёз.
Пусть повторяются наши встречи.
Пусть повторится наша жизнь!
Не на Земле, в ином размере –
Ведь мы с тобою в это верим.
Пусть повторится наша жизнь.

II.

Вы уедете завтра...
Но всему наступает черёд.
Бесконечными будут повторы:
И весна, что в душе распускается алой зарёю.
И фиалочный дух будет маревом нежным висеть над землёю...
Будут ласточки петь, а трава зеленеть.
И у древа любви лопнут почки, и закаплет живительный сок.
У синицы заплачет душа, и услышав её, на поляну присядет журавль.

«... А Вы были равнодушны к О. Постникову? Очень славный товарищ был, многие его любили. Ваше стихотворение, посв.[ящённое] ему – очень трогательное, душевное...» – это строки из письма Надежды Георгиевны Поведёнок. Писано оно уже 27.01.2003 года, из Петербурга, двадцать лет спустя после моей с ним встречи. Поводом для таких осторожных выводов, сделанных Надеждой Георгиевной, оказался мой первый поэтический сборник «Полёт над гнездом», куда я включила фрагмент «Молитвы», а в письме ей я пояснила, что это – посвящение Постникову.

На этот вопрос писательницы я написала всю историю об Олеге Постникове и себе. На что Надежда Георгиевна сообщила мне новые сведения:

«В твоём письме о Постникове... Сколько видела, всегда в баре. Сколько слышала, всегда восторги. И всегда удивлялась, потому что белый свет был всегда заслонён другой фигурой. И только после рецензии на мою рукопись увидела душу Олега и его щедрость. А Надежда, уж не знаю как, присвоила себе пальму первой женщины Постникова. Была издана книга – их переписка и стихи. Одни приняли как должное, другие – отрицательно. У меня такой книги нет, а то бы прислала тебе».

Я никогда не интересовалась, что за женщина была рядом с этим поэтом в Алма-Ате. Некоторые факты из жизни поэтессы Надежды Черновой я узнала только из нашей переписки с Надеждой Георгиевной Поведёнок. Вот первая весть, сообщена давно, ещё 13.04.90:

«Надя Чернова схоронила мужа... (а в прошлом году умер её любимый Олег – Постников)».

Вот более свежая весть от 17.02.2005:

«Сегодня узнала о смерти Игоря, мужа Н. Черновой. Надежда вторично овдовела...».

Думаю, что мне интересна была бы книга, выпущенная Надей Черновой: я бы больше узнала о поэте Постникове. У меня много подаренных поэтами книжек. Они требуют большего внимания и более подробного описания: Саша Шмидт, Геннадий Круляков, Бахытжан Канаяпов, Любовь Шашкова – это кто часто бывал в нашей редакции. О Вячеславе Киктенко, поэте, я написала в

статье о его студенческом друге и моём однокашнике Юрии Доброскокине. Но здесь я хочу ещё об одной встрече рассказать. Потому что, когда вспоминаю рано ушедшего Олега Постникова, то тут же и другой образ возникает – Тамары Мадзигон. Наверное, потому, что она тоже талантлива и тоже рано ушла. И, как Олег, была со своим светом, от неё исходящим.

Она несколько раз заходила к нам в редакцию, у неё были какие-то дела: то рецензировала, то своё что-то готовила издавать... Как-то так случилось, что мы с ней постояли в холле у окна на нашем пятом издательском этаже. Месяц был какой-то летний: это мог быть и май, и сентябрь – в Алма-Ате тепло стоит почти полгода. А мы с ней были одеты в лёгкие одеяния. Беседа была не памятная, но настроение, с которым это происходило, можно назвать радужным. От прямого значения слова «радуга»: в нём и праздник цвета, и благодать расположения, и душевное тепло. При этом для неё я была просто новая молодая сотрудница русской редакции, а она для меня – просто посетительница этой редакции.

Всего-то раз я с Тамарой Михайловной пообщалась, но почувствовала её доброжелательность, разглядела её лучезарность. Кажется, так и угасла она покорно и спокойно, заранее почувствовав, когда и как это произойдёт.

Когда мне уже объявили
Диагноз, то бишь, приговор,
Казалось, меня не убили,
Но вынесли тихо во двор...

(Как это мне напоминает Сергея Дрофенко, поэта, который тоже умер молодым:

Август стоял тихий и странный.
Я же просил: без оркестрантов...).

Книги своей она так и не дождалась. Сборник стихов Тамары Мадзигон «Контур счастья» выпускала редактор Вера Галактионова, книга вышла в 1986 году. А стихи о приговоре написаны в 1981 году. Только после смерти Тамары её муж пришёл к нам в редакцию и всем, кто был, в память о ней оставил по новому томику стихов... Без подписи. Как раздают конфеты, чтобы помнить ушедшего...

Не трудно высчитать, что умер Олег Постников через год после моего отъезда из Алма-Аты в 1989-м. А я, помнится, здесь в Воронеже, когда получила весть о его смерти в 1990-м, с грустью его вспоминала, и очень часто его образ возникал в моём воображении. Может, и вправду я его любила: коротко, ярко и высоко?... Огромный метеорит на моём небосклоне: пролетел, прочертил линию светлую, подарил тайну стиха и исчез... И как тут не благодарить его «за наши негулянья под луной»...

Наследие Всеволода Иванова

Работать над «Эдесской святыней» Всеволода Иванова для меня было интересно и познавательно, пришлось много потрудиться. С этой книгой рождается целый ряд ассоциаций и воспоминаний. Это своего рода литературное наследие, оставленное лично мне большим писателем. Хотя он, конечно же, не мог даже предполагать о моём существовании. Опыт моей работы в казахстанском издательстве «Жазушы» дал мне возможность самой это наследие собрать по крупицам; и оно появилось у меня, когда я «по волнам моей памяти» обратилась к этому эпизоду из моей жизни. Книга издана в 1986 году, включает романы «Факир подходит к цирку» и «Эдесская святыня», повесть «Партизаны», рассказы и публицистику. Издание было приурочено к 90-летию со дня рождения писателя.

Томик «очень большого, не прочтённого нами писателя», по словам Виктора Шкловского, появился благодаря усилиям составителя Евсея Львовича Цейтлина. Он приезжал в Алма-Ату из Калининграда. Как человек, далёкий от чувства юмора, долго и нудно пытался что-то объяснять. Присылал открытки, которые я сохранила в своём личном архиве. В одной он пишет:

«От Вас нет никаких весточек. Значит, сборник уже в производстве находится?» – и далее шла просьба начислить ему часть гонорара, а вослед пришло от него письмо, где он сообщает, что уже получил перевод и благодарил меня за хлопоты.

«... У нас нынче тёплое лето. Будете недалеко от Калининграда, приезжайте! Ваш сердечно – Е. Цейтлин. 18.V.85.».

Через год он прислал мне поздравление с Первомаям и написал:

«Знаю, что сборник Вс. Иванова появился; вот и повод сказать Вам сердечное спасибо...».

Он представлял также интересы вдовы автора.

О том, как пламенно любил Всеволод Иванов Казахстан, в предисловии Тамары Владимировны Ивановой упоминается бесконечно много раз, как будто для того, чтобы окончательно убедить в этом тех, от кого зависело внесение этой книги в тематический план для издания. Хотя, в самом деле, Казахстан – его родина. Её предисловие вначале называлось «Сын всего человечества», но тогдашний главный редактор издательства «Жазушы» М. Магауин потребовал изменить его. Иванова не соглашалась с этим. И в этом конфликте я, как редактор, оказалась тем стрелочником, который во всём виноват. В конце концов статью назвали «Сын своей родины».

Книга получилась хорошая, приятно в руки брать. Хотя без происшествий не обошлось. Художники хотели, как обычно, подсунуть очередную халтуру. У меня в производственных записях написано:

«Вс. Иванов сдан в производство с задержкой на 5 дней из-за художников. Затем были переделаны иллюстрации, но и они не соответствовали замыслу книги. Т.[аким] о.[бразом] без иллюстраций сдано в производство. Об этом было собрание у директора в присутствии всей художественной редакции, гл. редактора и меня».

Надо полагать, я «упёрлась рогом», но халтуру не пропустила, хотя по прошествии 20 лет я этот эпизод абсолютно не помню. Но вот запись меня выручила. Я делала пометки о некоторых книгах, наученная горьким опытом. Книг издавалось много, все проблемы быстро забывались, а по результатам отвечал всегда редактор. Я должна была помнить все перипетии, для этого и записи вела.

В своём предисловии Тамара Владимировна Иванова, вдова писателя, рассказывает и о встречах с казахскими писателями во время поездки в Алма-Ату.

«... В Чимкенте встретил Габит Махмудович Мусрепов, выехавший навстречу... [он] охотно удовлетворял наше любопытство, рассказывая как о местах, которые мы проезжали, так и вообще о Казахстане. По приезде нас поместили (из-за жары) не в самом городе, а в доме отдыха Совнаркома Казахской ССР, находившемся в горах на расстоянии километров десяти от Алма-Аты».

Это было в 1936 году. Я так старательно цитирую Т.В. Иванову, чтобы сказать, что тоже впоследствии, в 1986 – спустя полвека, была причастной и к имени Мусрепова через изданную книгу «Черты эпохи», и даже лечилась в том находившемся в горах санатории Совмина. И оба эти эпизода моей жизни случились не без стечения обстоятельств, возникших на работе в издательстве «Жазушы». В лечебницу Совмина я попала на процедуры иглоукалывания с помощью одного из авторов нашего издательства, ответственного партийного

работника. Тогда иглоукалывание было недоступным для большинства лечением, а для меня это было ещё одним шансом избавиться от прилипшей изнуряющей болезни.

О том как я выпускала книгу Мусрепова «Черты эпохи», следует рассказать, так как с этим процессом было связано несколько интересных встреч, и мне дан был запоминающийся урок Памяти моей коллегой, редактором казахской литературы. Я не прониклась тем трепетом и той «святостью», с которыми к Габиту Махмудовичу относились казахи. Когда я закончила работать над рукописью, я хотела все корректурные и сверочные листы вкупе с самим оригиналом – машинописным текстом, предоставляемым автором в издательство (в данном случае был составитель, так как автор не дождался выхода своей книги), попросту отправить в макулатуру, как и все до этого рукописи. Хранить нигде всю ту массу бумаги, использовавшуюся на подготовку книги к выпуску в свет. Но я хорошо помню, как казахский редактор (я мучительно вспоминаю её имя и никак не могу вспомнить), совсем не имеющая отношения к нашей редакции, потребовала сдать все корректуры и машинописный оригинал рукописи в музей, поскольку всем будет очень интересно, как подготавливалась книга Габита Мусрепова для печати. Я удивилась, что эта казашка так радеет за своего писателя-классика. Ни один русский писатель у меня не просил ни корректурных листов, ни исправленных оригиналов. Сошлись на том, что я пригласила уважаемую коллегу из редакции казахской прозы в наш кабинет, и она сама забрала все материалы по Мусрепову.

Я к ней до этого относилась с некоторой осторожностью: именно она позволяла себе на планёрках в кабинете главного редактора издательства говорить по-казахски, когда официальным языком был русский. Естественно, что не все русские сотрудники хорошо понимали её выступления, а я вообще не понимала. Коллеги ей делали замечание, что следует говорить на русском языке, на что она вполне резонно, хотя и с довольно едким сарказмом, заявила по-казахски, что колья мы тут живём, то должны знать и язык. Я только и поняла из её речи с презрением и ударением произнесённое слово «урус» – русские. Я долго считала её ярой националисткой. Но когда она так трепетно отнеслась к книге Габита Мусрепова, выпущенной в редакции русской литературы, я стала относиться к ней с уважением.

Кстати:

Я уже почти отработала этот эпизод, так и не вспомнив имени моей казахской коллеги, но неожиданно нашла в своём архиве письмо, отосланное из Алматы 21.09.88 и адресованное «писательнице Мосиной Е.И.» в Воронеж. Оно было от Абди Омаровича Шынбатырова. Это его небольшой рассказ «Соринка в глазу» был моим единственным опытом работы с подстрочным переводом прозы с казахского на русский. Очевидно, я уехала, не дождавшись документов по Союзу журналистов СССР, членом которого я стала незадолго до отъезда. Мой коллега писал: «... Из Москвы документы не вернулись, как будут, сразу же скажем. Немедленно пришлём Вам, будьте спокойны. Хороших друзей не забывают. Привет передаёт Адия Сексенбаева из нашей редакции...».

Адия – имя так меня мучившее, пока я писала. Оказывается, фамилию я запомнила, но совсем не могла вспомнить такое простое имя: оно у меня ни с каким русским именем не ассоциировалось. А ведь это – Ада.

Я бы не смогла объяснить, отчего казахского классика готовили в производство в нашей редакции. Книга должна была издаваться в переводной, где заведующей была Фарида Жанузакова. Но я делала записи по этой книге в своей рабочей тетради, которые теперь мне очень помогают:

«Я, как редактор, подняла вопрос о том, почему рукопись не в переводной редакции. Магауин сказал, что Мусрепов писал по-русски лучше Мухтара Ауэзова, и если автор не сообщает фамилии переводчиков – это на его совести лежит целиком».

Тут надо себе представлять, что при издании книги гонорар должен был выплачен и автору, и переводчикам, и составителю. Искать переводчиков составитель Нарымбетов отказался, наверное, это было сложно, да и не в его интересах. Но Ф. Жанузакова – заведующая переводной редакцией – сказала, что они ему звонили, чтобы заявить об авторстве, и тот взял на себя смелость утверждать, что все статьи оригинальные. Так эта рукопись попала в нашу редакцию.

Статьи были в основном, что называется, на злобу дня. Блистательного стиля и виртуозного владения русским языком у автора я не отметила, поэтому было неинтересно работать над этим собранием газетных публикаций. Но я уже была старшим редактором, следовательно, этот «подарок к 27 съезду партии» должна была делать я. Казахский академик Каратаев был одним из рецензентов этой книги, но что-то было не так, потому что в моей рабочей тетради записано:

«Рукопись послана на третью рецензию с ведома и разрешения гл. редактора, т.к. рецензия Каратаева нас не удовлетворяет».

Экземпляра столь неинтересной для меня книги у меня не осталось, и теперь я не могу сказать, кто же были остальные рецензенты. Я только предполагаю, что это Ануар Алимжанов и Мурат (сын Мухтара) Ауэзов – светила казахской литературы. По другим поводам они нашу редакцию вряд ли могли посещать.

Мы долго беседовали с Ануаром Алимжановым. Это большой авторитет в казахстанском Союзе писателей. Помню, изумительно красивый и, что особенно для меня ценно, высокоэрудированный, Алимжанов непринуждённо и обстоятельно рассказывал мне о каких-то интересных фактах, не только литературных. Что-то мы с ним надолго заговорились, сидя у нас в редакции за моим столом. Надо было прощаться, но хотелось беседу продолжить.

Когда я уехала из Казахии, то всегда с большим вниманием смотрела по ТВ любые передачи из Алма-Аты, старалась увидеть кого-нибудь знакомого на экране. А увидела в репортажах из Верховного Совета СССР из Москвы Ануара Турлыбековича Алимжанова, он занимал там какой-то пост. Это было ещё в начале перестройки.

Также, за моим рабочим столом, общалась я некоторое время с ещё одним изумительным умницей, сыном Мухтара Ауэзова – с Муратом. Я не помню, по какому поводу и о чём, скорее всего, он что-то брал на рецензирование, возможно, что и рукопись Габита Мусрепова. Но впечатление о нём, как о человеке очень умном и воспитанном, у меня сложилось сразу же.

В моей старой записной книжке на букву «А» записаны оба автора – и Алимжанов, и Ауэзов, и их телефоны в Алма-Ате. В феврале 1989 года в Воронеже я получила письмо из Алма-Аты от Райхан Мусабековой, нашего младшего редактора, с которой у нас сложились добрые отношения. Она мне сообщила много-много интересных новостей, в том числе и эту: «В Союзе [писателей] открылась коллегия по переводу, возглавил её Мурат Ауэзов...». Для меня не было и нет мелочей, если речь идёт о людях, которых я уважаю.

С книгой Иванова «Эдесская святыня» ещё один образ всплывает в памяти. Ещё об одном писателе следует вспомнить, о котором писал Вс. Иванов, и который был «моим»:

«... Тема работ Косенко близка мне как казахстанцу, и в основном все труды мне знакомы».

Спустя многие годы человек, о котором упомянул писатель, принял участие в издании книги «Эдесская святыня», и не рядовое: он был рецензентом этого издания. В то время рецензия авторитетного лица на готовящуюся к выпуску книгу была обязательной, она как бы одновременно открывала зелёную улицу автору и закрывала надёжным щитом издателя от возможных нападков критики и принятия вышестоящим начальством разных мер к нижестоящим исполнителям вследствие такой критики.

Павел Петрович Косенко был очень серьёзным человеком. Когда он приходил в редакцию, то только о делах и об издании книг шёл всегда разговор. Однажды я всё же попыталась его расспросить о родословной: ведь моя девичья фамилия тоже Косенко. Оказалось, что корни у писателя на Полтавщине, а в нашем роду я не помню, чтобы кто-то был оттуда. Село, в котором родился мой отец, Ильинка, находится в Калачеевском районе Воронежской области, даже не на границе с Украиной, хотя говор там особый, хохлацкий: ни русский, ни украинский, а всё вместе. И хотя я не нашла с ним общих родственных корней, от этого не стал он для меня менее интересным писателем. Я выпускала его книгу о Фёдоре Михайловиче Достоевском «Жизнь для жизни», которая значительно расширила мои познания о жизни этого великого писателя.

Бесспорно, Павел Петрович был высокоэрудированный автор, прекрасно знающий свою тему. Под впечатлением работы над этой книгой я залпом прочла воспоминания жены писателя Анны Григорьевны Сниткиной, весьма удачно приобретённые в то время, и долго-долго была увлечена историей жизни и творчеством Достоевского.

Художником книги Косенко был Борис Лучанский, на мой взгляд, один из наиболее серьёзных иллюстраторов, сотрудничавших с нашим издательством. Когда он мне принёс рисунки, то было видно, что он внимательно прочёл рукопись критика и постарался дать свою интерпретацию труда исследователя творчества Достоевского. Это было очень приятно, потому что зачастую художники подходили к оформлению книги очень схематично и весьма посредственно выполняли работы.

Издавая книгу Павла Косенко «Жизнь для жизни», я могла наблюдать, как можно работать над уже известным материалом, в данном случае о биографии Достоевского, чтобы получилась интересная и захватывающая повесть.

Из коллекции:

Думаю, что и Павел Петрович был удовлетворён нашими совместными усилиями. Он оставил мне книгу с дарственной надписью:

«Екатерине Ивановне Мосиной на память об общей работе с чувством симпатии. 22/VII-86».

Как же горько мне было узнать из письма Надежды Георгиевны Поведёнок, присланном мне из Алма-Аты в Воронеж в 1993 году, что Павла Петровича не стало. «Схоронили Павла Косенко. Инсульт. Инфаркт. 19 февраля скончался, быстро, в полчаса».

Я уже не раз отмечала, что в жизни полно знаков, которые нам посылаются свыше, но не все их замечают и хотят замечать. Очень часто мы говорим о простых совпадениях, о случайностях. В моей редакторской работе над книгой Всеволода Иванова я смогла увидеть только малую толику того, что замкнулось на мне, как на исполнителе высшей воли соединить в одну логическую цепочку такие разные писательские и неповторимые человеческие судьбы. И рассмотреть это смогла только через большой временной отрезок.

Продолжение в следующем номере.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

ОГЛЯНИСЬ НЕ В ДОСАДЕ

Ещё раз о том, что такое Целина

Из прошлого – близкого и далёкого

(Продолжение. Начало в № 1 за 2013 г.)

Но как бы то ни было, а экономический результат освоения Целины был более чем нагляден: впервые за исторически короткий срок Казахстан превратился в крупнейший евразийский индустриально-аграрный регион с 40 миллионами гектаров пашни, из которых 25 миллионов занимали зерновые культуры, его ставшее многоотраслевым животноводство насчитывало свыше 40 миллионов овец, 10 миллионов голов крупного рогатого скота.

Целина явилась *катализатором* мощного развития ведущих сфер многоотраслевой промышленности республики, её науки и культуры, строительства, народного образования, здравоохранения, торговли, службы быта, способствовала более интенсивным разработкам целого ряда природозащитных программ – и о чём не писалось в печати – позволила значительно увеличить поставку мяса и мясопродуктов пяти военным округам державы.

Целина в корне изменила архитектурный облик Алма-Аты, Целинограда, всех областных и районных центров республики, дала возможность соорудить в Казахстане множество уникальных объектов самого разного назначения, проложить новые железнодорожные пути и современные автомобильные трассы, сдать в эксплуатацию оборудованные по самому последнему слову техники аэропорты, развить все виды транспорта, коммуникаций и связи, охватить практически всё население Казахстана газификацией населённых пунктов, телевизионной и радиосетью, решительно покончить с таким понятием, как *глубинка*.

На планомерно осваиваемой Целине народилась своя *производственная, научно-техническая, педагогическая, творческая интеллигенция*, резко усилился благотворный процесс взаимного обогащения национальных культур универсальными для любого общества духовными ценностями.

Впервые за всю историю Советского государства и общества именно здесь, на Целине, возник крупный ДиПкорпус из наиболее сметливых, новой формации (**Д**иректоров совхозов (**и**) (**П**редседателей колхозов, окреп многочисленный *аграрный отряд рабочего класса* со своей высокопатриотической *казахстанской психологией*. Проблемная казахстанская публицистика сумела своевременно закрепить эти примечательнейшие явления.

См.: Вениамин Ларин. «ДиПкорпус. Думы о людях села». – «Жазушы», Алма-Ата, 1979, 304 с.

Ещё одним явно неординарным явлением на Целине стали ССО – студенческие строительные отряды. Они формировались как в Казахстане, так и в других союзных республиках на исключительно добровольной основе и вскоре почти полностью вытеснили летучие (и полукриминальные) артели разного рода залётных шабашников, строивших в новых совхозах жильё и производственные помещения за немалую оплату.

Впрочем, есть смысл дать слово одному из тех руководителей-первоцелинников, не кабинетных, а, как говорится, от сохи, – Марку Павловичу Николенко, который возглавлял в Северном Казахстане ставший устойчиво-передовым совхоз «Ждановский». В ту пору никто не помышлял о переименовании этого хозяйства. Сталина уже не было в живых, но главный его идеолог Жданов, тоже давно покойный, по-прежнему и ещё долго оставался в немалом почёте.

Вот что написал Николенко, а республиканский литературно-художественный и общественно-политический журнал «Простор», редактируемый в ту пору Лариным, напечатал:

«Школой жизни стала планета Целина для советского студенчества. А начало этому патриотическому молодёжному движению положил первый отряд из Московского государственного университета, прибывший в совхоз «Ждановский». В 1978 году Всесоюзному студенческому отряду исполнилось двадцать лет. И вот к нам в совхоз, на родину трудовых семестров, приехали те, кто стоял у истоков этой традиции – ветераны первого отряда студентов-физиков МГУ. Среди сорока пяти участников и юбилейного «десанта» – три доктора и двадцать кандидатов наук.

«Ветеран – 20» приехал с обширной строительной программой. Она включала в себя объекты разнохарактерные: ритуальный – жилой дом, индустриальный – зерносклад и уникальный – Сказочный городок. Строительством домов руководил доцент МГУ Валерий Кандидов. Работы здесь велись поточным методом, в обиходе мелькали слова «график», «циклограмма». Сооружением зерносклада командовал немногословный ассистент физфака, кандидат физико-математических наук Александр Невзоров. Поставку материалов контролировал штаб отряда.

В последнее воскресенье июля в гости к ветеранам пожаловал лётчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Геннадий Васильевич Сарафанов. Впрочем, гость тут не совсем точное слово. На утренней торжественной линейке космонавта зачислили в состав отряда, выдали ему форму бойца и инструмент. Вместе с ветеранами Геннадий Васильевич настилал полы в одном из строящихся домов.

А на вечерней линейке была зачитана телеграмма, поступившая с борта космической станции «Салют-6» в адрес отряда. В ней говорилось: «Двадцать лет назад вы были одними из тех, с кого началось патриотическое движение советского студенчества. За эти годы школу третьего трудового семестра прошли миллионы юношей и девушек, ваших последователей. Мы с большим вниманием следим за их работой на важнейших стройках нашей Родины. Особенно дорог нам вклад студенческих отрядов в развитие города Гагарина – родного города первого космонавта на Земле. Вы,

стоящие у истоков этого замечательного дела, можете считать себя пионерами. Пусть не гаснет в ваших сердцах комсомольский задор, студенческий энтузиазм, желание быть всегда впереди!

Космонавты Владимир Ковалёнок, Александр Иванченков».

В канун отъезда были объявлены завершающие трудовые вахты на всех трёх объектах. На улице Студенческой за лето вырос новый квартал из одиннадцати ладных домиков. Наводила последние штрихи и бригада на зерноскладе... В конце августа все жители нашего посёлка собрались возле Сказочного городка. Распахнулись двери, и оттуда на радость ребятам вышли герои сказок – Иванушка, девицы-красавицы, Леший, Баба-яга, пираты и стражники. Иванушка развернул длинный-предлинный свиток и огласил «грамоту», по которой отныне и на века дивный городок «Сказка» передавался в дар юным целинникам Ждановского совхоза.

В подарок школе была передана богатая коллекция минералов, собранная в разных уголках страны, и стенд «Наука о Земле».

Закончилось двадцатое студенческое лето. За время существования «Ждановского» бойцы студенческих строительных отрядов освоили в совхозе миллион двести тысяч рублей. Ими построены два телятника, коровник, зерносклад и шестьдесят пять (!) многоквартирных домов.

У въезда в совхоз, на опушке подрастающей рощи, стоит высокая гранитная глыба. Высеченная на камне надпись гласит: здесь будет возведён обелиск в честь студенческих строительных отрядов. Мне видится тот день, когда на открытие обелиска слетятся сюда молодые орлята со всех концов страны, и сердцу становится тепло от мысли, что Целина помогла расправить им крылья. Жить по уставу ССО – значит всегда помнить о Целине. Но Целина – это не только земля, манящая человека. Целина – это новь Жизни, зовущая к себе умы и сердца. Потому и стала она планетой молодёжи, потому и побраталась с космосом. Открывая для себя свою землю, человек открывает дороги в небо. Быть сопричастным современности – не в этом ли кроется наивысший смысл Жизни?».

См.: М.П. Николенко. «Поле Жизни. Записки целинника». – «Простор», 1984, № 2, с. 34-35.

Стройотряды с их иной нравственно-ценностной ориентацией – не на чистоган и ударную выпивку, а на творческое действие тоже работали не за спасибо, но в подавляющем своём большинстве трудились добросовестно, честно и увлечённо.

Ныне у нас о ССО всё ещё мало вспоминают, тогда как, например, в братской России, Белоруссии, Молдавии их ценный опыт и сейчас не забыт. Не забыт уже хотя бы потому, что, как справедливо замечают (подчеркивают) современные и вдумчивые, но, к сожалению, не казахстанские) аналитики, «в рамках ССО возник ОСВЯЩЁННЫЙ РЫНОК».

«Освящённый» – сиречь официально одобренный на самом высшем уровне – и в ЦК ВЛКСМ, и в ЦК КПСС. И этот рынок, «освобождённый от комсомольской рутины и обязаловки, получив экономическую основу саморазвития, вобрал в себя другие молодёжные увлечения, осыпался идеей товарищества, взаимопомощи, романтикой...».*

См.: Игорь Захаров. «Два мира...» – «Новый Петербургъ». Еженедельное издание. Санкт-Петербург, 2003, 28 мая, с.5. Тираж 50000.

Связь студенческих стройотрядов с Целиной нередко перерастала все сезонные рамки. Она не теряла своей устойчивости и тогда, когда бойцы ССО оканчивали тот или иной свой вуз в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Кишинёве, Одессе, да мало ли ещё где. Иные из них навсегда (по крайней мере, так тогда казалось) связывали свою трудовую судьбу и всю жизнь с Казахстаном, его Целиной.

И надо ли тут без какой-либо предвзятости, всерьёз рассуждать о чуть ли не насильственной ассимиляции и тем более пресловутой русификации целинных пространств, коль на них только по крепкой любви и собственному желанию, скажем, казах женился на молдаванке, немец на казашке, кореец на русской и т.д., но такие и превеликое множество им подобных счастливых и уже нерасторжимых *целинных* браков никоим образом не отменяли ни домбры с кобызом, ни гармонии с мандолиной, ни стихов и песен, мудрых назиданий Абая Кунанбаева, ни поэзии Тараса Шевченко.

Напротив, как раз Казахская Целина стала тем самым благодатным оазисом, который бережно сохранил в своих национальных первоизданиях многое из тюркской, славянской, германской, других культур.

Отрицать это может лишь человек или элементарно несведущий, или же очень злонамеренный.

Активное же участие самого казахского народа в знаменательном, не лишённом крупных диалектических противоречий (и даже извращений!), но в целом позитивном процессе освоения целинных земель не только искренне и дружно приветствовали, но и стремились с психологической углублённостью отобразить (и отображали) в своих разножанровых публикациях видные литераторы Казахстана Сабит Муканов, Габиден Мустафин, Абдильда Тажибаев, Таир Жароков, Дихан Абилов, Халижан Бекхожин, Хамит Ергалиев, Абу Сарсенбаев, Габит Махмудович Мусрепов, Иван Петрович Шухов, Азильхан Нуршаихов, Николай Иванович Анов, Ильяс Есенберлин, Джубан Мулдагалиев, Сырбай Мауленов, Калмукан Исабаев, Леонид Данилович Кривощёков, Абиш Кекильбаев, Сейтжан Омаров, Олжас Омарович Сулейменов, Саин Муратбеков, Владимир Романович Гундарев, Юрий Рудольфович Дубинский (Рощин), Владимир Константинович Ермаченков, Юрий Александрович Плотников, Иван Юрьевич Шахтов, Сатимжан Санбаев, Энгельс Габбасов, Юрий Евгеньевич Ильяшенко, Генрих Яковлевич Кемпф, Фариза Унгарсынова, Дукеш Баимбетов...

В канун 50-летия Целины я обнаружил среди продукции издательства ЦК Компартии Белоруссии две тонкие книжки ныне известного во всём просвещённом мире автора антикультовых романов «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» Юрия Осиповича (Иосифовича) Домбровского. В 1957 и 1958 годах найденные мною книжки были отпечатаны в минской типографии газеты «Во славу Родины» по заказу Главного управления по переселению и организованному набору рабочих при Совете Министров Белорусской ССР, обе тиражом в 15 тысяч экземпляров.

Первая называлась «На целинных землях Казахстана» и была снабжена подзаголовком «Письма и рассказы белорусских переселенцев», у второй подзаголовок не было, но зато само название содержало прямой агитмомент: «Целина зовёт». Обе книжки завершались весьма заманчивой главой «Льготы по переселению в колхозы Казахской ССР», а они были немалыми. Энтузиазм новосёлов партия и правительство подкрепляли полной ликвидацией былых долгов и недоимок, убедительными суммами единовременных денежных пособий, долгосрочными кредитами, освобождением от сельскохозяйственного налога, крупными продовольственными ссудами.

Сие довольно-таки удивительное открытие у меня выпало на 19 декабря 2003 года. Впрочем, подумал я, чему удивляться, если в середине 50-х годов Юрий Осипович, даже получив положенную ему финансовую компенсацию, вынужден был считать каждый рубль. Выручала переводческая работа. Её он вёл под различными псевдонимами. В *титрах* (выпускных данных) первой книги Сабита Муканова «Школа жизни» («Мои мектебы») он проставил не свою фамилию, а не известного нам А. Радченко. Целинную же, ясное дело, заказную литературу можно было обозначить и собственным именем.

А помочь её издать с последующей недурной оплатой за понесённые труды мог бы его давний однокашник Григорий Борисович Эйдинов – лицо в Белоруссии видное, не только номенклатурное, но даже и героическое – в войну Эйдинов был одним из руководителей партизанского движения. Ну а то, что в «Факультете» Домбровский, правда, обратив его из Григория в Георгия, *отоспался* на нём за его довоенные грехи, назвав его точно по фамилии, видимо, отвечало непростой правде суровой жизни и мудрому постулату древних: *«Amicus Plato, sed magis amica (est) veritas»* – «Платон мне друг, но истина дороже» (дословно: «Платон – друг, но истина ещё больший друг»).

Из Кокчетова в журнал «Новый мир» его главному редактору Твардовскому насылал свои талантливые целинные очерки Николай Александрович Верховский, до Великой Отечественной войны редактор вечерней газеты «Социалистическая Алма-Ата», хлебнувший, как и Домбровский, лагерно-ссылного лиха длиной в 17 лет.

Актуальную тему Целины стремились освоить, каждый по-своему, буквально все казахские, русские, украинские, немецкие, корейские, уйгурские, дунганские, чеченские, курдские литераторы Казахстана и среди них даже один голландец – немецкорусскоязычный поэт, литературовед и педагог Иван (Жан) Варкентин – отважный краснофлотец на Балтике, активный участник легендарной обороны героического Ленинграда...

Самое тесное содружество с первоцелинниками связывало творца классической историко-революционной трилогии «Кровь и пот» Абдижамила Каримовича Нурпеисова и одарённого публициста Вениамина Ивановича Ларина, народного писателя Казахстана Дмитрия Фёдоровича Снегина, выдающихся композиторов и музыкантов Казахстана Газизу Ахметовну Жубанову, Шамши Калдаякова, Нургису Тлендиева, Толепбергена Абдрашева, Сыдыка Мухамеджанова, Юрия Васильевича Гусева, мастеров

кисти и резца, станковой и книжной графики Абылхана Кастеева, Канафию Тельжанова, Ивана Егоровича Квачко, Альберта Анатольевича Гурьева, Сабура Абдрасуловича Мамбеева, Евгения Матвеевича Сидоркина, известного ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) поэта Игоря Георгиевича Кравченко и его земляка, видного тележурналиста и композитора Владислава Георгиевича Соловьёва... Тут много хороших имён можно назвать.

А с какой душевной готовностью, самыми добрыми чувствами к древней казахской земле и её трудовым людям прибыли приглашённые на писательский съезд в 1954 году в Алма-Ату Михаил Александрович Шолохов, Леонид Максимович Леонов, Камиль Яшен, Мирзо Турсун-заде, Максим Танк (Евгений Иванович Скурко)...

Ну кого я ещё не упомянул из самых маститых мастеров многонациональной советской культуры, от всей души приветствовавших начало новых огромных перемен на древней земле казахов?

А за началом было многотрудное *продолжение подвига*, которое, когда подвигу исполнилось четверть века, известный таджикский поэт Кутби Киром оценил по правде и достоинству: «Разве такое увидишь в Штатах или Канаде? Не увидишь! Там всяк за себя. И американский космонавт американскому фермеру не будет слать из Космоса приветственные телеграммы. А наш целинник получит от самого Титова Германа или Валентины Терешковой! Хлеб, он для нашего космонавта не просто хлеб, а – Родина! Люди! **ЦЕЛИНА!**».

Я был тем честным словам свидетель, записал их и потом привёл в коллективном сборнике, где проучаствовали вместе с казахстанскими публицистами и поэтами ленинградские, казанские, краснодарские, саратовские, оренбургские, новосибирские, омские, вильнюсские, рижские, минские, ереванские писатели, а также тогдашние генералы от литературы – секретари правления Союза писателей СССР Георгий Мокоевич Марков, Юрий Иванович Суровцев, Анатолий Андреевич Ананьев, Юрий Николаевич Верченко и вместе с ними заместитель генерального секретаря Союза писателей Вьетнама, лауреат премии «Лотос» Ассоциации писателей стран Азии и Африки То Хоай.

Все тогда говорили о необходимости дальнейшего углублённого постижения темы Целины. Мало кто не упомянул *фортиссимо* о свежей *шедевальной* книге Леонида Ильича Брежнева «Целина».

Наш почтенный жерлес-земляк Шерхан Муртазаев нашёл её «замечательным примером постижения великой темы» и оценил как «выдающийся документ нашей эпохи, подлинный университет политической мудрости и высокой гражданственности».

Ещё звонче, ярче и солиднее высказался давний друг казахстанских литераторов, поэт и переводчик Михаил Львов, построивший своё выступление на сплошных аппликациях из текста «Целины», собственных восклицаниях и высокоэмоциональном триедином аккорде: «У автора – великое сердце!

Из книг Леонида Ильича, так же как из его многогранной, неутомимой политической и государственной деятельности, встаёт образ выдающегося партийного руководителя, вождя ленинского типа и продолжателя бессмертного ленинского дела...».

Ну и так далее.

Ташкентский литератор Рахмат Файзи не забыл вспомнить также и о романе кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Шарафа Рашидова «Победители», написанном, как выразился представитель братского узбекского народа, «опытной рукой художника».

См.: «Писатель и Время. Земля. Хлеб. Литература. Всесоюзная творческая конференция «Осуществление аграрной политики КПСС и задачи современной литературы в изображении тружеников советского села, посвящённая 25-летию Целины». – «Жазушы», Алма-Ата, 1980, с. 107, 130, 152, 232.

Однако за шлейфом всей этой медоточивой аллилуйщины нередко звучало отнюдь не дифирамбическое.

Ленинградец Василий Алексеевич Лебедев признавался: «Лично я, как писатель, получил много пищи для раздумий. Меня беспокоит наше Черноземье. Я родился под Калинином (Тверью. – **В.В.**) и страдаю, что у нас дела идут неважно. У нас нет дорог. Здесь я проехал вчера и позавчера шестьсот километров по асфальтированным дорогам. Если часть этих дорог была бы на моей милой родине, я был бы счастлив.

Наверное, мы не должны просто уезжать с чувством какого-то восхищения Целиной. Целина требует не только восхищения, но и помощи. Не дай Бог, чтобы Целина была только кампанией... Было бы хорошо, если бы Ленинград возобновил шефство над Целиной, потому что это шефство прекратилось» (с.247-248).

Однако как простодушен был добрейший Василий Алексеевич, узрев спасительные горизонты дльнейшего упрочения *позитива* на Целине только лишь в возобновлении шефства Ленинграда над ней. Если он имел в виду только лишь один свой совхоз «Ленинградский», который он навестил по зову землячества, то это куда бы ни шло. А на все целинные совхозы и сотни Ленинградов было бы недостаточно. Дело в том, что в своём совхозе «Ленинградский» Лебедев встретил только *двух ленинградцев*. Остальные за четверть века не выдержали испытания Целиной и вернулись поближе к берегам Невы. Это-то его искренне озаботило и удручило, подвигло на призыв о возобновлении шефства.

Старожилы Целины (в отличие от официальной статистики) хорошо знают и помнят: были годы на Целине, когда убывших становилось в несколько раз больше прибывших.

Не вдруг и не сразу целинники стали жить в достатке, получать бесплатные (или за чисто символическую плату) путёвки в санатории, дома отдыха, на лучшие курорты Крыма и заграничные круизы по экзотическим морям и океанам, а для их детей – профсоюзные путёвки в пионерские лагеря (не исключая знаменитого «Артека») – в начале освоения Целины всё ещё имени Вячеслава Михайловича

Молотова), а также в экскурсионные поездки в Москву, Ленинград, Киев, Прибалтику, на Урал, Алтай и даже на Дальний Восток ...

Не вдруг и не сразу в целинных хозяйствах осознали, что их материальное благополучие напрямую зависит от качества труда каждого, от рентабельности всех отраслей, от весомости прибыли.

На отчисления от доходов стали мало-помалу строить, а потом и открывать у себя собственные клубы, дома и дворцы культуры. Если денег на такие объекты не доставало, возводили их методом народной стройки. Депутаты сельского или поселкового Советов созывали сход всех взрослых жителей, где решали, как правило, единогласно, что каждый трудоспособный (а таких всегда было 99, 9 %) отработает на стройке один или два дня в неделю.

Трудились все отменно.

Директора совхозов научились ловко изыскивать средства на объекты так называемого соцкультбыта, торгового и коммунального обслуживания населения, общественного питания и всё остальное, что необходимо живым людям. Нередко по соответствующей потребности документы официально оформлялись и проводились, в том числе и через банк, как на сугубо производственные. Всякий раз это выглядело секретом Полишинеля, но вышестоящие партийно-советские и прочие инстанции одарённо делали вид, что оно так и надо.

В итоге те или иные совхозы вместо нового коровника или овощного склада, в которых уже давно не было никакой нужды, получали приличные, ни в чём не уступающие городским библиотеки, прекрасные детские музыкальные школы, художественные студии, стадионы, спортивные залы, теннисные корты и даже мини-зоопарки.

Зато приобретать пианино, аккордеоны, баяны, другие музыкальные инструменты, физкультурно-спортивное оборудование, а также всяческий инвентарь в подспоре кружковой работы по линии ДОСААФ – Добровольного Общества содействия Армии, Aviации и Флоту – учебно-тренировочное оружие, портативные радиостанции, пособия по авто- и радиodelу, ПВХО (ПротивоВоздушной и Химической Обороне) и т.п. можно было открыто. Тут уже финансовая нагрузка ложилась на профсоюзы, и мало было таких случаев, когда бы они с нею не справлялись.

Появилась надобность содержать при себе духовые оркестры, отбирать пьесы для репертуара создаваемых народных театров, запрашивать на постоянную работу не только врачей, фельдшеров, медицинских сестёр, библиотекарей, но и квалифицированных преподавателей музыки, хореографов, режиссёров, дирижёров...

Много забот на Целине выпадало работникам государственной киносети, в чью обязанность входило обеспечение целинников художественными и документальными фильмами. Сама же киносеть делилась на государственную, профсоюзную, многократно ведомственную, военную и т.д. На первый взгляд, дело вроде бы и не такое уж сложное, а в реальности неимоверно хлопотное, но зато и очень благодарное.

Немало лет посвятил ему мой давний друг, известный российско-казахстанский поэт, переводчик и публицист, геройский подводник КТОФ – Краснознамённого Тихоокеанского флота Александр Иванович Матвеев.

Сегодня многие не знают, что раньше фильмы у нас в шутку делились на три категории – на хорошие, плохие, а ещё на китайские. Плохие целинники освистывали, хорошим аплодировали, а про третью категорию сочиняли анекдоты.

Вне конкурса, несмотря ни на какие идеологические противодействия, воспринимались в целинных клубах, кинотеатрах, дворцах культуры западные боевики, сладкие любовные киноистории. К открытию нового кинотеатра в районном центре Державинска Целиноградской области наши прокатчики припасли сюрприз в виде цветного широкоэкранного, кажется, франко-итальянского фильма под названием «Обнажённая маха». Был он сочно-куртуазным, со множеством соблазнительных кадров, самых аппетитных амурно-альковных сцен.

Право «первой брачной ночи» в Державинске, то бишь первого просмотра «Махи» взяли на себя сам Матвеев, директор кинотеатра Крупанов (все знали, что он тёзка Ленину – Владимир Ильич), заведующий отделом пропаганды и агитации местного райкома партии Разумняк, редактор районной газеты Терец и почётный гость Державинска, майор артиллерии (а точнее – стратегических ракетных войск) Маруняк.

Родная дивизия майора (он там руководил гарнизонным Домом культуры) располагалась со своими баллистическими ракетами СС-20 неподалёку от Державинска, километрах в пяти-шести. Ракеты сверхмощные. С букетом автономно наводящихся на цель боеголовок. В недостижимых для вражеского удара глубоких шахтах. Несколько таких СС-20 способны, как говорили сами военные, гарантированно прекратить существование любого государства мира. Потому-то и по сей день СС-20 западные спецназовцы называют «Сатана». Под столь «нежным» кодовым названием это могучее и практически неодолимое никакими звёздными щитами сверхоружие числится во всех стратегических расчётах НАТО и поныне, внушая их составителям должное уважение.

У державинских ракетчиков было всё своё, гарнизонный Дом культуры «Звёздочка» – тоже свой.

Но фильмы в нём крутили для солдат и офицерских семей только те, которые поступали из Ташкента, где находилась фильмобаза тогдашнего военного округа. Ясное дело, репертуар был строго патриотичен. Никаких тлетворных буржуазных лент не полагалось. Свои же, отечественные, насквозь высоконравственные и героичные, тоже обновлялись с чересчур большими интервалами.

Майору удалось заманить Матвеева на переговоры с самим командиром дивизии. Генерал принял его очень радушно на боевом дежурстве, в своём подземном пункте.

Сказал очень просто: «Войдите в наше положение. Поймите же, Александр Иванович, у нас и женщины есть. Бабы взбунтовались. Одна в райцентре смотрела твою «Маху», обалдела от радости. Всем растрезвонила. А

я сколько раз им буду показывать фильм «Хроника пикирующего бомбардировщика»? Его мои киномеханики уже задом наперёд крутят. Для разнообразия. Самолёт вверх хвостом летает! Представляете?».

Матвеев сослался было на финансовый план и на строгое разграничение: никому фильмокопий не давать, показывать только по государственной киносети.

«Какие разговоры, мил человек! – мгновенно учуяв слабинку, воскликнул главный ракетчик. – Тайну показа мы вам гарантируем, а этот план твой финансовый мигом покроем! Вы только нам свою «Маху» дайте на несколько сеансов».

«Не могу. Права нет. Ну уж, если очень надо, то сделаю вид, что ничего не знаю, а вы договаривайтесь с Владимиром Ильичом Крупановым».

«С Кру-па-но-вым? Надо же! Такой негодяй, пробы негде ставить, а с таким великим именем и отчеством. Да он там у вас скоро пропьёт последнее кресло в кинотеатре», – спокойно вскипел генерал.

К сожалению, всё это про Крупанова было сущей правдой.

Тогда Матвеев спросил: «А конкретно, товарищ генерал, на сколько же сеансов вам нужна «Маха»?»

Комдив ответил мягко и даже вкрадчиво, уже переходя на «ты»: «Э-э, Саша, не могу сказать. Даже тебе – военная тайна. Кинозал у нас типовой. Количество мест известно. Перемножьте на число сеансов, получите точную цифру персонала. Разделите на коэффициент, станет известно число ракет на боевом дежурстве».

«Ну в таком случае, товарищ генерал, оставайтесь со своей «Хроникой пикирующего бомбардировщика», при своих интересах и бабьем бунте», – предложил Матвеев.

В ответ ракетчик грозно показал на большой телефонный аппарат: «Вот возьму да позвоню Николаю Ефимовичу», – и выразительно потянулся к трубке.

Николай Ефимович Кручина, будущий управляющий делами ЦК КПСС, был тогда первым секретарём Целиноградского обкома партии.

«Звоните. Пожалуйста. Мы к Кручине с полным уважением, но ему ничуть не подчиняемся. У нас вопросы репертуарной политики – не в компетенции местных партийных органов».

«Ну будь же человеком, Саша!» – оставив телефонную трубку, взмолился генерал.

Короче, «Обнажённую маху» его ракетчики и сам он с майором Маруняком смотрели, наверное, столько же раз, сколько «Хронику пикирующего бомбардировщика».

Один сеанс сменялся другим, но задом наперёд франко-итальянское изделие уже не крутили.

И все гарнизонные женщины тоже были в восторге.

Когда я сам попадал на Целину, знал, что именно там, а не в Алма-Ате и даже не в Москве можно купить любую *дефицитную* книгу, подписаться на собрание сочинений любого классика, на любую «Всемирку» («Всемирную литературу»), в том числе и детскую.

Конечно, лично у меня и дома с этим особых проблем быть никогда не могло. Но опять-таки, на всё существовал строгий лимит, количественные ограничения, связываться с медоточивым книготоргующим полужульём, как это запросто делали иные из моих коллег по ЦК, я не мог.

И не потому, что был во всём образцово-показательным, таким исполнительным роботом без никаких отклонений от Устава КПСС и Морального кодекса строителя коммунизма. Нет же, таким я не был. Но и в сволочах тоже не ходил, ни под кого не подстраивался, филейных мест никакому начальству никогда не вылизывал.

Толком не знаю, почему это произошло, но сразу же после кончины Сталина хорошую книгу в СССР немедленно возлюбили ещё пуще, чем прежде, все, почти как один. Вместе с людьми, строительными материалами и техникой на Целину хлынула и Книга, превращавшаяся в единственное богатство, которое что-то реально значило. Страсть обладать солидной домашней библиотекой из модного поветрия постепенно превратилась в перманентную эпидемию. Как бы ни были по горло и выше заняты первоцелинники сугубо хозяйственно-экономическими проблемами, а начитаннее их мне редко приходилось встречать людей в других регионах Советского Союза.

Где-где, а уж на Целине библиотечное дело и книжная торговля были отлажены образцово на всех уровнях. Сюда поступала интеллектуальная продукция не только издательств Алма-Аты, Москвы и Ленинграда, но и Киева, Минска, Кишинёва, Риги, Таллина, Барнаула, Омска.

Бесхлопотно можно было подписаться на самые популярные, а оттого и нередко лимитируемые издания – журналы «Работница», «Искусство кино», «Советский экран», «Новый мир», на одно время не распространяемый в армии журнал «Юность», на литературный журнал «Жулдыз» («Звезда»), чей тираж достигал четверти миллиона экземпляров.

Даже импортные журналы – ежемесячная «Америка» и поквартальная «Англия» были на Целине намного доступнее, чем где бы то ни было в СССР.

Правда, и на Целине доводилось мне видеть богато обставленные импортными *мебелями*, с чешскими *хрусталями* в люстрах и на полированных полках обители, где вся мировая литература была представлена «Справочником партийного работника» или «Справочником механизатора».

Доводилось читать старательно заполненные от руки просьбы-уведомления о том, что тому или иному подписчику надлежит явиться туда-то (обозначался адрес) за очередным томом собрания сочинения Голсуорси.

Но как это уведомление выглядело?

А выглядело оно так: «Вам надо получить седьмой том Голоса ОРСа».

Понятно, какой-то далёкий от Целины британский классик Голсуорси был совершенно неведом приглашавшему или приглашавшей, куда роднее вездесущий ОРС – отдел рабочего снабжения, особенно популярный среди железнодорожников тем, что во все, даже самые тяжкие, времена он худо-бедно, но справлялся с обеспечением всех категорий путейцев, прежде всего, продуктами питания.

Однако в огромнейшей массе своей целинники были поистине читающим народом.

Многие из командированных москвичей и ленинградцев, прибыв на Целину, первым делом отправлялись по книжным магазинам, зная, что оттуда не вернуться с пустыми руками. Едва ли не самым распространённым видом почтовой связи из Акмолинска-Целинограда, Петропавловска, Кустаная, Кокчетова, многих районных центров стали книжные посылки и бандероли.

Нередко доводилось быть свидетелем того самого необыкновенного (необычного и необычайного), о чём нигде и никогда не вычитать ни в какой книге и ни в каком журнале. Тогда я вечером брал свой блокнот и записывал по свежим впечатлениям, например, такое – 21 ноября 1966 года, ближе к полуночи, в уже обильно засыпанном первыми снегами селе Успенка Павлодарской области, пометив для начала заголовок «Гектар земли»: «За околицей пуржища сеет. / За околицей – строительство бассейна. И – того, в котором летом плавают. / А зима? / Зима – не это главное. / Валенки у трактористов в глине. / Ветры им наигрывают гимны, / а бульдозеры рычат неласково, / на буграх утюжисто приплясывая. / На объекте только одна смена. / Одна смена – / «Несменяемая», – слышу. / Для людей пурга тут – стенами, / ну а небо – крышей. / Что там Козырев с вселением в квартиру / и с восторгами о «гор.» и «хол.» / И однако ж не кинокартина: / крикая, берёт «чаток» хохол, / смачно разрывает он селёдку / с разговором о больших рублях. / Застывает жгуче водка / у бульдозериста на губах: / даром труд у нас давно не дарят. / Свалены на снег поодаль плиты / на бассейновом гектаре. / Люди днями в поле неумыты. / «Водолазам» на морозе жарко, / эй, на дне – спеши, не отставай-ка! / И в мазуте драные фуфайки. / И морозисты, солёны шутки – / председатель обещает полушубки... / Видели когда ли это чудо? / Снилось вам оно такое / – В Новый год бассейн здесь будет – / тракторист ведёт вполкруг рукою... / Не газетно-трескотливенькие грёзы. / Вышибает дикий ветер слёзы».

Ну чем не ещё одна иллюстрация к феерически-гротескному «Котловану» Андрея Платонова?

И всё же не у Платонова это было, а в целинную явь.

Когда в Москве летом 1980 года проводились Игры XXII-й Олимпиады, с подачи Кунаева почти каждое передовое целинное хозяйство отрядило своего гостя в Первопрестольную. Но отнюдь не директора или секретаря партийной организации, а – лучшего хлебороба, животновода, доярку или дояра.

Димаш Ахмедович на открытие Олимпиады в Лужниках захватил меня с моим напарником Дуйсетаем Бекежановым и управляющим делами ЦК Компартии Казахстана Андреем Григорьевичем Статениным. Командиром экипажа «Ту-134А» был мой давний одноклубник по авиационной молодости Анатолий Андрианов, немало повозивший Кунаева по необъятному небу Казахстанской Целины. Пилот милостью Божьей. Как и все остальные мои одноклубники – Володя Лобовский, Бертыс Саметов, Слава Воронин...

Об этих ребятах Д.А. хорошо знал с моих слов, а Воронину сам лично помог избавиться от неприятностей, связанных с неожиданным и преглупейшим запретом Славе на заграничные выезды. Долг платежом красен. Когда на Димаша Ахмедовича и его ближайшее окружение наехала вся партийно-идеологическая и административная рать Горбачёва – Колбина, их лакейских приспешников, Воронин, рискуя партбилетом (а тогда это означало – и всем остальным), через меня безупречно выполнял все *авиационные* просьбы Д.А. – например, куда, кому и что передать в Первопрестольной: кабина командира «Ил-62»-го вроде бы никем не цензуровалась.

Позже Андрианов был личным пилотом Нурсултана Абишевича Назарбаева, а Воронин выполнял секретное поручение нашего Первого Президента по тайному вывозу из Британии впервые отпечатанных там казахстанских денег взамен рухнувшей в тартарары общесоюзной деревянной валюты, какую в Казахстан из России сбрасывали тоннами...

На пути в Москву из-за исключительно скверной погоды Андрианову пришлось сделать изрядный крюк и посадить наш летак в Пензе, знаменитой тем, что близ неё, в Тарханах дореволюционного Чембарского уезда (после революции ставших селом Лермонтово, а, собственно говоря, зачем? ведь как-то не додумались окрестить Ясную Поляну топонимически ближе к Толстому) прошли ранние годы Михаила Юрьевича Лермонтова, в самой Пензе выпускались неплохие пианино и различные лекарства, дизели и компрессоры, счётные машины, отличные мужские и особенно женские часики, тяжёлые дрянные (дорожные) велосипеды марки ЗиФ (завод имени Фрунзе).

А ещё Пенза (мало) известна тем, что был родом из её прежнего Инсарского уезда Николай Соломонович Мартынов, убийца Лермонтова, а в самой Пензе в одно славное времечко пребывал в обкомовских секретарях незабвенный Константин Устинович Черненко, успешно отсидевшийся в Великую Отечественную войну по самым глубоким тылам на номенклатурных должностях.

В переполненном зале ожидания приличного аэропорта Пензы истомившийся пассажирский люд сразу же узнал Кунаева, которого на мокром лётном поле встретили местные тузы, и стремглав ринулся к нему – кто с радостными возгласами приветствия, а кто и с громкими негодующими кличками типа «Товарищ Кунаев! Уже вторые сутки сидим в этой дыре! Когда, наконец, вылетим?».

Сопровождавшая (разумеется, в штатском) Кунаева чекистская охрана в лице Горяйнова и Красикова успела благополучно вывести Димаша Ахмедовича от довольно крепкого напора жаждущих общения – с первого этажа на крутую мраморную лестницу с надёжными высокими перилами, поднимавшуюся на второй этаж, где тоже было полно таких же измывавшихся авиапассажиров.

Д.А. поднял правую руку на уровень своего высокого плеча.

Все мигом встали как вкопанные и стихли.

А он усмехнулся (вроде как про «дыру» совсем ничего не разобрал) и сравнительно негромко, без напряжения голоса, но так, чтобы слышали

даже самые крайние, попросил посмотреть на небо сквозь огромные, омытые бесконечным дождём стёкла: «Вглядитесь, товарищи! Погода-то, как видите, уже без пяти минут лётная. Так что не надо волноваться. Даю гарантию – все мы сегодня будем там, где нас ждут».

Народ зааплодировал в восторге и возопил на все лады: «Ур-ра Кунаеву! Да здравствует Кунаев! Спа-си-и-бо!».

А уже буквально через четверть часа Пенза стала по очереди давать разрешение на вылет задержанным рейсам. И мы тоже не опоздали в Москву к нужному часу открытия Олимпиады, но всё-таки пришлось поторапливаться. Чуть ли не у самолёта сразу по прибытии в аэропорт Внуково-2 нам выдали уже заранее заготовленные именные (но без фотографий) карточки с персональным номером и 12-ю пунктами, из коих оказались заполненными только 4-е графы: «*фамилия*», «*имя*», «*страна*», «*олимпийские функции*».

Мой персональный номер выглядел внушительно: 033727. В 3-й и 4-й графах значилось соответственно: «СССР» и «*гость*». Сей документ за личной подписью председателя Организационного комитета Игр XXII Олимпиады, заместителя Председателя Совета Министров СССР Новикова, заламинированный в гибкий прозрачный целлулоид, был изготовлен из особой дензнаковской бумаги с массой водяных знаков и олимпийской эмблемой и представлял собою пропуск-вездеход на все мероприятия Олимпиады. Такие же пропуска получили и наши целинники.

Москва, обычно переполненная людьми и автомобилями, на этот раз удивляла нас своей стерильной чистотой и непривычной пустыньностью. Накануне Олимпиады въехать в неё простому смертному стало абсолютно неразрешимой проблемой. Кроме того, столицу основательно не только принарядили, но и старательно почистили, как говорится, по всем швам. Из неё бесшумно было выдворено несколько сотен тысяч временных её жителей в те города и веси, откуда они первоначально появились в Белокаменной.

Те же из москвичей, кто на законных основаниях остался в своём мегаполисе, уверяли, что для них наступил настоящий коммунизм – на прилавках продовольственных магазинов не было разве что птичьего молока, весь многообразный столичный транспорт работал безотказно, широкие улыбки порасцветали везде, где появлялся коренной москвич, откровенно желавший, чтобы Олимпиада длилась в его городе бесконечно.

В торжественные минуты церемониала её открытия сам Д.А. восседал, разумеется, на правительственной трибуне рядом с величественным Брежневым и всем руководством МОКа – Международного Олимпийского Комитета, а нам достались другие места, но тоже неплохие во всех отношениях – на западной зрительской трибуне.

Неподалёку от нас вольготно и радостно расположился со своей командой палестинский лидер – улычиво-губастый Ясир Арафат в своём неизменном головном уборе (в белом с чёрными крапинами, размещёнными в шахматном порядке, полуплатке-полубалахоне, чей шлейф ниспадал на полувоенный костюм зеленовато-жёлтого цвета), но на этот раз без автомата Калашникова.

«Уж очень он похож на кого-то из наших», – тихо подхохотнув, сказал мне Бекежанов.

«На кого?» – удивлённо спросил я.

Дуйсетай секунду-другую подумал и ответил не очень уверенно: «Помоему, на писателя Шухова».

«Ну ты и скажешь! Никакого сходства!» – решительно возразил я и добавил: «Арафат, скорее, на тебя похож. Только, и ты это сам видишь, он гораздо меньше ростом. Но если тебя обрядить в его френч и замотать этим пёстрым балахоном, то можно посылать в Палестину».

«Весьма польщён», – ответил Бекежанов.

Команда же Арафата из молодежавых людей красовалась сугубо цивильными одеждами и среди неё ни одной женщины мы так и не рассмотрели.

В рядах выше и ниже было немало казахстанских целинников. А московская погода выдалась, как на заказ, великолепной. Настроение у всех преобладало праздничное. Дюжие чекисты и курсанты военных училищ, облачённые в лёгкую спортивную форму, талантливо разыгрывали роли старательных разносчиков газированных и негазированных соков и прочих прохладительных напитков. За спинами каждого молодца рюкзачно крепились по два-три объёмистых баллончика, под давлением заряженных безгрешным питием, а к поясам приторочены торбочки с вставленными один в другой пластмассовыми стаканчиками.

Левой рукой добры молодцы ласково вручали каждому желающему по стаканчику, затем нажимали большим пальцем правой на металлическую скобочку автоматического краника, и по изящному тонкому шлангу ароматный напиток устремлялся в ваш стаканчик.

Первым угостился оранжадом сам Ясир Арафат, потом его примеру последовала вся его дружная команда, за нею – и казахстанские целинники, а когда подошёл наш черёд, то направившегося было к нам газировщика перехватил вдруг выросший перед ним, как из-под земли, толстенный Геннадий Терентьевич Дзюба из ЦК КПСС, двумя годами раньше летавший с Кунаевым (я тоже был тогда в составе делегации) в Кореysкую Народно-Демократическую Республику на переговоры с маршалом Ким Ир Сеном и вручение ему (Ким Ир Сёну) ордена Ленина, за которым тот, набивая себе цену, принципиально отказывался прибыть в Москву. Ну если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе.

Дзюба, мастер на все руки (и ноги), держа уже осушенный им лёгкий пластмассовый стаканчик перед собою в огромной клешне, задумчиво выразил неизречённую нами мысль: «На халяву и уксус сладкий. А тут, братцы, не уксус, но, к сожалению, и не коньяк. Подкачал то ли их, то ли наш Оргкомитет...».

На параде каждая делегация шла отдельно, под своим государственным флагом. Кто-то быстрее, кто-то медленнее. Мы аплодировали всем поровну, но когда показались наши казахстанские спортсмены и спортсменки, дружно встали со своих мест и приветствовали их громче громко. Арафат со своей командой тоже тут же присоединился к нам, а про наших знакомых москвичей-цекистов (или цековцев?) и говорить не буду.

Они были готовы отбить себе ладони. Глядя на их бурные старания, я поневоле пожалел их, вспомнив, как в служебной столовой ЦК КПСС за обеденной трапезой они по-человечески не могут поговорить друг с другом – такие у них там бдительно-холодноватые отношения, и, если о чём толкуют, то только о погоде и футболе.

«Вот так, наверное, обедали Мюллер со Штирлицем. А где же наша всеобщая заповедь Морального кодекса строителя коммунизма «Человек человеку – товарищ, друг, брат»?» – простодушно заметил я однажды там своему доброму приятелю из отдела пропаганды ЦК КПСС, в прошлом сотруднику «Правды» Борису Антоновичу Александровскому.

Познакомились мы с ним (и, как говорится, сошлись характерами) в Румынии. Месяца нам вполне хватило, чтобы это знакомство потом перешло в прочное дружество. Подкованный во всех (интеллектуальных) отношениях, много сам поколесивший по миру, Б.А. перед отъездами Кунаева за границу оказывал нам неплохие информационные услуги. А накануне нашего отбытия в Северную Корею ненавязчиво, за рюмкой-другой (третьей с четвёртой) хорошего коньяку и чашкой крепкого чаю в резиденции Д.А. на Чистых Прудах одарил прямо-таки бесценными рекомендациями. Д.А. всегда относился к нему с большой симпатией, спрашивал – может быть, чем надо ему помочь.

Худющий и жилистый Александровский, втягивая в себя крепкий табачный дым, отвечал: «Спасибо! Мне ничего не надо. У меня всё есть».

Да, у него всё было – умная жена-африкановед, роскошная квартира в элитном доме среди соснового бора, свой автомобиль и т.д. Но для меня он честно договаривал: «Есть всё, кроме друзей».

Вот и тогда в сказочной столовой ЦК он задумчиво поисследовал мельхиоровой вилочкой выпукло-скользковатые грибочки в маринаде и тихо, чтобы не слышали соседи, пообещал: «Давай дообедаем, а потом я тебе объясню».

И объяснил-таки, сказал на свежем московском воздухе, под несмолкаемый шорох автомобильных шин возле гранитного входа в станцию метро «Площадь Ногина»: «Знаешь, ты угадал. Многим тут нашим рабочим сугубо всё равно. Но всё же они охотно служили бы Мюллерами. Потому что Штирлицами быть намного сложнее и труднее».

Однако, право, я отвлёкся, хотя и не очень, ибо попадая в братские объятия могучего цековца Дзюбы, заботливо спрятавшего стаканчик себе в боковой карман, мы с Дуйсетаем всё-таки успели подумать, что казахстанских целинников на нашей трибуне намного меньше, чем чекистов, цекистов, мидовцев и прочего номенклатурного люда.

Но всё-таки вместе с ними в тот яркий олимпийский перводеи́к по прекрасной московской погоде угостился газированным оранжадом и знатный тракторист из целинного совхоза «Ждановский» Василий Калюжный и точно так же, как мы, а быть может, ещё крепче запомнил надолго открытие Олимпиады-80 и всё то, что ему довелось на ней увидеть.

В этом смысле Калюжному и другим приглашённым на Олимпиаду целинникам повезло гораздо больше, чем нам. Побывав только на открытии Олимпиады и не посмотрев ни одного из выступлений спортсменов

(довольствовались телевизионными сообщениями, прямые репортажи смотреть не было времени), Кунаев уже на третьи сутки, успев решить на Старой площади и в Кремле множество дел, вылетел из Алма-Аты на Целину.

... Целина даже в её нескончаемых экономических заботах всегда подтверждала вековую библейскую истину о том, что не хлебом единым жив человек. И в этом смысле меня всегда поражал и восхищал тот неподдельный энтузиазм, с каким на Целине чуть ли не все поголовно предавались художественной самодеятельности.

Кто-то сейчас может не поверить, но тогда её районные смотры нередко продолжались далеко за полночь и оканчивались поутру.

Всякий раз меня это не оставляло равнодушным. И вот однажды, а если говорить точно, то 29 апреля 1967 года я записал в свой блокнот такие строки собственной выделки: «У районного Дома культуры/ Цветники побелели от пыли./ У районного Дома культуры/ стан повозок и автомобилей./ А на сцене так празднично, чисто – / выступают до ночи артисты./ Исчезает манер всяких деланность – /Самодеятельность./ Самодеятельность./ Строки классиков залу читает/ и Твардовского «Даль за далью» завчитальней,/ уже вся седая –/ с выраженьем и новой целинной медалью./ На плечах оренбургская шаль,/ и глядит чтица строго и шало,/ и читает неладно и наново. / А потом вдруг сверкают кинжалами/ удалыцы-храбрецы Бек-Аслановы./ Пляшут братья и в танце кружат. / Братья воздух кинжалами рубят./ Надрывается красный бубен. / Ну а вот – под домбровую песню/ самоделка отменно-чудесная –/хохот в зале – /эх, нитка к струнам!/ На жури публика очень зла:/ не повторен,/ да-да не повторен/ танец горного козла. / А козёл этот вырезан чинно/ в поле ножиком перочинным/ у комбайна в жару –/ не на пляже,/ а сейчас вот под музыку пляшет. / Ор-теке! /Ты придуман недаром. / И хотите ль того – не хотите, / валит в зал до утра/ истый зритель./ Пуст сегодня совсем вытрезвитель./ В танце мчится учитель-таджик./ И под старость удал он и весел. / Как мелькают стремительно ножки!/ Только выпил совсем он немножко./ И ему выбивают внучата/ в такт,/ на обычных дюралевых ложках/ «Светит месяц»./ Ну а месяц взаправду светел./ В зале дверь поснимали с петель:/ в зале всем, всем становится жарко.../ Только вот – Комарова жалко».

«Комарова жалко», – сказано было не для рифмы.

Перед самым рассветом по всему залу большого районного Дома культуры, плотно забитому всю ночь не сомкнувшими глаз восторженными зрителями, нервически прошелестел шепоток, от которого сразу же смертельно бледнели лица, а на душе становилось траурно и тошно: *«Погиб космонавт Комаров»*.

И это было не чьей-то злодейской шуткой, а правдой. Героя Советского Союза, полковника-инженера, лётчика-космонавта СССР Владимира Михайловича Комарова, совершившего в качестве командира космического корабля «Восход» в октябре 1964 года исключительно успешный полёт, уже при завершении его второго полёта гибельно подвёл новый космический корабль «Союз-1».

Это я уже позже узнал, как, будучи в полном сознании, мужественно вёл себя Комаров перед страшным ликом своей неземной гибели. А тогда был только тихий многократный шелест по залу: «Погиб... Погиб... Погиб...».

А затем – чьи-то сдвоенные рыдания.

Комарову было всего 40 лет.

Но даже скорбная весть не остановила тогда заключительного концерта. Когда она была воспринята каждым, все поднялись, и зал тягостно молчал несколько минут.

А потом жюри, посоветовавшись, решило всё-таки продолжить.

Верно говорят: свято место пусто не бывает.

И на место погибшего Комарова вскоре заступили новые космонавты, и тот же совхоз «Ленинградский» Ленинградского района Кокчетавской области не прогорел, не сгинул с кона целинной экономики. Как не прогорели и остальные хозяйства с громкими названиями их первоучредителей.

Места выбывших по самым разным причинам и поводам людей заменили другие – люди с тем самым характером, о котором уже было сказано. И в большинстве своём эти люди оказывались *казахстанского* корня – русские, украинцы, немцы, белорусы, представители многих других народов, породнившиеся навсегда с исконным хозяином этой древней земли – казахским народом.

И здесь, право, совсем не грех привести отданные нами же нашему уважаемому и дорогому Леониду Ильичу Брежневу, охотно им присвоенные (второе поколение советских госпартвождей было в отличие от Ленина, Троцкого, Луначарского, Бухарина, Кирова, Сталина на редкость интеллектуально беспомощным, почти поголовно жило заёмным умом) справедливые слова о том, что *«казахский народ оказался на высоте Истории и, понимая потребности всей страны, проявил свои революционные, интернационалистские черты»*.

См.: Д.А. Кунаев. «Бесценные уроки «Целины». – В сб.: «Продолжение подвига». – Политиздат, Москва, 1979, с. 16.

Вот почему яркое солнце Казахстанской Целины во всей нашей новейшей Истории для многих честных трудовых людей стало воистину животворным и незакатным.

Глазами Маркова и Бельгера

НО БЫЛА и другая, отнюдь не парадно-сиятельная сторона *целинной* медали.

Эта сторона в своей, к счастью, невозвратной ретроспективе полна картин и фактов жутких и омерзительных, чьи тёмные истоки берут своё начало отнюдь не из времён Хрущёва, Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачёва.

Ещё за четверть века до масштабного освоения земель казахстанороссийский поэт Сергей Николаевич Марков – уже тогда его знали по проблемным выступлениям в «Правде», «Известиях» как серьёзнейшего экономиста, историка, географа, социолога, в Кремле и Скандинавии,

а позже в Белом доме и среди британских учёных – списал с казахстанской реальности рассказ о том, как пришлые устроители *новой жизни* сносят древний курган с захоронением казахского батыра, рушат неподдающийся стальным ломам мазар «самоуверенным аммоналом».

См.: С.Н. Марков. «Нищий в пустыне». – В кн.: «Избранные произведения», т. 2, «Художественная литература», Москва, 1980, с. 450.

Написано это было в 1931 году.

С массовым освоением Целины в середине 50-х годов XX-го столетия лихие акты вандализма в казахстанских степях повторились.

И что же?

А вот что.

К великому стыду, не сыскалось у нас новых Марковых, а старые или же полегли на полях сражений Великой Отечественной, или же были до смерти перепуганы гибельными вывертами довоенных внутривластных разборок, позорными экзекуциями послевоенной ждановщины.

Короче, ни один внятный голос не восстал против столь беспардонного святотатства, давшего идеологическим оппонентам с Запада и Востока новые козыри для раздувания клеветнического мифа о *русском советском колониализме* и утверждений о методичной ликвидации Кремлём едва ли не всего национально-самобытного в Казахстане и в тех республиках СССР, которые наиболее активно проучаствовали в стартовом периоде Целинной Эпопеи.

Весьма примечательно, что уже тогда Прибалтику и Закавказье будущие союзники, покровители и опекуны Горбачёва, Ельцина, Яковлева, Волкогонова *et cetera* почти не трогали, а если и обращались к этим регионам, то выделяли их в особый разряд, без отождествления с остальными:

«Такие ли уж советские республики – Армения и Грузия?» – риторически вопрошал один из пытливых североамериканских исследователей 70-х годов прошлого века в самом заголовке своей публикации.

У нас же все тогда сделали вид привычный и давно известный: этого нет, быть не может потому, как не может быть. Ключевые идеологические позиции (как позже весь СССР) в так называемой *контрпропаганде* сдавались без всякого боя, под установкой, довольно ясно (и абсурдно) сформулированной главными хранителями твердынь и устоев *творчески развиваемого* марксизма-ленинизма: крайне желательно не упоминать персонально идеологических противников, поскольку каждое такое наше конкретное упоминание о них влечёт активное финансовое поощрение антисоветских центров, резкое увеличение их количества.

Столь позорная капитуляция готовилась исподволь, уже при геройском *малоземельце* Брежневе и знаменитом его предшественнике, когда все взхлёт (тут уж никаких сдерживающих начал, все тормоза были отпущены) пели осанну великому подвигу *покорения* новых земель.

Все увлечённо и тысячеустно надрывали глотки, доказывая друг другу (точнее, один другому), что этот небывалый подвиг свершён по мудрой инициативе и под руководством – сначала чуть ли не десять лет подряд утверждали: нашего славного Первоцелинника, дорогого Никиты Сергеевича Хрущёва.

Вот как об этом глаголил сам Брежнев 4 февраля 1955 года на сессии Верховного Совета СССР: «Огромное значение имел приезд в мае прошлого года в Казахстан Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Никиты Сергеевича Хрущёва, который подробно ознакомился с вопросами освоения целинных и залежных земель, строительством новых совхозов и помог нам правильно решить коренные вопросы сельского хозяйства республики».

Так и говорил Леонид Ильич: *приехал, помог нам правильно решить коренные вопросы*. Ну не Хрущёв, а сам Господь Бог! Но ради красного словца не пожалеешь и отца. Однако *отец* после октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 года – года 10-летия Целины – был изгнан на подмосковную дачу, колхоз имени Хрущёва в Восточном Казахстане сдал свою официальную печать, её вместе с портретами Никиты Сергеевича уничтожили по акту и нарезали новую, уже без фамилии Хрущёва, а портреты тоже вывесили новые.

Свергнутого Хрущёва решительно повычёркивали отовсюду, откуда только можно было вычеркнуть, и в до неприличия аллилуйские святцы дружно взнесли не менее дорогого Леонида Ильича Брежнева, бывшего с 1954 по 1956 год сначала вторым, а – *после срочного перемещения Хрущёвым Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко в заграничные дали* – и первым секретарём ЦК партийной организации Казахстана.

Незадолго до интенсивного освоения Целины из *всех* мест, не столь удалённых, по иницизированной с ходу же вслед за кончиной Сталина Маленковым и поныне печально знаменитой амнистии *разом* выпустили великое множество заключённых. Если т.н. *политики* (т.е. отбывавшие срок по множеству пунктов пресловутой статьи 58-й Уголовного кодекса РСФСР и ей соответствующих статей УК других союзных республик) сразу же предпочли позитивную социальную включённость в жизнь государства и общества, в том числе и в целинную новь, то *уголовники* в своём подавляющем большинстве принялись за старое. Кражи со взломом, разбойные нападения, грабежи, убийства захлестнули страну.

Почти вся эта ублюдочная шваль тоже оказалась на Целине.

Вот как это запомнилось известному казахстанскому литератору и общественному деятелю, лауреату Президентской премии мира и духовного согласия, кавалеру ордена «Парасат» (№ 1) Герольду Карловичу Бельгеру. В ту пору ему уже было 20 лет: «Толпы неведомых башибузуков, словно несметные Мамаевы полчища обрушились на аул... Многолетние запасы «тройного одеколона» в селпо были иссушены в один день. На другой день исчезли залежи дешёвой пудры. Её пили, разбавив водой... Домашних гусей стреляли вместо диких. Рыбу в Ишиме глушили динамитом. Разведённых отцом карасей в котловане вычерпали бреднями за пару дней. Отца, заведующего фельдшерско-акушерским пунктом, буяны ловили на улице: «Эй, недобитый фриц! Спирт давай, если жить хочешь!». Почтенных аксакалов аула называли не иначе, как кривоногими бабаями... Всё вокруг было истоптано, искорежено, опоганено...».

Да что там далёкий аул!

Продолжение в следующем номере.

Илья ШУХОВ

Заметки без назиданий

Жанр коротких, не связанных общим сюжетом этюдов давно уже утвердился в нашей отечественной словесности. Не знаю, были ли до того прецеденты, но для меня этот жанр впервые открылся в чудесной, на мой взгляд, книге Владимира Солоухина «Камешки на ладони».

После одни за другими стали появляться подобные, в смысле композиции, произведения, представляющие собой набор разнотемных литературных миниатюр. Их названия говорят сами за себя: те же «Камешки...», «Мгновения», «Затеси»...

В урочный час, как перед каждым пишущим, возник передо мной не такой простой вопрос – о названии. И тут я подумал, что большинство моих записей так или иначе касаются книг, стихов – словом, литературы, в частности, личности и творчества моего отца Ивана Петровича Шухова. В рассуждении сказанного, можно было бы озаглавить рукопись: «Вокруг да около, или Моё Ивангелие». Однако это звучало бы не по-шуховски – вычурно и претенциозно. И потому решил назвать просто: «Заметки без назиданий».

В жизни случаются порою совершенно анекдотические истории. Например, такая. Один знакомый шофёр служит в компании, которая занимается продажей подержанных иномарок. За ними надо регулярно выезжать на специальном трейлере в многотысячекилометровые рейсы – то в Польшу, то в Германию. И на границах приходится постоянно иметь дело с таможенниками. Знакомый – парень весёлый, разбитной, знаток бесчисленного количества анекдотов, угощать которыми готов всех и каждого.

Таможенники же – люди в большинстве хмуроватые, малоулыбчивые. Но наш балагур своими байками сумел даже их рассмешить до упада. Пока он, переехав границу, выполнял свою погрузочную миссию, те блюстители закона, кого он так развеселил, рассказали про него своим сменщикам. И вот когда, возвращаясь, краснобай снова оказался у того самого поста, застал уже свежих потенциальных слушателей. Они, узнав его по словесному портрету, сами предложили весельчаку потешить и их каким-нибудь анекдотом. И он – рад стараться – рассказал, не моргнув глазом, такую притчу. «Подъезжают к таможне Медведь, Лиса и Осёл. А документов-то ни у кого из них нету. Как же, думают, быть? В надежде уладить дело первым отправился на переговоры Медведь. Через некоторое время возвращается грустный: ничего не вышло. Тогда решили – может, получится у Лисы: хитрая всё-таки. Принялась она охмурять таможенников – и снова бестолку. Настала, наконец, очередь Осла. Тот пошёл. А вскоре приходит и говорит: порядок, мол, поехали. Медведь с Лисой удивились:

– Как это тебе удалось?

– Да просто, – сказал Осёл. – Там ведь все – свои!»

Вот что слышали от нашего балагура слегка опешившие стражи. Юмора они, как говорится, не поняли и в отместку продержали незадачливого анекдотчика на границе ещё целые сутки.

Такой вышел анекдот – нарочно не придумаешь!

Авторы «Золотого телёнка» и «Двенадцати стульев» Илья Ильф и Евгений Петров были большие мастера давать своим персонажам смешные, говорящие

фамилии. Традиция в литературе давняя, но Ильф с Петровым развили её и внесли свои свежие краски. Особенно удавались им усиливавшие сатирический эффект контрастные имена. Наглядный пример: Ухудшанский и Улучшанский. Есть и ещё немало подобных.

Но как бы ни были богаты на выдумку сатирики, жизнь всё-таки изобретательнее и богаче.

В российском парламенте – Государственной Думе – есть депутат Хорошавин. А в казахстанском – мажилисе – один из депутатов носит как бы противоположную фамилию – Нехорошев.

Тут вовсе не надо фантазировать – просто бери готовое.

Люблю писателя Владимира Солоухина. Прочитал вышедший ещё при его жизни четырёхтомник и напечатанные уже посмертно в журнале «Юность» изумительные «Ненаписанные рассказы». И когда он скончался, я посвятил его памяти небольшое стихотворение:

Жил писатель. Писал про лесочки,
Про тропинки в лугах да росу.
И ушёл... Его тихие строчки
С благодарностью в сердце несу.
Среди глупого радиозвона
И бесцветных газетных словес
Эти строчки – глоточек озона,
Русской речи пленительной срез.
Опостытели шоу и скетчи,
Трёп пустой говорящих голов.
Душу эхо негромкое лечит
Солоухинских медленных слов.

Авскоре после этого в давнем номере журнала «Советский Казахстан» – за 1954 год – я неожиданно встретил стихотворение Солоухина «Люблю разжечь костёр огромный», которого нет в его Собрании сочинений.

Спасибо вам, о мать моя,
Меня родившая для жизни,
И партия, которой я
Обязан жизнью всей отчизны!

Это концовка, и две предшествующие строфы – в таком же духе.

То были первые пробы поэтического пера в раннюю пору творчества. Было – и прошло. Большому таланту простительно.

Есть такие шуточные примеры переиначивания книжных названий: «Медный задник», «Капитанская бочка» и – хлеще того – «Бахчисарайская канализация». Но всё это – просто казус, пародия. Хотя ...У меня накопился целый список переиначенных названий книг моего отца, изданных и в последнее время, и ранее.

По абсурдности они, пожалуй, перекроют те анекдотические. Так, в разных библиографических указателях встретились такие искажённые наименования: «Степные ночи Америки», «Горькая лилия» и даже «Пресноводные страницы»! Первое из них представляет собой гибрид из двух книг – «Степные будни» и «Дни и ночи Америки». А за двумя следующими скрываются роман «Горькая линия» и повести «Пресновские страницы». Попадались ещё и «станции» вместо «страницы». Наверняка есть и другие искажения: всех справочников не пересмотришь...

Было это в начале девяностых. Тогда в весьма почтенном, без малого столетнем возрасте скончался старейший писатель-натуралист Максим Дмитриевич Зверев. Жил он в своём доме на улице Грушовой – в тихом районе за рекой Алматинкой. Спустя полгода городские власти решили переименовать Грушовую в улицу имени Максима Зверева.

Работал я в ту пору в журнале «Простор», и редактор поручил мне побывать на церемонии переименования.

В назначенное время на перекрёстке возле зверевского особняка собралась немалочисленная компания: родственники, соседи, литераторы, репортёры газет, радио и телевидения. Ждали представителя городской администрации. Вот из подъехавшей иномарки вышел молодой чиновник с папкой. Ему тут же поднесли микрофон, и он, оглядев образовавших замкнутое кольцо слушателей, стал читать заготовленную речь. Оратор воздал должное почившему, отметил его «вклад в духовное воспитание детей и юношества, привитие им любви к родной природе». И – в конце под аплодисменты огласил постановление о переименовании.

А день – попутно сказать – после запоздалых весенних заморозков выдался солнечный, тёплый, и, радуясь этому, местные мальчишки и собаки затеяли позади людского кольца весёлую кутерьму.

Между тем слово взял сын писателя – биолог, кандидат наук. Перед телекамерами стал говорить, что свою профессию выбрал благодаря отцу, который и словом, и личным примером, и, конечно, собственными книгами с детства учил его, а затем и своих внуков и правнуков любить всё живое, заботиться о братьях наших меньших...

Только прозвучали эти слова, как в центр кольца прошмыгнула маленькая шустрая собачонка. И тут вдруг радетьель братьев меньших пнул собачонку так, что она с визгом вылетела наружу! А сам, не моргнув глазом, продолжал говорить об огромном воспитательном значении зверевского научного и литературно-художественного наследия...

Из интервью Евгения Евтушенко. «Начав пить водку в 16 лет, я бросил это дело в 19, поняв, что она убивает память – главное в писателе после совести».

Оригинальное суждение для творческой личности! А я-то продолжаю по старинке думать, что главное для писателя – это всё-таки талант.

Удивительные переключки и совпадения встречаются порой в литературе.

Из отцовского письма, посланного мне из Пресновки 25 ноября 1949 года: «У нас теперь настоящая зима. Сугробы в саду. Метели. Зайчишки к нам бегают в сад вечерами... Волков тоже много. На днях мне рассказывали, что в соседнем селе Казанском волки забрались ночью к одному старику и задушили двух овец, а трёх увели живыми. Водят они овец так: берут зубами за ухо, а хвостом понуждают, и овечки попарно рысцой бегут туда, куда их ведут звери. Вот какие хитрые и умные эти хищники!».

А теперь из статьи Василия Пескова «Глухие места» в «Комсомольской правде» 28 сентября 2001 года: «У нас в деревне порешили волки тройку телят на привязи, потом собак одну за другой стали из дворов уносить. До смешного дошло – прихватил белым днём волчище свинью. Не зарезал. Понимает: не унести. Подивитесь уму зверюги: зубами схватил свинью за ухо, а хвостом подгоняет к лесу. Шумом-гамом отбили».

Однажды корреспондент беседовал с писателем Михаилом Тарковским и спросил, не возникает ли у него комплексов? Ясно же, мол, что и его отец, знаменитый поэт Арсений Александрович, и не менее знаменитый брат, кинорежиссёр Андрей Арсеньевич – выдающиеся художники, и дотянуться до них нелегко.

– А не надо ни до кого дотягиваться, – ответил собеседник. – Есть же у Арсения Тарковского стихи:

Загородил полнеба гений,
Не по тебе его ступени,
Но даже под его стопой
Ты должен стать самим собой.

И этим всё сказано. В жизни всегда найдутся люди, которые тебя в чём-то превосходят. Что же теперь: крест на себе поставить? Стреляться? Это надо уж очень большим самолюбием обладать, чтобы принадлежность к знаменитой фамилии мешала жить и делать своё дело.

Прочитал я эту беседу и вспомнил, что моему отцу особенно нравилась одна дневниковая запись Ивана Алексеевича Бунина. В пересказе она звучит так: бывают собаки большие и маленькие, но маленькие собаки не должны смущаться существованием больших – каждая должна лаять тем голосом, какой дал ей Господь.

Один знакомый многопишущий литератор, привыкший работать с компьютером, стал пенять мне за мою приверженность ручке да пишущей машинке. Как, дескать, можно в наш-то век. Но вот поэт Игорь Шкляревский, мой ровесник, сказал: «Пишу только ручкой. Я принадлежу к поколению читателей книг, а сегодня те же стихи люди читают с монитора». И добавил снайперски точно: «Стихотворение в компьютере – это поцелуй через стекло».

Правда, слов нет, с помощью компьютеров-принтеров сподручней наладить конвейерное производство «текстов». Взять того же многотомного «Гарри Поттера». Трудно представить, чтобы его авторша смогла в считанные месяцы написать ручкой или отпечатать на машинке такую невообразимую гору популярного чтения.

Или вот – наши писательницы – Донцова, Дашкова, Маринина, только и успевающие выпускать один за другим тома детективов.

Иной вопрос – долгая ли жизнь уготована их творениям. Придут другие времена – взойдут другие имена. А те, в свою очередь, сменят новые.

Не так с настоящей Литературой. Она – продукция несерийная, штучная. Сколько примеров, когда выдержавшая испытание временем книга была единственным детищем писателя, главным творением всей его жизни. «Хижина дяди Тома», скажем. «Овод». «Детство Тёмы»...

В числе таких «вечных» литературных созданий – и роман французского писателя Гектора Мало «Без семьи». Эта книга, трогаящая сердца уже стольких поколений читателей, прославила имя автора, хотя оно, это имя, в пантеоне французской литературы и не числится в первом ряду самых знаменитых классиков. И когда та нестареющая книга писалась – ох, как далеко было ещё до нашей компьютеризованной эпохи!

Есть у меня такой полушутливый экспромт:

Жил да был француз Мало.
Написал он мало.
Но зато его стило
На века писало.

А у нынешних Мало
Не стило – компьютер.
Гонят сразу набело
Однодневки: фьють – и...

В книжном магазине, на стеллаже с продукцией российских издательств бросился в глаза том, на обложке которого значилось: Илья Ильф. Записные книжки. Первое полное издание.

Илья Ильф... В памяти ожили слова из довоенного, тридцать восьмого года, отцовского письма. И я приобрёл эту солидную, шестисотстраничную книгу.

А то письмо было адресовано моей матери. И в нём есть такие строки: «Непременно прочти записки Ильфа, и ты увидишь за этими отрывочными, бесвязными фразами настоящего писателя, обаятельного человека, в котором много светлого ума, иронии и человеческой грусти».

Том составила дочь писателя А.И. Ильф. Работу она проделала очень трудоёмкую. Шутка ли – собрать воедино бесчисленные, разнородные записи, расположить строго в хронологическом порядке и чуть ли не каждую снабдить комментарием!

Но вот стал читать и вскоре почувствовал, что начинаю вязнуть в пёстрой мешанине отдельных слов, названий, фамилий, дат, цифр и тому подобного. Было досадно, что умные, тонкие, талантливые наблюдения терялись среди записей, имевших для Ильфа всего лишь прикладное значение. Они делались писателем для себя и не были предназначены для печати. Да и сама Александра Ильинична пишет, что во всех предшествующих изданиях «Записных книжек» редакторы стремились отобрать самое лучшее. Ей же, дочери, хочется полной публикацией очертить круг жизни отца, круг друзей и коллег, круг интересов, круг чтения.

С одной стороны, такое желание понятно. А с другой – может, всё-таки правы и редакторы? Вот и мой отец читал ильфовские записи по одной из первых публикаций. А так же ли одобрительно воспринял бы он это нынешнее полное издание?

Вопрос взволновал меня потому, что в своё время мне тоже выпало составлять и комментировать отцовское пятитомное Собрание сочинений. В нём есть небольшой раздел под созвучным ильфовскому названием «Записная книжка». Обнаружил я эту машинописную книжку в домашнем архиве. Она помечена 1941-1942-м годами, а Ильфа Иван Петрович читал в тридцать восьмом. Так что вполне можно предположить, что понравившиеся ему записки побудили и его заносить на бумагу отдельные колоритные слова, реплики, краткие диалоги и зарисовки.

В ту пору отец начал работу над новым романом «Метель», и кое-какие «заготовки» из «Записной книжки» ему пригодились. Это были именно творческие, писательские записи. Встречаются среди них и настоящие, законченные художественные новеллы.

Например, такая.

«Багровый от водки парень с красивыми и неумными глазами рассказывал в ресторане своим друзьям:

– Я книг его не читал. Но писатель он замечательный. Как-то с похмелья попался мне под руку один его роман, и мне очень понравилась сцена с пьяным Пикулиным. Помните, как он гладил ладонями мутную четвертную бутылку с самогонкой? Очень это здорово у него написано. Я даже наизусть запомнил.

И тут же прочитал наизусть целую страницу.

Прислушался, действительно хорошо.

А позднее вспомнил, что это из моей книги».

И всё-таки для отдельной, самостоятельной публикации отцовские записи, подобно записям Ильфа, не предназначались. Но вот – посмертное Собрание сочинений... Как же быть? И я решился их включить.

Кто знает, одобрил бы отец такое решение. Об этом приходится только гадать...

Может, ломлюсь в открытую дверь, но ни разу не встречал одного любопытного наблюдения.

Хорошо известно последнее стихотворение Сергея Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Оно давно уже стало хрестоматийным. Как вообще большинство его лирических стихов. А вот о творчестве другого русского поэта Павла Васильева знают пока гораздо меньше. Со дня его гибели прошло уже больше семидесяти лет. Но только недавно было найдено одно стихотворение, которое он написал незадолго до своей трагической кончины. Вот его начало:

Снегири взлетают, красногруды.

Скоро ль, скоро на беду мою

Я увижу волчьи изумруды

В нелюдимом северном краю.

Так вот – любопытно: и то, и другое прощальные стихотворения написаны одинаковым размером и имеют одинаковую систему рифмовки.

Случайна эта переключка или нет – с уверенностью никто сказать не сможет. Но, мне кажется, стоит обратить на это внимание как на интересный литературный факт.

Позвонила из Пресновки дальняя родственница, всю свою жизнь прожившая в станице, и рассказала, как прошли там очередные Шуховские чтения.

Рассказ старой станичницы надо было бы слушать: в письменном переложении он заметно теряет свой речевой колорит. Всё же попытаюсь воспроизвести его как можно ближе к «оригиналу».

Вот что я услышал:

– Ты, Илюша, не беспокойся: всё хорошо получилось. Возле дома МИТИНОК был. Народу много. Акимы с районов приехали, речи говорили. С Петропавловска тоже, кажися, были, а точно не знаю, не скажу. Потом артисты свои и приезжие выступали – ну, это, как её? – самодеятельность: казаки пели, плясали. Директорша чаем угошшала. Так что всё хорошо.

Только я, правда, хотела пораньше прийти, а получилось – прихожу, а митинок уже начали. Тыфу ты, думаю, неправильно мне сказали. Слух был, будто в пять начало, а так-то людям никто ничего не объявлял. Так многие-то про митинок и вовсе не слышали. А так – не беспокойся, всё хорошо: и про Иван Петровича сказали, из книжек прочитали, и спели-сплясали. И угостились.

Потом казаки молодые с девками стали было в доме-то шарашиться. Так директорша их отседа выгнала и заперла дом на замок: идите, говорит, вон в саду места много.

Так что, Илюша, хорошо всё прошло – помянули как следует нашего Иван Петровича!..

Удивительно: какие «перлы» встречаются порой у русских классиков!

Например, у Достоевского в романе «Подросток»: «В комнате, даже слишком небольшой, было человек семь, а с дамами человек десять». Казалось, почему бы

прямо не сказать: было человек десять? Нечто дамы – не люди? Или – в «Записках из Мёртвого дома»: «Я не ошибусь, если скажу...». Не оттуда ли – этот неизживаемый словесный штамп?

У Льва Толстого в «Крейцеровой сонате» тоже есть одна по-своему замечательная авторская фраза: «Отъехав с полверсты, мне стало холодно ногам...». Чем хуже пародийной чеховской: «Подъезжая к станции, с меня слетела шляпа».

Не зря есть притча о том, как маститый писатель отзывается об опусе начинающего литератора: «Вы, молодой человек, ещё не так знамениты, чтобы позволить себе писать плохо». В самом деле, это гениям огрехи простительны.

В коллекцию сатирика Михаила Задорнова – объявление в газете: «Симфония выбора любой мебели – от пенсионера до бизнесмена! Доставка бесплатно».

Евгений Евтушенко два года еженедельно печатал в прессе составленную им поэтическую антологию. Постарался включить самых видных русских поэтов и лучшие их стихи. Каждую очередную подборку он сопровождал собственными стихотворными эпиграфами. И рядом с классическими шедеврами они по большей части явно проигрывают, будучи искусственно подлаженными под тему и газетный формат. Хотя известно: заданность, рациональный расчёт настоящей поэзии совершенно противопоказаны. Видимо, почувствовав это, составитель в двух случаях не отважился соперничать с гениями: оставил без своих рифмованных комментариев публикации о Пушкине и Лермонтове. Но потом, не удержавшись, «отыгрался» на знаменитом авторе поэмы «Василий Тёркин»: вмонтировал в статью о нём свою «Балладу о Твардовском». И опять-таки – к творческим достижениям сие произведение никак не причислишь.

Маясь зубной болью, сидел в очереди напротив кабинета стоматолога. И – на стене красовался фирменный «слоган»: «Здоровые зубы – к 2000 году!».

А на дворе был год – 1997-й...

Поразила одна краткая информация в газете «Аргументы и факты». «В Челябинскую область приедут на экскурсию российские послы из 11 стран – в том числе Новой Зеландии, Казахстана, Конго, Панамы, Габона. Подобные поездки организует МИД, чтобы в своих экзотических странах послы не забывали Родину».

Как сказал бы отец – ловко девки пляшут. Уравняли Казахстан – у которого семь тысяч километров общей границы с Россией, – с Панамой и Габоном!

Проедешь всего-то двенадцать километров от Пресновки, родной станицы отца, и – вот уже «зарубежье» – Россия...

На радио Ретро ведущая, стараясь оригинальничать во что бы то ни стало, даже обычный метеопрогноз читает на особый манер:

– В южной столице ожидается погода без осадков. Воздух прогреется ночью до 18-20, завтра днём – до 36-38 градусов.

И непременно добавит:

– Все градусы – со знаком «плюс».

г. Алматы.

Наум ШАФЕР

Неудачный реванш

(Фрагмент мемуарной повести «День Брусиловского».

Предыдущие фрагменты см. «Нива», 2008 г., № 2 и 2012 г., № 6)

Потерпев фиаско как скрипач, я решил взять реванш в роли пианиста.

Интуитивно я осознавал, что Брусиловский с интересом относится к моему композиторскому творчеству. Но меня угнетала мысль, что я не в состоянии предстать перед ним как полноценный исполнитель собственных сочинений. И вот, чтобы хоть чуточку ликвидировать огромный разрыв между сочинительством и исполнительством, я тайком от Брусиловского повадился ходить к дочери композитора Михаила Михайловича Иванова-Сокольского Людмиле, студентке фортепианного отделения консерватории. Мой шаткий техницизм не давал мне покоя. «Так жизнь скучна, когда боренья нет», – сказал Лермонтов. Действительно надо за себя бороться, надо окрепнуть!

Приходил я к Людмиле два раза в неделю, а за месяц платил всего пятьдесят рублей. Учитывая, что это было задолго до хрущёвской денежной реформы, то сумма оказалась вполне приемлемой даже для бедного студента. Занимался я с ней приблизительно полгода. Нужно отдать Людмиле должное: за это время я научился довольно сносно наигрывать сонатины Бетховена, контрдансы Моцарта, несложные переложения оперных мелодий Верди и балетных вальсов Чайковского, а также почему-то мелодии революционных песен, которые исполнял в стиле бравурных немецких маршей. Чтобы добиться беглости моих пальцев, Людмила тренировала меня на этюдах Черни. Но эти этюды мне давались значительно хуже, чем Моцарт и Бетховен. Как только дело касалось чистой техники, мне становилось скучно.

Я любил живую музыку с её мелодическим движением и поэтической образностью. А Людмила пробовала помучить меня и теорией – например, заставляла делать гармонический анализ периода: я должен был определить элементы фактуры, расчленить период на предложения, обозначить в каждом предложении кадансы и т.д. Всё это я воспринимал как убийство живой ткани музыкального произведения. Свою музыку я сочинял стихийно, не думая ни о каких периодах и кадансах. Как раз в это время я задумал привести в порядок свой «Детский альбом», сочинённый под явным воздействием одноимённого цикла П.И. Чайковского, но стилистически не имеющий отношения к нему (из этого «Альбома» я Брусиловскому пока ничего не показывал). И когда я принёс первую пьесу, сочинённую ещё в Акмолинске – «Лирический этюд» – Людмила, бегло просмотрев его и пробежав пальцами по клавишам, взяла карандаш, овалом обвела два или три такта и назидательно сказала: «А здесь нужно сделать диатоническую модуляцию и уже продолжать соответственно». Тон был такой, как будто мы с ней решали какую-то производственную проблему. А ведь в

этом опусе, который так нравился моему младшему брату Лазарю, я попытался выплеснуть свои романтические эмоции... И тут на тебе: «диатоническая модуляция», «соответственно»... Как будто музыка изготавливается, как пирожное... Уязвлённый, я в следующий понедельник решил показать «Лирический этюд» Брусиловскому. Он-то что скажет?

– Так вы, оказывается, любите не только Дунаевского, но и Гретри, – отреагировал Евгений Григорьевич.

– Кого-кого? – удивлённо спросил я.

– Гретри! Вы что – не слышали такого имени?

– Н-нет...

– Странно. Откуда же у вас взялся этот мелодический оборот... да он же из этой фортепианной пьески... ну как её... Её же до революции играли во всех салонах... да и я сам в Ростове-на-Дону...

В этот же день я взял в Пушкинской библиотеке «Музыкальный словарь» Римана, 1882 года издания. Был приятно удивлён, что нашёл там сведения о замечательных мастерах «лёгкой» музыки европейских стран – Эйленберге, Боме, Жилле, чьи произведения я полюбил, слушая старинные патефонные пластинки и мучаясь от сознания, что в стерильных советских справочниках о них нет ни звука. Но сейчас мне нужен Гретри. Вот он. Так-а-ак... Ну и имечко у него – Андре Эрнест Модест. Прямо в рифму. Свои главные вещи он создал во второй половине XVIII века, а умер в 1813 году. Сочинил аж 60 опер! С ума можно сойти! Ни об одной из них не имею никакого представления: «Люсиль», «Говорящий портрет», «Двое скупых», «Земира и Азор», «Ревнивый любовник» и ещё пятьдесят пять. Кроме того – несколько симфоний и струнных квартетов, бесчисленное количество фортепианных пьес, да ещё и изрядное количество опусов для церковных хоров... Но где же, где же, где же вся эта музыка? Стоило ли её сочинять, если она нигде не звучит? Помнится, что впервые в жизни я серьёзно задумался над тщетой всех наших деяний. Щемящая грусть охватила меня. Мало того, что человек смертен и его облик постепенно тускнеет в памяти людей, так оказывается, что и от его творений ничего не остаётся. А ведь Гретри к тому же является автором многих книг по музыке, да в придачу умудрился напечатать три тома мемуаров... Где же всё это?

С такими мрачными мыслями я в очередной раз явился к Брусиловскому. Он внимательно выслушал меня и медленно, серьёзно заговорил:

– Это хорошо, что вы принялись философствовать не по пустякам. Значит, задумались над смыслом жизни. Когда об этом задумываешься в юности, а не в старости, то это хороший признак: налицо духовный рост. Очевидно, вы находитесь в состоянии внутренней борьбы за будущую насыщенную жизнь. Вы боитесь бесследно уйти, вы хотите что-то оставить в нашем бренном мире... Да... Не так просто постигнуть умом и сердцем то, что невозможно увидеть глазами... Ну а что касается Гретри, то не переживайте за него: он своё дело сделал. И вообще самое главное в нашей жизни – делать своё дело вне зависимости от того, насколько оно долговечно. Потомки разберутся. Думаю, что в Бельгии и во Франции Гретри помнят и даже изучают в музыкальных заведениях. И что-то, возможно, ставят на

сцене – ведь можно же выбрать из шестидесяти опер. Ну и у нас специалисты его хорошо знают. Не судите по себе: вам предстоит ещё многое узнать. А впрочем, что-то из мелодий Гретри вам уже известно, хотя вы не слышали его имени. Ведь не случайно же в ваш этюд залетел этот мелодический оборот...

– Это случайное совпадение! – запальчиво вскрикнул я, заподозрив, что Брусиловский намекает на плагиат.

– Не горячитесь. Вы же как-то обмолвились, что ваша мама музицировала... Ну что она могла играть в довоенной Бессарабии при румынах? Разумеется, то же самое, что играли в салонах России до революции... Вот что-то у вас и аукнулось. Непроизвольно, конечно...

– Хорошо, я переделаю эти два такта.

– Этого ещё не хватало! Они у вас закономерно вытекают из предыдущего построения. Вы погубите свою вещь. Запомните: то, что закономерно вытекает из предыдущей мысли, не банально. Банально то, что повторяется как избитый приём без нового этапа развития. А здесь у вас всё в порядке.

– Ну а как насчёт диатонической модуляции...

– Перед тем как вам ответить, я хотел бы узнать, кто вам это посоветовал...

– Да так... я познакомился с одним студентом из консерватории и кое-что ему показал...

– А почему лицо у вас покрылось пятнами? Этот студент – он случайно не в юбке?

– Да нет, что вы... Он... Он... У него... Нет, не в юбке. Он носит платье.

– Он? Носит платье?

Такого заливистого смеха Брусиловского я больше никогда не слышал. Отдышавшись, он сказал:

– Ну, если у него нет юбки, то подарите ему ту, в которой завернута ваша скрипка. Хорошо бы это приурочить к его дню рождения – как оригинальный подарок. Только предварительно удостоверьтесь, есть ли у него чувство юмора. Иначе вся ваша дружба разлетится в пух и прах.

– Евгений Григорьевич, а как всё-таки насчёт диатонической модуляции...

– В данном случае это делать не нужно. Оставьте всё как есть. Но в принципе ваш безъюбочный друг прав. Тысячу раз прав! Он сказал то, что я говорил вам при первом же знакомстве, только другими словами. Для полноценного композиторского творчества мало одного таланта и возвышенного вдохновения. Здесь требуются большие теоретические знания и ежедневный труд, подчас каторжный. Без теоретических знаний весь ваш талант улетучится. Вы иссякнете, как заброшенный колодец. Помните: теория порождает практику, а практика наталкивает на новые теоретические изыскания. Практиковались же вы изрядно. Пора заняться повышением своего теоретического уровня. Овладеть инструментом на уровне концертирующего исполнителя уже поздно – этим надо было заниматься с детских лет. Но изучить свойства и возможности любых инструментов, чтобы не прибегать к услугам аранжировщиков,

никогда не поздно. Вероятно, на эту тему нам предстоит серьёзный разговор. Но это – погода. Я ещё должен к вам присмотреться...

И, провожая меня, спросил:

– Сколько раз вы в нашем театре слушали «Пиковую даму» Чайковского?

– Раз пять или шесть...

– Вот видите... Сколько раз вы слушали Чайковского, столько же слушали и Гретри. Ведь старая графиня перед своей смертельной встречей с Германом напевает романс Гретри из оперы «Ричард Львиное Сердце». Поняли? А теперь – идите.

Этот разговор произошёл зимой, но я ушёл с предощущением весны, переполненный чувством благодарности к маэстро: он проявил тактичность и не стал допытываться о подробностях моих взаимоотношений с «безыюбчным» студентом... А Людмиле, естественно, я не раскрыл тайны, что каждый понедельник заявляюсь на квартиру к Брусиловскому, а иногда даже и в консерваторию, если он не может принять меня дома. Единственное, чего я боялся – как бы не столкнуться с Людмилой. И однажды-таки столкнулся. Самое поразительное, что она шла мне навстречу по коридору... в юбке! В новой тёмно-синей юбке!

– Что вы здесь делаете? – удивлённо спросила она. – Кого ищете?

– Я... я ищу своего товарища, композитора Оскара Гейльфуса.

– Тоже мне – композитор... – У неё скривились губы. – Да он ещё музучилища не закончил! Кроме обработок немецких мелодий, я у него ничего не знаю. Не сомневаюсь, что композитором его обозвал Брусиловский. Этот Оскар повадился к нему ходить. Вероятно, наметил уже план: после окончания музучилища попасть в консерваторию, в класс Брусиловского. А Брусиловский именно таких и собирает: обработал парочку народных мелодий, сочинил какой-нибудь собственный пустячок – вот и композитор. Ну загляните в класс Брусиловского – ваш друг, наверное, там торчит.

Монолог Людмилы меня неприятно резанул. Во-первых, мне ещё не приходилось слышать такого пренебрежительного отзыва о Брусиловском. А, во-вторых, слова, сказанные по адресу Гейльфуса, я принял и на свой счёт. Спасибо, что хоть ситуация разрешилась вполне естественно: теперь можно было без всяких объяснений отправиться к Евгению Григорьевичу.

С этой самоуверенной девушкой сложновато было общаться. С одной стороны, я восхищался её пианистическим искусством, до которого и не мыслил дотянуться, с другой – меня раздражали её категоричность суждений, абсолютное нежелание прислушаться к мнению собеседника, высокомерие и зазнайство. И если уж быть откровенным до конца, меня уязвляло, что она видела во мне только ученика... Как будто бы я не был таким же студентом, как и она, почти ровесником... Нередко мне приходила в голову мысль найти другого учителя. Но Людмила тут же переворачивала всё вверх дном: после наших занятий она иногда устраивала домашний концерт, и я безмолвно взидал на неё, как на богиню, поражаясь яркости, поэтичности и виртуозности её игры. Своими впечатлениями я делился с родителями в письмах, которые посылал в Акмолинск. Благодаря

тому, что мама сохранила все мои письма студенческих лет, я имею возможность процитировать фрагмент письма от 24 декабря 1952 года:

«Моя учительница – прекрасная пианистка. Сегодня после занятий она мне устроила настоящий концерт: играла различные произведения Шопена и всю «Патетическую сонату» Бетховена. Вообще мне немного неловко с ней заниматься. Мы почти в одних летах, а она меня учит. Но ничего не поделаешь, другого выхода нет, и теперь приходится жертвовать своим достоинством. Надо быть в форме перед Брусиловским».

Быть в форме перед Брусиловским... Уж коли процитировано письмо, то надо рассказать, как однажды я предстал перед маэстро в этой самой форме. После провала со скрипкой мне пришла в голову мысль взять реванш и доказать Брусиловскому, что я достиг некоторых успехов в фортепианном искусстве. С этой целью я стал тщательно разучивать свой «Вечерний вальс». Задолбал я его ещё больше, чем «Мадонну», но непринуждённо и естественно у меня получалась лишь первая часть. И я решил прибегнуть к театральному приёму. Чтобы данный фрагмент не получился слишком закруглённым, я прихватил начальную фразу из второй части («Тишь. Вечереет.»), как бы имитируя прерванную импровизацию. Всё у меня было отрепетировано до мельчайшей детали. Рояль Евгения Григорьевича, как правило, всегда был раскрыт, а композитор, перед тем как к нему присесть, имел привычку что-то передвигать на столике или бегло просматривать какие-то листы... Вот за этот маленький промежуток времени я как бы рассеянно и отстранённо пробежусь пальцами по клавишам, а потом неожиданно остановлюсь – пора, дескать, перейти к более серьёзным делам... На этот раз всё получилось гладко – вот уж действительно как по нотам. Ни разу не споткнулся, легко и изящно оборвал фразу на полутакте и, как бы спохватившись, сказал подошедшему маэстро:

– Ой, извините, не буду больше отнимать у вас время...

– Нет, почему же, – спокойно ответил Евгений Григорьевич. – Наконец-то наступил долгожданный исторический момент: я удостоился чести услышать «Вечерний вальс» в довольно приличном авторском исполнении. Но почему же вы остановились? Продолжайте. Мне интересно узнать, как у вас прозвучит проигрыш перед заключительным повтором первоначальной темы.

Я стал что-то мямлить... Брусиловский с таинственным видом, дружески подмигнув, наклонился ко мне и почти шёпотом участливо спросил:

– Что? Не хватило пороку разучить до конца? А знаете, у вас, оказывается, великолепные актёрские способности. Вы так достоверно изображали импровизацию, что я вам почти поверил. Признайтесь: сколько часов, вернее дней, вы потратили на эту единственную минуту восхитительного звучания? А?

... Больше перед Брусиловским я никогда ничего не играл. Только приносил ноты со своими новыми опусами.

г. Павлодар.

Анатолий ВОЛКОВ

Дневник отдыхающего путешественника

(Продолжение. Начало в № 1 за 2013 г.)

Глава 2

23 октября 1981 года

Второй из трёх больших морских переходов в нашем путешествии.

Сегодня второй из трёх больших переходов. Первый был из Одессы в Пирей – 43 часа, второй – сейчас – из Пирея в Ла-Валетту – 36. Первый был ничего, правда, вечером немного покачивало, и наши дамы из гранд-люкса, расположенного на носу судна, отлёживались, но затем наш теплоход плыл просто хорошо. А сегодня покачивало сначала немного, а затем и посильнее. Поэтому после кино («Осенний марафон») целый ряд туристов залёг по каютам и даже не ходил на ужин. Роза, правда, пришла в ресторан решительно, но потом так же решительно не стала есть. После ужина я всё-таки вытащил её на палубу. В крошечной темноте только вверх можно было разглядеть самые крупные звёзды – наша «Белоруссия» резво плыла вперёд, расталкивая волны, оставляя за собой широкий фосфоресцирующий пенный след.

После обеда мы собрались в 1011-м гранд-люксе на подготовку к дню нашей казахстанской группы. Хозяйка каюты Тамара Николаевна Конакбаева лежала в лёжку, затем по очереди ушли ещё несколько женщин. В ходе обсуждения вырисовалось следующее. Ведущие на двух языках объявляют вечер, затем пятиминутный кинофильм и приветствия в стихах каждой группе или группе групп. После этого различные выступления, исполнение на домбре, викторина с призами, хоровые номера и фильм «Город яблоневых зорь». Будут стихи о Караганде и песня об Алма-Ате. Хотим также организовать чай. С утра я по радио проведу передачу о Казахстане. Также выпустим стенгазету, развернём выставку. Но всё это 31 октября.

А сегодня отправились на вечер мурманской и кировской групп. Начало и в музыкальном салоне, находящемся на носу судна, да к тому же на верхней палубе. Начали мурманчане. Руководитель группы говорил хорошо, с выдумкой. Было видно, что готовился дома, импровизационные моменты тоже были организованы (именно организованы) неплохо. Хороша, с юмором, была и остальная часть. Одним словом, получился студенческий «капустник». Затем выступили кировчане. У них «домашняя заготовка» была солидной – привезли кружевные и иные изделия своей фабрики им. 8-го Марта, дымковские игрушки, матрёшки (20 долларов в судовом магазине), ряд других изделий. Хором спели хорошо, причём слова написали и разучили уже здесь. Конечно, никакого сравнения с киевско-донецким вечером. Сами украинцы, сидевшие передо мной, признавали это. У всех есть что-то хорошее. Скажем, мурманчане склеили из ватмана бочонки, привезли с собой этикетки от консервных банок, наклеили их, и получилась хорошая выставка продукции рыбной промышленности.

Завтра приплывём на Мальту – это самая южная точка нашего путешествия – менее 36 градусов северной широты – 35,8. Даже Тунис севернее – примерно 37 градусов.

24 октября 1981 года

Вот мы и приплыли в государство Мальта.

Сегодня побываем на самом острове Мальта. Рассказывают, что на Мальту покушались все. Причём с древних времён.

В. Печников в статье «Курс Мальты», опубликованной в 1982 году в 30-м номере «Нового времени», писал: «Малые страны имеют историю подчас не менее интересную и многообразную, чем крупные государства. Такова и история Мальты – вечного «яблока раздора» в Средиземном море. Первоначально остров колонизировали финикийцы, затем римляне. Потом его завоёвывали и Византия, и арабы, и норманны. В середине XVI века на Мальте утвердился орден иоаннитов (впоследствии Мальтийский). В 1800 году Мальта была захвачена Великобританией. Нелёгко и долго был путь страны к обретению независимости. В 1964 году (в рамках Содружества). Лишь в начале 1979 года англичане покинули Мальту».

В результате получились мальтийцы, которые говорят на мальтийском языке, состоящем на 50 % из арабских слов, а также семитских, итальянских, английских. Общая площадь – 316 кв. километров, проживает 340 тыс. жителей, из них 98 % мальтийцев. Официальные языки – мальтийский и английский. Название, как предполагают, происходит от слова *Malita* – мёд, или *Malev* – бухта (греч). Средняя температура августа – + 25, февраля – + 12 градусов. Государство Мальта состоит из 5 островов, из которых два крупных: Мальта (27 на 16 км) и Гозо или Гздо. О. Мальта – сплошные камни, а Гозо – зелёный остров, на котором произрастают овощи для всего архипелага. Также есть о. Комино с приютившимися рядом Комино-то и Филфла, на котором долгое время располагалась военная база Великобритании. Очень сложно на о. Мальта с водой. Рек нет, имеются артезианские скважины. Дожди бывают редко.

9 февраля 1996 года в газете «Спорт-Экспресс» была опубликована статья Леонида Трахтенберга о поездке на Мальту сборной СССР по футболу, в которой, в частности, он писал: «Человек, впервые попавший на остров Мальта, испытывает такое чувство, будто находится в стране древнейшей цивилизации, только недавно обнаруженной в результате длительных раскопок в своём первозданном виде. Двухэтажные белые домики, у которых напрочь отсутствуют крыши в привычном для нас понимании, теснятся в узеньких петляющих улицах крохотных городов, которые похожи друг на друга, как две капли воды, и плавно переходят без всякой, хотя бы условной, границы один в другой. С миниатюрного тротуара, прижавшись спиной к стене дома, наблюдаешь за движущимися по асфальтовой дороге маленькими двухместными каретами, которые тащат за собой ослики или кони – самый подходящий транспорт на острове. Впрочем, сегодня на осликах и лошадях мальтийцы катают лишь туристов, а сами предпочитают автомобили – недорогие и настолько внешне непритязательные, будто уже несколько раз переходили по наследству от отцов к детям.

Поскольку здесь ранее господствовали англичане, движение транспорта левостороннее, руль в автомашинах расположен с правой стороны. Местные предприятия во многом связаны с английским капиталом. Теперь, привлечённые дешёвой рабочей силой, сюда устремились также немецкие, американские, голландские и другие капиталисты. Построена, например, американская джинсовая фабрика».

На Мальте часто дуют ветры, поэтому имеющиеся здесь поля огорожены высокими каменными стенами. При сравнительно высокой плотности населения – чуть более тысячи человек на кв. километр – и несмотря на сложные природные условия, мальтийцы обеспечивают себя продуктами полностью за исключением картофеля и лука.

Тот же Леонид Трахтенберг в своей статье писал: «Нет, на Мальте ничего невозможно предсказать – ни февральское количество осадков на душу населения, ни направление ветра – в сторону моря или наоборот, ни шторм, ни штиль, ни результат футбольного матча, особенно если в нём участвуют сами островитяне».

Уже в 7 часов утра Мальта была хорошо видна с борта теплохода. Берега, дома и различные сооружения цвета кофе с молоком. С рыжеватым оттенком. Сильное солнце и сильный ветер. Вошли в бухту, развернулись кормой к берегу, встали на якоря, а с кормы до берега натянули канаты и таким образом закрепили судно.

После завтрака все нетерпеливо ожидали, когда начнут выпускать на берег. В информационной мы забрали свои жетоны, и наконец-то дошла очередь и до нашей группы. На берегу нас ждали небольшие 35-40 местных автобусы, поэтому вместо 11 автобусов по числу групп поехало 13. Сначала через столицу Мальты Ла-Валлетту двинулись в г. Мдину – старую её столицу и расположенный рядом Рабат. По арабски Мдина – это «укреплённый город», а Рабат – «пригород». На два города их разделили в своё время арабы, завоевавшие остров и построившие Рабат в своём стиле.

По дороге увидели выстроенные и строящиеся виллы богачей, многие из которых являются предпринимателями, владельцами местных производств. Дома построены из местного желтоватого камня. Раньше их окрашивали в яркие контрастные цвета, а затем пришли к выводу, что в условиях повышенной яркости, солнечной освещённости натуральный приглушённый желтоватый цвет будет лучше. И это действительно так. Много выдумки в декоративных деталях, отделке дверей, окон, балконов – например, из тёмного стекла с металлической хромированной или никелированной окантовкой, фигурными решётками на дверях и т.п. В одном месте проезжали по узкой дороге между двух высоких стен с заделанными сверху бутылочными горлышками и другими остатками бутылок, но это скорее исключение, чем правило. В большинстве населённых пунктов, часто плавно переходящих из одного в другой, двери нередко стеклянные, иногда с декоративными решётками, выходят прямо на улицу. Очень часто дома двухэтажные и в первых этажах расположены всевозможные магазинчики и автосервисные службы. Сейчас новое демократическое правительство проводит политику ограничения цен на жилища, поощряет строительство домов. Молодожёнам, например, выделяются участки под строительство жилья на льготных условиях.

Несколько слов о ценах и других бытовых вопросах. Уровень зарплаты (минимальный) ограничен 120 мальтийскими фунтами. Как нам рассказали, по официальному курсу он равен 2,75 доллара, но при покупках в магазинах его считают примерно как 3,75 доллара. Высококвалифицированные рабочие получают до 240 фунтов, частнопрактикующие врачи – до 1000 фунтов. Кстати, врачей на острове примерно 400 человек, из которых 250 частные. Обязательное обучение с 6 до 14 лет, далее платное. Несколько непривычный для нас характер носит квартирная плата. Те, кто живут давно, т.е. старожилы острова, платят за жильё от 20 до 70 фунтов в год, в зависимости от наличия удобств и месторасположения. Те, кто приезжает только на лето, – до 60 фунтов в месяц, а те, кто сейчас начал въезжать в новые, только что построенные, с удобствами дома, – до 70 фунтов в месяц. Естественно, что арендовать виллу стоит дороже.

Водители обычно получают 40-50 фунтов в неделю, с доплатами за ненормированный труд и другие переработки. Водитель автобуса, на котором мы ездим, и его владелец получают от туристической фирмы за день 26 фунтов.

Что можно сказать о ценах? Мясо – 1,5 фунта за килограмм, масло – 25 центов за упаковку в 150 грамм, хлеб – примерно 10 центов за булку. Джинсы – 6 и более фунтов, японский зонтик – 1,2 фунта (и зачем здесь – зонтик?!), золотая цепочка – 16 фунтов, серебряная – 12, мельхиоровые кружки – 4,5 фунта за одну, рубашка-безрукавка с надписью о Мальте – 3,5, кофта шерстяная (голубая, розовая) – 7,5 фунта, очки солнцезащитные – 4,5-6 фунтов, обувь, например, босоножки в три ремня – 12, шерстяная материя 1,5 м. ширины – 3,5 фунта за метр, магнитофоны «Sony» и другие – 45 фунтов и дороже, сервиз фаянсовый цвета сливок, ручной работы, английского типа – 45-50, костюм мужской типа Playboy – 45 фунтов, хрустальные изделия обычные, небольшие – 2-3 и более фунта, большая ваза – 25 фунтов.

Что нас поразило в Мдине? Например, узкие улочки, по которым еле-еле можно пройти одному взрослому человеку и, конечно, соборы св. Павла и Успения, а также катакомбы св. Павла. В соборе св. Павла полы выложены плитами с надписями о похороненных под ними церковных и мирских властителях. Имеется плита, под которой будет погребён ныне живущий 90-летний епископ. В этом же соборе есть сосуд для воды для причастия, изготовленный Бенвенуто Челлини. Очень хороши витражи с сюжетами на библейские темы. В катакомбах, где по преданию бывал св. Павел, находятся захоронения людей, начиная от бронзового века до более поздних времён, когда умерших кремировали. После того как на острове утвердилась католическая религия, хоронить стали просто в стенах – и так до новых времён. Затем останки перенесли на кладбище, а в катакомбах во время Второй мировой войны укрывались от бомбёжек. Побывали мы в церкви Успения. Здание потрясающее. Строили его с 1833 г. 20 лет. За основу архитектор взял римский Пантеон, который нам ещё предстоит увидеть. Он сделал здание церкви круглым, а не крестообразным. По размеру купол этого сооружения – третий в мире после соборов св. Петра в Риме и св. Павла в Лондоне. Диаметр его – 42 м., высота – 60 м., вес – 6 тысяч тонн.

Опирается он на 8 точек опоры, в нём может разместиться до 10 тыс. человек. Во время второй мировой войны 9 апреля 1942 года в собор, где находилось 300 молящихся, попала бомба, пробила потолок и... не взорвалась. Это было расценено как чудо, а сама бомба хранится в одном из боковых помещений.

После обеда поехали в Ла-Валлетту, основанную в 60-х годах XVI века, названную так по имени гроссмейстера Ордена мальтийского креста, или ионитов, Ж.Паризо де Ла-Валет. Этот орден, члены которого также назывались госпитальерами, ведёт свою историю ещё из Палестины, откуда рыцари-крестоносцы откочевали на о. Родос, а потом и на Мальту. В настоящее время в мире их 8 тыс. человек. Резиденция гроссмейстера располагается в Ватикане, а наибольшее их количество проживает во Франции, Швейцарии, Германии. Реальную силу орден сейчас утратил. Более того, если раньше в него могли вступать только рыцари, у которых родители – как со стороны отца, так и матери – были благородного происхождения, 1/5 своих доходов вносившие в кассу ордена, то теперь могут вступать и просто очень богатые люди. Рыцари носили восьмигранный крест – по числу заповедей, которые они были обязаны соблюдать. С XI века они выбирали главу ордена – гроссмейстера. Пожизненно. Он носил чёрную одежду с изображением креста.

В крепости Ла-Валлетты, обнесённой мощными стенами, каждый гроссмейстер, начиная с L'isle Adam (1521-1534), строил свой замок. Поскольку рыцари были из разных стран, то и замки были разными. Так, например, один из испанских рыцарей построил замок в кастильском стиле, сейчас он является резиденцией премьер-министра Мальты. Во дворце же, где размещается парламент, поражают люстры из богемского стекла и удивляют портреты английских королей и королев, в том числе и портрет королевы Виктории. Это связано с тем, что правившие долгие годы английские губернаторы верховной властью признавали только их. В одном из залов с портретами гроссмейстеров ордена есть большой портрет Екатерины II кисти Левицкого – матери Павла I, который ни разу не приехав на Мальту, тем не менее был гроссмейстером ордена. В этом же дворце и много других ценностей, например, огромные вазы, подаренные персидским шахом, или гобелены, преподнесённые Людовиком XIV. Они во всю стену, от пола до потолка, и размещены в помещении, где многие годы заседал парламент со скамьями слева для правящей партии и справа – для оппозиции. В коридорах стоят манекены с надетыми на них рыцарскими доспехами. И какого же маленького роста были эти рыцари! Правда, говорят, что ввиду малочисленности населения и постоянных турецких угроз воевали все, даже подростки, для которых тоже изготавливались латы. Но всё равно все они были невысокими, а латы на них были тонкими, примерно 0,8 мм.

Среди укреплений, где размещены эти замки (длиной 8 км), сейчас и просто здания, и торговые улицы, и остатки разрушенного во время Второй мировой войны здания театра, которое построил в 1886 году тот же архитектор, что и Ковентри-Гарден в Лондоне.

С чем ещё удалось познакомиться в Ла-Валлетте? Интересен фонтан «Тритоны», построенный премьер-министром, по профессии архитектором, есть отель «Мальта-Хилтон», сооружённый в псевдомавританском стиле.

Глубоко расстроила заметка в «Известиях» от 16 января 1985 года, в которой говорилось: «Из собора Валлетты, столицы Мальты, похищена картина Караваджо с изображением святого Иеронима. Дерзкий вор сумел днём вырезать её из рамы, и пропажа была обнаружена только вечером перед закрытием собора. Картина была написана в 1605 году, она является одной из самых больших ценностей Мальты».

После выхода из дворца все разбрелись по магазинам.

25 октября 1981 года

Посетили о. Гозо и – прощай, Мальта.

Утром быстро позавтракали – и на катер. Он отвёз нас дальше по бухте к месту посадки на паромного типа судно под названием «MGARR», курсирующее между о. Мальта, самым южным в архипелаге, и самым северным – о. Гозо.

Гозо – остров, где, по преданию, Калипсо, очаровав Одиссея, продержала его семь лет. На острове почва более глинистая, чем на других островах архипелага, где она известняковая, поэтому в ней удерживается больше влаги. Но строительство зданий, и весьма интенсивное, ведётся именно из известняка.

Осмотрели несколько развалин стариннейших храмов, выстроенных много тысяч лет назад, как установили учёные, даже раньше, чем сооружения так называемой крито-микенской культуры. По пути к развалинам туристы забрались в кактусовый сад, нарвали плодов с красной съедобной мякотью, но быстро занозили все руки, а кто ел, то и губы, крошечными волосками-колючками и полдня, а кто и до вечера, вытаскивали их сами и друг у друга.

Храмы в древности на этом острове посвящались богине плодородия, статуи которой, найденные здесь, вывезли в Ла-Валлетту. В одной из стен нам показали отверстие в выступе, так называемый оракул. В это отверстие забирался священнослужитель и отвечал верующим, которые верили, что слышат голос высшей силы. По предположениям учёных, крыши этих храмов были деревянными, может быть, обмазанными глиной, а теперь разрушившимися от времени. Увидели мы и помещения, куда приводили жертвенный скот и где его приносили в жертву, но свидетельств того, что в жертву приносили и людей, не имеется.

Когда приехали на берег моря, все закричали: хотим купаться. Договорились на 45 минут и помчались раздеваться – и в море, да не простое, а Средиземное!

Наплескавшись, поехали осматривать старую крепость-цитадель, которую в 1555 году штурмовали турки и захватили, но многие защитники по подземному водоводу ушли из неё и спаслись. В начале XIX века внутри цитадели была возведена церковь Богоматери, которую построил

тот же архитектор, что и собор Успения. Перед церковью установлены сохранившиеся со времён крестоносцев две позеленевшие пушки. В самой церкви есть две скульптуры Богоматери, основание у которых выполнено из серебра стоимостью 6 тыс. фунтов.

Вблизи церкви расположено здание, по своим рабочим функциям напоминающее наш ЗАГС. На его дверях белело несколько объявлений о том, что такие-то собираются вступить в брак. Подобное объявление помещается за три недели до свадьбы, и все желающие, ознакомившись с ним, могут сообщить в это заведение о том, что, например, жених или невеста уже состояли в браке, или они умственно отсталые, или какую-либо другую информацию, не позволяющую этим людям вступать в брак. На этом острове проживает 26 тыс. человек, которые рано встают и рано ложатся спать, поэтому последний паром сюда приходит в шесть часов вечера, и вскоре после этого перестают работать автобусы, и жизнь замирает до следующего утра. Так как все друг друга знают, преступлений практически нет, ходить можно спокойно, хоть в два часа ночи, армия и полиция существуют символически. Если правонарушения и случаются, то, как правило, по вине итальянской мафии, одна из «семей» которой, например, занимается кражей автомобилей и последующей их перепродажей в арабские страны.

Пьяных на архипелаге практически нет, так как мальтийские женщины, сообщила нам наш гид Анна, считают, что пришедший пьяным или напившийся дома мужчина – не мужчина, ему нечего делать ночью.

Правящие на Мальте социалисты во главе с Минтоффом сделали много для того, чтобы искоренить в стране нищенство. Остро стоит проблема воды, особенно в связи с развитием туризма. Поэтому на архипелаге, например, запрещено мыть машины пресной водой – только морской с добавлением специального шампуня. Владельцам бассейнов также запрещено заполнять их пресной водой.

Обедать поехали в ресторан «CUPID». Победнее, чем вчера в Ла-Валлетте, но вполне и вполне сносный для этого райцентра, называемого Викторией, или по арабски – Рабат. После обеда с многочисленными возлияниями сухого вина, которое хозяева приносили по первому знаку, вышли и рядом увидели магазин «SIEMENS» с таким набором сантехнического оборудования цвета хороших сливок, что все попадали.

Сегодня бы, очевидно, не попадали, но в те времена ничего подобного мы не видели и даже не знали, что такие товары имеются. По этому поводу мне припомнилась цитата из книги Оксаны Балазановой «10 гениев живописи»: Пикассо жил в среде полунисей богемы, голодал. Вместо кровати – матрац, брошенный на пол. Большое окно. Мольберт. Иногда ему приходилось топить печку грудями своих рисунков. И всё же, как вспоминает поэт Макс Жакоб: «Мы жили плохо, но прекрасно».

Так что же мы увидели? Ванну чуть ли не квадратную, унитазы, ручкомойники с плавными коричневыми смесителями, плитки и целые блоки для облицовки стен, зеркало над умывальником с тремя парами ламп и шкафчиками по бокам, кухонную мойку с огромными никелированными крыльями и массу других изделий приятнейших форм и великолепной

отделки. По дороге в автобусе возник вопрос – кому же фирма собирается на этом островке продавать этот товар?!

В 15 часов отплыли от острова Гозо и взяли курс на остров Мальта. Все немного нервничали, так как отплытие нашей «Белоруссии» назначено на 17 часов, а плыть наша «баржа» должна один час и сорок минут. Всё же успели и в 17.20 отчалили. Прощай, Мальта! За эти два дня мы полюбили твою суровую природу и людей, ведущих сложную борьбу за создание сносных условий для жизни и работы.

К моему глубокому сожалению, о Мальте подробнее я узнал только три года спустя после этой поездки, прочитав в газете «Вечерняя Алма-Ата» от 27 сентября 1984 года статью «Республика Мальта», опубликованную в связи с двадцатилетием провозглашения независимости этой страны. Ведь тогда мы не имели возможности, как сейчас, заглянуть в Интернет. Итак, приведу выдержки из той статьи.

«Малые страны имеют подчас историю не менее интересную и многообразную, чем крупные государства. Такова Мальта, овеянная легендами. Само название страны будоражит воображение. Долгим и трудным был путь этого островного государства к независимости. Занимая стратегическое положение в центре Средиземного моря, Мальта с древнейших времён являлась «лакомым кусочком» для стран, которые стремились установить своё господство в этом районе. Первые люди на Мальте появились ещё в четвёртом тысячелетии до нашей эры. Развалины святилищ, построенных на Мальте ещё до третьего тысячелетия до нашей эры, то есть до египетских пирамид, свидетельствуют о мастерстве создателей этих древнейших на земле храмов.

Финикийская колонизация Мальты началась в XIII веке до нашей эры. После финикийцев здесь обосновались античные греки, затем карфагеняне. Примерно 700 лет на Мальте хозяйничали римляне, затем вандалы, вынужденные уступить Мальту Византии. С 870 по 1091 год на острове господствовали арабы. После краткого периода, когда остров был захвачен сначала норманнами, а затем германскими императорами, в 1530 году император «Священной Римской империи» Карл V передал Мальту ордену ионитов (духовно-рыцарский католический орден), который впоследствии стал называться Мальтийским. В 1798 году Наполеон изгнал с острова ионитов и превратил Мальту в опорный пункт военных операций против Англии. В 1800 году острова захватила Англия, которая в 1815 году объявила их своей колонией. Развернувшееся национально-освободительное и рабочее движение заставило Англию предоставить Мальте статус самоуправляющейся колонии, а в 1964 году – независимость. В декабре 1974 года Мальта была провозглашена республикой.

О происхождении мальтийской нации у специалистов нет единого мнения. Часть мальтийцев считает себя потомками древних финикийцев, другие – сицилийцев. Антропологически же мальтийцы близки к населению Северной Африки: чёрные волосы, коричневые глаза, смуглая кожа. Глубокий отпечаток на культурный облик островитян наложило арабское господство. Однако мусульманская религия на Мальте не привилась,

зато католическая церковь здесь глубоко пустила корни. Если об этническом происхождении мальтийцев можно спорить, то происхождение мальтийского языка (государственными языками в стране являются мальтийский и английский) не вызывает сомнений. В основе его лежит тунисский диалект арабского языка, хотя мальтийская письменность строится на латинском алфавите. Островитяне понимают арабов на 90 процентов. Мальтийский язык носит также следы влияния итальянского языка, ибо культурное общение Мальты с Италией было наиболее тесным. Про Мальту говорят, что это единственное европейское государство, населённое исключительно арабами, или единственное арабское государство, населённое исключительно христианами.

Благодатный климат, тёплое незагрязнённое море, удобные бухты и пляжи привлекают всё больше отдыхающих. Индустрия туризма стала одной из ведущих отраслей мальтийской экономики. Построены и строятся современные отели, пансионаты».

26 октября 1981 года

Вот и приплыли в Африку, где пробудем всего один день.

Накануне вечером и всю ночь наш теплоход одолевал полосу шторма, а с утра на подходе к африканскому берегу все мы почувствовали, что сильно похолодало. Сергей Викторович Ким даже уверял, что видел снежинки, правда, не уточнил где – здесь или в Алма-Ате, где, судя по полученным вчера некоторыми радиограммам, выпал снег. Увидели мы и иней на крышках топливных баков и на автомашинах. Интересно было посмотреть на Тунисскую бухту, на волнистую линию берегов, за которыми наблюдали ещё финикийцы, Гамилькара со своим сыном Ганнибалом, римляне. Из бухты в город Тунис проложен широкий канал, в порту много кораблей.

В настоящее время Тунис входит в так называемый Магриб – союз нескольких североафриканских мусульманских стран. Население – 6,5 млн. человек, в основном арабы и берберы, по вере – сунниты. На языке последних говорит около 1% жителей. В самом городе Тунисе свыше миллиона жителей. В стране, являющейся буржуазно-демократической республикой, правит социалистическая дестуровская партия с пожизненным президентом Хабибом Бургибой.

8 июня 1986 года в газете «Известия» была опубликована статья А. Григорьянц «Этот многоликий Тунис». В ней, в частности, отмечалось, что долгим и трудным был путь Туниса к освобождению от французского колониального владычества. Он потребовал немало крови и лишений. При музее, расположенном в помещении бывшей французской тюрьмы, сохранён карцер, в котором находился в заточении нынешний президент Туниса Хабиб Бургиба.

В 1964 году в стране был принят Закон о гармоничном развитии государственного, кооперативного и частного секторов, но уже через 5 лет правящая партия, насчитывающая в своих рядах 380 тыс. членов, в основном представителей буржуазии и интеллигенции, объявила о крупных льготах и предоставлении преимуществ частному сектору. Социалистическая

дестуровская партия на съезде в 1974 году поддержала этот курс и утвердила Бургибу пожизненным руководителем партии. В стране также действует коммунистическая партия. Профсоюзы насчитывают 200 тыс. членов. Основу экономики составляет сельское хозяйство, в котором занято 44 % населения. 20 % зерновых, сахара, молочных продуктов Тунис завозит, а оливки, цитрусовые, альфу (трава, сырьё для бумажной промышленности) вывозит. Промышленность в основном горнодобывающая. По добыче фосфоритов Тунис занимает четвёртое, а по экспорту – третье место в мире. В настоящее время вывозится также около 60 % добываемой в стране нефти. Кроме текстильной и пищевой промышленности имеются и машиностроительные предприятия, в основном тракторо- и автосборочные. Транспорт и связь полностью государственные. Торгует Тунис более чем с 50 странами мира, в первую очередь с Францией, Италией, ФРГ. Более половины товарооборота приходится на страны общего рынка. В СССР вывозятся маслины, цитрусовые и другие аналогичные товары, а завозится антрацит и некоторое оборудование. Статьёй дохода также является туризм – страну посещает более одного миллиона человек в год. Обязательное образование – начальное, учатся дети от 5 до 14 лет. Доходы 75 % населения ниже прожиточного минимума, а 260 тыс. человек – безработные. Зерновые в рационе питания составляют более 2/3.

О средней заработной плате. Наш гид Набиль сказал, что она составляет 70 динаров. При этом каждый динар состоит из 1000 мелимов. В долларе – 400 мелимов, т.е. 2,5 доллара за динар, хотя по официальному курсу на 16 октября 1981 года 2 доллара, а повсюду здесь пересчитывают как 3 доллара за динар. Мясо, по его словам, стоит 1,5 динара за килограмм баранины, 2 – говядины, хлеб – 800 гр. булка – 85 мелимов, небольшая – 50, одно яйцо – 30 мелимов. Квартплату Набиль не назвал, только сказал, что в г. Тунисе, особенно в центре, она очень велика, но по направлению к пригородам снижается. Домовладельцы сильно взвинчивают цены.

В 9 часов расселись по автобусам и поехали. Африка есть Африка – и в 9 часов уже стало тепло. Порт, в который мы приплыли, называется Ла-Гулетта, от него до самого города на автобусе можно доехать минут за 20. Автомобильная дорога идёт по перешейку, параллельно железнодорожной линии, между пресноводным озером Эль-Бахр справа и широким морским каналом слева.

Но вот мы и въехали в сам город Тунис.

Пальмы, здания, витрины, на улицах очень много мужчин и почти не видно женщин. Нам показали гостиницу «Африка» – это самое высокое здание в городе. Отель отмечен 4 звёздами. Проехали мы по авеню Карфаген мимо отеля «Тунис», развернулись и остановились у здания французского посольства. Набиль любезно согласился показать нам дорогу на Восточный базар, и мы все пошли за ним. По дороге увидели слева в нижних этажах весьма представительные магазины, а справа – менее внушительные. Вскоре показался и сам Восточный базар. Мы пересекли довольно широкую улицу и вошли в узкую щель между домами в 3-4 этажа. Начиная с окон второго, всё завешано до земли всевозможными бурнусами, одеждами, тканями.

Слева и справа впрытык расположены лавочки. Во многих из них стены увешаны блюдами, начиная с больших по 70-80 см. до совсем маленьких, на столах размещены подносы с кубками и другими изделиями – и все они золотистого цвета и подсвечены электричеством. Время от времени видишь, как владелец лавочки или его помощник опахалом из перьев смахивает со всего товара пыль. В большинстве этих лавочек сидят и выбивают на подобных изделиях узоры. Тут же видишь, как постукивает молоточком совсем молодой парень, почти мальчик, а дальше – седобородый мастер.

Несколько слов об этих местах другого путешественника – А. Ищенко, побывавшего в этих местах чуть позже нас и опубликовавшего свои впечатления 29 мая 1982 года в «Комсомольской правде» в статье «Звенят молоточки Медины»: «Окружённая со всех сторон современными гостиницами, магазинами и жилыми зданиями, живёт и трудится старая часть города – Медина. Невидимый барьер веков защищает её от шума современных машин и блеска витрин. Как и много сотен лет назад, узкие мощёные улочки хранят прохладу и ни с чем не сравнимые запахи восточных пряностей. Неслучайно именно отсюда начинаются туристические маршруты для всех, кто приезжает в Тунис. Желание посмотреть, как работают знаменитые тунисские медники, ковровщики, гончары, кожевники, привело и меня в этот заповедный квартал. С первых шагов чувствуешь себя несколько неуверенно в этом словно законсервированном мире. Слева и справа расположились бесконечные ряды одноэтажных лавок, набитых товарами из меди, кожи, яркими красочными коврами, глиняной посудой. Лучшие образцы разложены прямо перед лавками на отполированных веками плитах тротуаров. Стоит лишь на мгновение задержаться у одной из лавок, чтобы повнимательнее рассмотреть изделия народных умельцев, как неизвестно откуда появляется приветливый продавец в традиционных арабских одеждах, вежливо, но в то же время всё настойчивей предлагающий свои товары, цена которых для начала явно завышена. Здесь ценится умение торговаться, и через несколько минут торговец может уступить свой товар в 2-3 раза дешевле. Но сначала будет обязательный торг. Трудно удержаться от восхищения при виде ковров, сохранивших доведённые веками до совершенства краски и формы. Неожиданно на одном из них вижу букет из пышных роз. Заметив моё недоумение, хозяин объясняет: «Это для некоторых богатых туристов, предпочитающих такой рисунок, хотя он не имеет ничего общего с нашими древними традициями». Около лавки медника за небольшой наковальней сидит паренёк лет 10-11. Хозяин куда-то отлучился, и Хафьян, не прекращая звонко постукивать своим молоточком, охотно рассказывает о себе. Когда неожиданно умер его отец, он вынужден был бросить школу и наняться в мастерскую учеником. За три года успел постичь премудрости ремесла. Молодой мастер доволен тем, что устроен и может помогать воспитывать своих младших сестрёнок и братишек. Кем он мечтает стать, когда вырастет? Мальчишка явно растерян и не может ответить на этот вопрос. Слишком узок его мир, ограниченный четырьмя квадратными метрами мастерской и этой торговой улочкой, где его сверстники за работой уже забыли

детские игры. Я купил у Хафьяна только что изготовленные им из меди пепельницы, попросив отчеканить на них не инициалы хозяина лавки, а его собственное имя, имя мастера, сделавшего эти маленькие сувениры».

Наш турист, гордый, что у него в кармане имеется несколько долларов, с царственным видом спрашивает, а сколько долларов стоит та или иная вещь, а ему отвечают, что за доллары они не продают, а только за динары. Он (турист) уже менее уверенно задаёт этот же вопрос ещё в нескольких местах и убеждается, что его доллары здесь никому не нужны. Единственно кто их принимает, так это уличные бродячие торговцы, продающие различные цепочки, браслетики и т.п. товары, которые имеются и у нас, а также торговцы на туристических тропах, например, в Карфагене или деревне Сиди бу Саид, в которых мы также побывали сегодня.

Два слова о ценах. Например, джинсы: вельветовые – 12 динаров, фирм «Lewis», «Flipper» – 8,5, обычные – 6 динаров. Очки солнцезащитные – 2,500. Часы, в основном механические – 17 динаров. Костюмы мужские из ткани типа драп-дерюга – 30, обычные шерстяные – 60-80, брюки – 15, куртка кожаная – 27, рубашки (х/б) мужские – 6-12 динаров. Обувь мужская – 12, женская – 14-15 динаров. Ткани: батист – 3-6 динаров за метр, шифон – 7, какая-то чёрная с узорами – 9-11, есть и до 27 динаров. Изделия медников на Восточном базаре: за самые маленькие и невзрачные – 3-5 динаров.

По той же дороге, что и приехали сюда, по перешейку отправились в Карфаген. На озере Эль-Бахр нам издали показали остров Шекли, построенный испанцами и одно время использовавшийся в качестве тюрьмы. Вдоль берега моря повернули налево и через городок Ла-Гулетту, в котором летом из-за сильной жары спасаются многие жители столицы, и помчались к Карфагену – Новому городу, расположенному в местах, где находился его великий предшественник.

Эти места издревле заселялись людьми, но расцвет начался с приходом сюда где-то в XII веке до н.э. финикийцев, основавших здесь свои поселения. Историю же самого Карфагена связывают с именем принцессы Элисы, которая, спасаясь от преследований брата Пигмалиона, уехала из Финикии и обосновалась здесь. Интересна история о том, как ей удалось здесь поселиться. Местные жители разрешили Элиссе занять столько земли под дом, сколько поместится под бычьей шкурой. Тогда принцесса разрежала шкуру на тонкие, очень мелкие полоски и заняла такую площадь, на которой ей удалось построить крепость. Это произошло в 814 году до н.э. Судьба самой принцессы оказалась довольно трагичной. В конце концов, из-за интриг и различных происков она покончила с собой.

Постепенно Карфаген разросся. Карфагеняне вели широкую торговлю и шесть столетий спустя решили, что они могут со своим основным конкурентом Римом даже вести войну за обладание Сицилией. Как нам рассказали, начались так называемые Пунические (пуны – одно из названий местных жителей) войны. Большой вклад в них внесли Гамилькар и его сын Ганнибал. Кстати, по существовавшему тогда обычаю, Ганнибал должен был ещё младенцем быть убит в храме Тоффит, посвящённом богине Тонит. Обычай гласил, что первенец должен быть принесён в жертву

этой богине, Гамилькар вместо Ганнибала отдал сына своего раба. Эти обычаи хорошо описаны в книге Юстава Флобера «Саламбо». Ганнибал воспитывался в Испании в духе ненависти к римлянам и всю жизнь воевал с ними. Родился он во время первой Пунической войны (264-241 гг. до н.э.) в 246 г. и прожил 63 года. Он активно боролся с римлянами во II и III Пунических войнах, фактически спровоцировав вторую, когда напал на союзный римлянам г. Сагунт. С 212 г. инициатива стала переходить к римлянам. Заподозренный ими в подготовке новой войны Ганнибал бежал к сирийскому царю Антиоху, после поражения которого в войне с римлянами укрылся в Армении, потом в Вифинии. Когда местный царь под давлением римлян решил его выдать, он принял яд. Наиболее ярко полководческое искусство Ганнибала проявилось в 216 г. в битве при Каннах. В 149 году до н.э. римляне, опасавшиеся роста экономического могущества Карфагена, развязали против него войну. Этому немало способствовал политический деятель, лидер римских дельцов и торговцев Марк Порций Катон, каждое своё выступление заканчивавший словами: «Я считаю, что Карфаген должен быть разрушен». После трёхлетней осады город и в самом деле был полностью разрушен.

В настоящее время Карфаген – тихий, спокойный город на берегу моря, где расположены многочисленные виллы состоятельных людей, в частности и дворец президента Бургибы, окружённый высоким белым забором с узорчатым черепичным верхом.

После обеда удалось побывать на пляже и искупаться. По первым ощущениям вода была чуть холодноватая, но это только по первым. А само купание 26 октября и где – в Африке – просто чудо. Дно песчаное, ровное, песок мелкий-мелкий. Вокруг гостиницы и пляжа пальмы и прочая растительность, которая у нас обитает преимущественно в горшочках, а здесь это внушительные деревья.

Отдохнув и накупавшись, поехали дальше, сначала в деревню Сиди бу Сайд, названную так по имени человека, основавшего её и положившего начало отделке домов в два цвета – белый и голубой. Здесь категорически запрещено пить алкогольные напитки. В деревне проживает много художников, так как считается, что воздух здесь обладает особыми свойствами. После того как наши автобусы остановились, все отправились по небольшим лавочкам, владельцы которых живут за счёт средств, получаемых ими от туристов. И тут развернулся всеобщий «ченч». Аборигены требовали сигареты, некоторые – значки, хватались за часы и ручки и т.п. Мы с Розой торговались по всем восточным обычаям – за серебряный брелок с верблюдом с надписью *Tunise*. Хозяин начал с 10 долларов, а Роза, как и положено, с одного. Стучали в возмущении в грудь и по бёдрам, отходили, снова возвращались, он в это время, судя по тону, произносил что-то неприличное. В конце концов сторговались за два доллара. У нас было пять, а у него не было сдачи, но он их разменял у своей матери, столики которой, оказывается, стоял на противоположной стороне. Занятно.

Потом поехали осматривать Термы Антония, которые после разрушения Карфагена построили римляне. Термы нельзя представлять как современную баню. Это был своего рода общественный клуб, где имелись

банные помещения с бассейнами и гимнастические залы, собираясь здесь, римляне вели беседы, спорили и т.п. В Термах действовали система отопления и подогрева воды и другие устройства. Со временем, когда Карфаген опять стал тунисским, один из его правителей – Бей, приказал разрушить эти Термы, оставив одни основания, т.к. считал, что в них собираются люди, готовящие заговор против него. Так очередные развалины перекрыли предыдущие.

Осмотрев достопримечательности, отправились в Ла-Гулетту, на свой теплоход.

Приведу выдержку из статьи А. Григорьянца «Этот многоликий Тунис», опубликованной в «Известиях» за 8 июня 1986 года.

«Улицы Туниса поражают богатством человеческих типов. Черты лиц и цвет кожи спешащих по своим делам женщин в белых савсари, молодых людей в джинсах и кроссовках, стариков в шешия – красных шапочках с кисточкой, школьников в форменных блузах отражают смешение времён, рас и народов. Почти 30 веков страна была оживлённым перекрёстком истории, и она оставила здесь глубокие следы. Завоеватели (римляне) не только разрушили столицу своего извечного врага, но и засыпали её землёй, и уж на ней построили свой строго распланированный классический город. В VIII веке Карфаген второй раз подвергся разрушению. Пришли арабы. На отшумевшие и ушедшие в прошлое пуническую и римскую цивилизации наслои́лась новая. В Медине – средневековой части Туниса сохранилось много памятников арабской культуры – мечетей, медресе, мавзолеев. Кажется, из сказок Шахерезады пришёл сюда сук – восточный базар, этот лабиринт перекрытых кирпичными сводами улочек с торговыми рядами – чеканным, кожаным, текстильным, парфюмерным. Богата, очень богата земля Туниса памятниками былого: финикийскими гробницами, римскими зданиями, христианскими катакомбами, византийскими укреплениями, средневековыми мечетями, целыми турецкими кварталами. Наш бурный век придаёт стране новый облик. В Тунисе много строят: аккуратно, разнообразно, с национальным арабским акцентом в архитектуре и по-современному рационально. Местный колорит зданиям придаёт типичная для Туниса белая окраска с голубыми вкраплениями. Откуда такие масштабы строительства? Говорят о нефтедолларах стран Персидского залива, которых привлекает в Тунисе стабильность и осмотрительный курс страны. Но главное, конечно, собственные усилия тунисцев. Хотя страна их относится к группе развивающихся, по ряду основных экономических показателей она вплотную приближается к странам со средним уровнем развития. В Тунисе добывают свыше 5 миллионов тонн нефти и около 5 миллионов тонн фосфатов, производят удобрения и цемент. За годы независимости создан ряд новых отраслей – металлургия, машиностроение, электротехническая и радиоэлектронная промышленность. Примечательно: государству принадлежит около 70 процентов средств производства. Национализированы горнодобывающая, энергетическая, нефтеперерабатывающая промышленность и транспорт. В последние годы поощряется развитие частного сектора, например, в таких отраслях, как текстильная промышленность, туризм, ремесло».

27 октября 1981 года*Переход из Туниса на Мальорку в самый настоящий шторм.*

Всю ночь наш корабль шатало и качало, сверкали молнии, пенные волны разбегались от «Белоруссии» на половину моря. День начался с того же. В 8 часов призвали к завтраку, до этого снова предупредив, чтобы без дела не шатались по открытым палубам и не совали руки и другие конечности в дверные проёмы. На завтрак, держась за стенки, где короткими, где длинными перебежками, собралось до 2/3 пассажиров. Большой частью не пришли те, что разместились в носовой части, особенно в гранд и просто люксах. После завтрака я отправился в ресторан «Одесса», разыскал украинскую группу, и мне пообещали помочь с ватманом и красками для выпуска стенгазеты.

Денёк сегодня спокойный – в смысле беготни – в порт г. Пальма должны прибыть только в 19 часов, а за бортом пока шторм. Все начинают присваивать ему не менее 6 баллов. Для большинства из нашей группы, незнакомых с открытым морем, тем более в шторм, волны на первый взгляд вроде бы и небольшие, но море это же не стакан воды, в котором при качке всплески высоки. Здесь же волны идут широкие, мощные, и так как сопоставить их не с чем, остаётся только удивляться – чего это корабль так качает с носа на корму, но ещё хуже, когда качка боковая, тогда укачивает всех быстрее, но зато видно, как волны захлёстывают наше судно и бьются в иллюминаторы.

После ужина мы с Розой пошли на палубу, где сидели ещё наши из группы, наблюдая как теплоход подходит к порту г. Пальма. Сначала на горизонте появились цепочки огоньков, затем они стали расходиться влево и вправо, после чего мы вплыли в саму бухту, и они окружили нас со всех сторон. После этого проплыли мимо американского авианосца, подошли к чистому ухоженному причалу и пришвартовались.

Что же можно рассмотреть ночью в незнакомом месте? Увидели отличные автомобильные дороги, по которым мчались машины, возвышающийся на горе над морем огней замок, подсвеченный прожекторами снизу и сбоку, очередной вариант прекрасно подсвеченного варианта собора Нотр-Дам, контуры высоких зданий и море огней. Остальное увидим завтра...

И ещё несколько слов об этом поганом авианосце. Зачем ему здесь болтаться за тысячи миль от своей Америки? Мы, например, едем за 3900 миль, или 7200 километров для того, чтобы лучше узнать других, расширить кругозор, ну и себя показать. Но ведь без пушек и самолётов на борту. И ничего – всё показывают и рассказывают. А они?

И в заключение о сегодняшнем меню. На завтрак: масло сливочное, творожная масса, тушёнка говяжья, вермишель отварная с мясом, каша рисовая, чай, варенье, булочка, хлеб. В обед: салат «Яичный», колбаса варёная, суп рыбный, свинина духовая, соус чесночный, картофель запечённый целиком, зелёный горошек по-французски, салат из свежих овощей, мороженое, соус фруктовый. И на ужин: салат «Алиманде», сайра в масле, пирог блинчатый, тефтели по-молдавски, рис припущенный с маслом, салат из свежих овощей, пирожные, чай, хлеб.

Продолжение в следующем номере.

Таинство души и творчества

В декабре 2012 года в музее современного искусства состоялась персональная выставка «Сезім» деятеля культуры РК, академика Академии художеств, профессора кафедры дизайна ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, члена Союза художников РК, члена Союза дизайнеров РК Тилеужана Батанова, посвящённая Дню Независимости Республики Казахстан.

На выставке представлено около 140 произведений искусства: это живописные полотна и акварели, работы, выполненные в смешанной технике, и около 30 скульптур.

Тилеужан Батанов родился 24 декабря 1952 года в селе Саты Алматинской области. Великолепная горная природа близ озера Кольсай, где проходили его ранние годы, стала источником вдохновения в рисунках, которые он создавал с детства. Будучи учеником шестого класса, Тилеужан уже получил первое признание, выиграв художественный конкурс, организованный советским молодёжным журналом «Балдырган». Это были первые моменты осознания будущего выбора своего профессионального пути.

Тилеужан получил отличное художественное образование. В 1972 году он окончил Алматинское художественное училище им. Н.В. Гоголя. По рекомендации своего педагога Кураса Тыныбекова, он продолжил обучение в Львовском государственном институте прикладного и декоративного искусства, где получил специальность художника декоративно-прикладного искусства.

Именно в процессе обучения формируется творческая разноплановость художника, которая проявляется в стремлении работать в различных материалах и техниках. Одинаково легко автор создаёт и скульптуру, и живопись, и графические акварельные листы. Для искусства Батанова характерны многогранность и широта охвата жизненных явлений, которые находят отражение в сюжетах и темах его произведений.

Связь с национальной традицией выражается не только через символические образы. Легендарные мифологические герои предстают наравне с конкретными земными персонажами. Старцы символически выражают мудрость предшествующих поколений. Преисполнены женственности и утончённости образы казахских красавиц – «Келиндер», «Шыгыс кызы», «Жастар бейнесі», «Асия». Беркутчи, музыканты – с кобызом или домброй, – воплощают дух казахской национальной культуры. Они словно оживают, взаимодействуя друг с другом. Таков «Айтыс», где два музыканта-импровизатора состязаются в таланте слагать стихи под аккомпанемент домбры. В композиции «Угощение» традиционный ритуал преподнесения пиалы кумыса гостю символизирует казахское гостеприимство. Камерные проникновенные работы олицетворяют историческое прошлое казахского народа. Вообще, автор стремится в лаконичных формах воплотить наиболее важные, значимые составляющие человеческого счастья.

Молодость, любовь, красота, семья, диалог поколений – бесценные для любого человека понятия – находят визуальное воплощение в скульптурах.

Значительная часть художественного наследия Тилеужана Батанова представляет собой работы, выполненные в технике акварели. Удивительно, что один художник может воспринимать и отображать мир, обращаясь к языку одной и той же техники, столь по-разному. Так, в акварельных работах можно выделить несколько циклов: абстрактные композиции, пейзажные мотивы, символический портрет.

В своих абстрактных акварелях автор стремится через цветовую и композиционную напряжённость передать драматизм состояния современного общества. Для большей чёткости и выразительности линий художник комбинирует акварельную технику с дополнительными техническими приёмами, что позволяет достичь усиления эмоционального воздействия на зрителя.

Лирические пейзажи рождаются на одном дыхании, как мгновенный выплеск вдохновения. Таковы образы бесконечно прекрасных видов казахстанских ландшафтов – озёр и водопадов, степей и предгорий – в состоянии различных времён года, придающих цветовую сочность и насыщенность.

И, наконец, символические портреты, в которых автор стремится раскрыть и показать прежде всего женщин. Здесь появляются и легендарные героини казахских древних сказаний, и современницы художника. При этом автор не стремится изобразить конкретную личность. В этих портретах скорее происходит поиск неких универсальных формул воплощения определённых состояний – покоя, задумчивости, тишины, влюблённости.

Ряд акварельных работ посвящён жанру архитектурного пейзажа. В этих композициях во всей красе сочетания камня, стекла и воды предстаёт юная столица Астана – гордость и символ современного Казахстана, город, где в настоящий момент проходит активная творческая, преподавательская и общественная деятельность Тилеужана Батанова.

Живопись, как и акварельные работы, представляет очень разные по тематике и художественным приёмам работы. В абстрактные композиции – драматические и напряжённые – включаются элементы фигуративных изображений, вновь отсылающие к национальной символике.

Живописные пейзажные композиции перекликаются с акварельными по сюжетам и цветовому строю, но их отличает более насыщенная плотность цвета и фактурность в передаче пространства. В образах природы, воплощённых в живописи, автор передаёт свои эмоции и чувства, выражая бесконечный восторг перед красотой родной земли.

Тилеужан Батанов – необычайно разноплановый мастер. Он является не только скульптором, живописцем, графиком, дизайнером. Помимо творчества, он в течение многих лет ведёт активную преподавательскую деятельность. А его неоднократное участие в создании проектов оформления парковых зон Алматы и Караганды, а также в разработке оформительского решения центра «Думан» в Астане, свидетельствует о знании и владении автором новых направлений современного дизайна.

Сегодня Тилеужан Багыбаевич – один из ведущих профессоров кафедры дизайна в Евразийском Национальном университете им. Л.Н. Гумилёва. За время своей педагогической деятельности он воспитал не одно поколение художников-прикладников и дизайнеров.

Тилеужан Батанов является активным участником городских, республиканских и международных выставок. Автор получил международное признание, его произведения находятся в частных коллекциях Австралии, Америки, Германии, Грузии, Дании, Италии, Канады, России, Украины, Франции и других стран.

Тема преемственности поколений в творчестве Батанова стала символичной и знаковой и для его собственной профессиональной судьбы. Передача собственного художественного опыта и знаний в процессе преподавательской деятельности – это и есть выражение той глубокой мудрости и многовековой традиции казахского народа, на которых основано народное прикладное искусство, ставшее, наравне с природой, главным источником вдохновения в творчестве мастера.

Екатерина РЕЗНИКОВА,

кандидат искусствоведения.

Память сердца

С творчеством Татьяны Викторовны Бернякович я впервые познакомился лет десять назад и сразу открыл в ней родственную душу. Может, оттого ещё, что писала она о моей сибирской родине, милой моему сердцу купинской деревне, где я провёл в детстве у деда с бабушкой не одно лето. И те счастливые мгновения навсегда остались в памяти сердца. Правда, Татьяна Викторовна жила не в деревне моего детства, но такой на неё похожей...

Она немало поколесила по свету. Родилась в Павлодарской области Казахстана, в посёлке с вызывающим улыбку названием (это её собственное определение) Утиль-Цех, а самую важную, запоминающуюся пору детства – с пяти до четырнадцати лет – провела в деревне Хатуша Курской области, на родине матери, где покоятся многие её предки. Потом строила крупнейшую в мире Саяно-Шушенскую ГЭС на Енисее, работая там штукатуром-маляром; учила ребятшек музыке в дошкольных учреждениях Павлодарской области, а затем школьников прикладному искусству и русскому языку в селе Копкуль Купинского района Новосибирской области; потом здесь же была избрана главой сельской администрации, а теперь возглавляет Купинскую районную библиотеку. «Мой адрес – Советский Союз» – это про меня», – пишет о себе Татьяна Викторовна...

Увиденное и прочувствованное в жизни, обретения и потери – всё это требует выхода у творческих натур, и Татьяна Викторовна начала писать – в состоянии душевного смятения – и со временем осознала, что чистый лист бумаги может быть лучшим собеседником, а изложенные на нём чувства и мысли – лучшими способами исповедания и самопознания. Так она сама объяснила свою тягу к творчеству.

Начинала со стихов «для себя», потом стала пробовать себя и в прозе. Эти её первые литературные опыты были тепло приняты в Павлодаре, на творческих вечерах. Не раз она публиковалась на страницах «Звезды Прииртышья» – со стихами и «копкульскими» зарисовками. Подборка её стихов опубликована в коллективном сборнике поэзии купинских авторов.

И вот – первые литературные опыты, которые Татьяна Викторовна Бернякович предложила «Ниве». Они посвящены её землякам с малой родины, из деревни Хатуша, где она училась видеть и чувствовать все краски мира. Во многом отсюда – всё лучшее, что в ней есть, в том числе и тайная тяга к творчеству, по настоящему открытая ею самой лишь в зрелом возрасте.

В этих рассказах и лирических зарисовках и признание в любви к Хатуше, и память благодарного, всё помнящего беспокойного и равнодушного сердца... А роднит их все пронзительная авторская любовь к этому милому её сердцу уголку российской глубинки со всеми её обитателями.

О Хатуше она рассказывает другим, чтобы они узнали, прочувствовали и посочувствовали... «Не я первая пытаюсь как-то объяснить скорбь по умирающей деревне, – пишет автор. – Но это, наверное, как первая любовь – у каждого болит по-своему... Но, говорят, печаль очищает душу».

Вот и печаль автора – светлая. И в строках, посвящённых природе, которые я бы назвал подлинной поэзией в прозе, и в строках, посвящённых землякам.

На родине автору этих строк так хорошо, что даже «лягушки на ручье перекликаются голосами из её воспоминаний»... А с какой искренней любовью, при том мастерски убедительно, выписаны образы её близких и земляков!

И я даже отчасти по-хорошему завидую тем, кто впервые прочитает строки, посвящённые Хатуше, которая теперь будет жить и в моём сердце:

«А за плетнёвой стенкой спала моя деревня: с соловьиными садами, с глядящими на звёзды колодезными журавлями, с дремлющими вдоль межей подсолнухами, с заросшим вишняком и раkitником кладбищем, где покоятся моя бабушка и десятки поколений моих предков. Она, моя деревня, даже на расстоянии тысяч километров поддерживает мои силы, направляет мысли в чистое русло, даёт мне волю не сгибаться под ударами судьбы... Мир тебе, деревня моя».

Юрий ПОМИНОВ,

редактор-обозреватель Павлодарской областной
газеты «Звезда Прииртышья»,
член редакционного совета журнала «Нива».

Татьяна БЕРНЯКОВИЧ

Родина моей души

Большая часть моего детства прошла на родине мамы, в небольшой деревеньке Хатуше. Там мне было светло и тепло в любую погоду. Только душа – болит, болит, как будто что-то лежит в ней тяжёлое, что нельзя ни вынуть, ни забыть. Кажется, будто много поколений моих предков, лежащих в этой святой для меня земле, смотрят на меня и укоризненно молчат.

Много веков Хатуше. Сады, пасеки, красивые девки, статные работающие бабы – это была слава её. «Хатушинских девок не во всякую деревню и не за всякого отдавали», – говаривала с гордостью моя бабушка Серафима Ипатьевна. Но это было...

Сегодня в Хатуше три десятка домов, нет детей, нет молодёжи. А соловьёв стало столько, будто души всех умерших вселились в них и тихими светлыми ночами оплакивают обречённость гнезда человеческого... Понимаю, не Хатуша первая умирает в забвении, не она последняя. А душа всё равно болит.

После разделения всех и вся была попытка переехать из Казахстана и зацепиться за родную землю матери, землю дедов и прадедов. Именно тогда написала стихотворение своим землякам, разлетевшимся по России:

Уехавшим отсюда навсегда
В воспоминаньях детства греет душу
Деревня, утонувшая в садах,
С уютным женским именем – Хатуша.
Все окна на восход, не на закат,
Объята небом, солнышком умыта,
Четвёртый век у старых белых хат
Задумчиво качаются ракиты.
Но свадеб и родин давно не слышно,
Ложок бежать устал, затих и высох,
Не кружит аист в безмятежной выси, –
Они не строят больше гнёзд на крышах.
Гармони звон и молодёжи гам
Давно не рвут пустую тишину,

Лишь редкие собаки по ночам
Отчаянно тоскуют на луну.
Давно исчезли тропки между хат,
Дорогу полонил лопух, да сныть,
И вроде бы, никто не виноват,
Что некому в деревне нашей жить...
Опять весна. В цвету сады у нас,
Но некому солёвьи песни слушать...
Косицкие, вернитесь, хоть на час,
В деревню с грустным именем Хатуша.

Но, видно, душа моя предчувствовала неизбежное горе, которое нашло меня и на новом месте, и металась по земле... После двух лет трудов, после того как уже и собственное гнездо было свито, не выдержала... тоже предала...

Вот и в новый свой приезд в качестве гостя брожу по заросшим крапивой улицам – некому по ним ходить. Хлопочет загнанно сердце у каждого узнанного дерева, у крыльца старенькой школы с заколоченными окнами – некого и некому учить; встречаю редких стариков и старушек, не узнающих меня – это отцы и матери моих друзей детства, я их знала молодыми и красивыми...

И кружится в голове одна и та же, какая-то воспалённая мысль, как о покойнике: руки не подложишь, не жилец родная деревенька, не жилец...

И как бы удачно ни сложилась судьба, какие бы блага ни появились взамен сельских неудобств – всю жизнь с любовью и щемящей неутолённой тоской безвозвратной потери вспоминаю я деревню моего детства. И тянет, тянет меня сюда, хоть краешком глаза взглянуть, хоть глоток воздуха родного...

Вздыхает поезд. Слышу – «Арбузово!»,
Заскрежетали трудно тормоза,
А сердце первым выскочить готово,
Волнение туманом ест глаза.
Спешу, уже почти бегу по шпалам,
Через Ложок шагаю налегке,
И лишь сейчас мне ясно, как устала
Я без тебя, деревня, вдалеке.
Присели, будто притомились, хаты,
А раньше-то как весело глядели.
Теперь грустят, как будто виноваты,
Что в долгом ожиданье постарели.
– Ты чья же будешь? – спрашивают бабы,
И по следам бывалой красоты,
Сквозь груз годов светящейся уж слабо,
Я узнаю знакомые черты.
Не узнают меня. Я называюсь...
Лишь бабка Вера ближе подошла
И, как заведено, не мать, а деда
По отчеству и роду назвала...
Стою средь них, чужая, городская,
Далёкая от их забот и бед.

Сейчас уйду. Уйду, но точно знаю,
Тепло и мудро мне посмотрят вслед.
Я поброжу по детству ясным днём,
А завтра... завтра я опять уеду,
Но по ночам, когда покой кругом,
Душа моя летит сюда по следу...

И какие бы красоты ни окружали в настоящей жизни, во сне видится одно и то же: хата в яблоневом саду; плетень, заросший малинником и хмелем, луговина у мелеющего Ложка; сонные ракиты, склонившиеся к тихой воде; таинственный и печальный крик иволги, запутавшийся в их шелковистых кронах...

Бегу по улице, спешу, утопая босыми ногами в тёплой, ласковой пыли, ищу своё жильё и никак не могу найти. Узнаю каждый двор, каждую хату, а моей нет. Спросить бы у кого, заскочить бы к родным, но не догадываюсь или стыжусь чего-то... Так и просыпаюсь утром со смятенной душой, запыхавшейся, заплаканной, только что вернувшейся с родины...

«Живой в помощи Вышнего...»

Памяти моих предков, «лежащих и здесь, и повсюду...»

Лет тридцать назад поехали с мужем по туристической путёвке – из Павлодара по «Золотому кольцу России». Автобус, аэропорт, перелёты в Москву, в Великие Луки, гостиница... Утомлённые за 2 дня бесконечными пересадками и переездами, мы с вечера решили: путёвок, хотя и бесплатных, жалко, но душевный комфорт дороже. Утром объявили, что не хотим ехать по маршруту, а поедем в Курскую область, в деревню...

... И вот мы в Хатуше. Теснимая разросшимися лесами, она стала ещё меньше, ещё глуше. Обречённо смотрит моя деревня утомлёнными глазами стареньких хат на поздно пришедший асфальт, поперёк, по живому, перерезавший тихие, поросшие муравой две её улочки. Огромные, как холмы, кроны печальных раки расстелили густую тень по тихим водам Ложка. Прогретый солнцем почти неподвижный воздух играет маревом над изумрудными-сизыми полями ржи, окаймлёнными незабвенными васильками. Обволакивающую, усыпляющую тишину июньского полдня нарушают лишь жизнеутверждающие песни жаворонков, знающих о счастье что-то такое, чего не знаем мы, люди ...

Не я первая пытаюсь как-то объяснить скорбь по умирающей деревне. Но это, наверное, как несчастная любовь – у каждого болит по-своему. Горе потери родины калечит наши жизни. Просто мы об этом не догадываемся и живём дальше ущербными, такими, какими стали от печали утраты.

Муж никогда не бывал в этих краях, и я спешила показать ему всё, чем жила и что любила в детстве: Калюгу – узкую протоку, заросшую теперь ольшаником, увитым хмелем, где в половодье ловила с братом щурят, ничейный Любин сад, где в парной тайне запустения созревали самые сладкие «дули» – груши в кулак величиной. Я угощала его вишнёвым «кле-ем», который мы ели в детстве, им же клеили свои поделки. Водила на обрывистый берег Ложка, который мы, ребяташки, мазали глеем (голубой глиной), чтобы, замирая от восторга, скатываться по нему в воду. Как великое чудо показывала «копоня» – глубокие небольшие озера, оставшиеся после добычи торфа. Края их буйно вихрились цветущим кипреем и иван-чаем, а в прогретой у поверхности, невозможно прозрачной воде, таинственно темнеющей в глубине, плавали головастики и чернели широкими спинками караси.

Мы бродили по окрестностям целыми днями, возвращались усталые, исцарапанные, искусанные комарами. Но уже с вечера я строила планы на завтра, чтобы успеть наглядеться, запомнить, впитать запахи и звуки моего детства, так нечаянно, подарком судьбы, вернувшиеся ко мне на эти недолгие дни-мгновения.

Однажды нас, тихо бредущих по улице, окликнула незнакомая пожилая женщина. Любопытство здесь не считается недостатком. Старушка остановила приезжих, чтобы спросить, чьи гости, откуда. И родство нужно называть по бабке-деду, а не по отцу-матери – это я помнила.

– А-а, внучка Ипатьевны! – обрадовалась женщина. – А ты меня, деточка, не признаёшь?

Мне было неловко, но я никак не могла распознать знакомое когда-то молодое лицо под сетью грубых, незнакомых мне морщин.

– Ды ты не тушуйся, – успокоила собеседница, – не тушуйся, где ж тебе всех нас узнавать! Тётка Симаня эвон скольким людям помогала – разве упомнишь.

И старушка стала подробно рассказывать историю своей болезни, от которой её вылечила моя бабка – Серафима Ипатьевна (тётка Симаня). «И сколько живу, столько и молюсь за упокой её души!» – закончила она свой рассказ, и мы попрощались.

В эту ночь мне мешали уснуть взбудораженная память и какая-то умиротворённость. Я тихо радовалась тому, что, благодаря неудачной попутчице, не поехала по неизвестным, пусть и раскрасивейшим местам, а заглянула вот сюда, в мою деревню, которая пятый век в страданиях и муках, в неблагодарности и забвении, терпеливо рождает России хлебопашцев и лётчиков, врачей и учителей, воинов и музыкантов...

Господи, как хорошо! И сеновал, на котором мы ночуем, пахнет так же, как в детстве, и лягушки на ручье перекликаются голосами из моих воспоминаний, и соловьи, встречая лето, самозабвенно изливают в россыпи трелей любовь к миру, к жизни, к этим садам и тихим речкам ...

А ещё я вспомнила бабушку. Она была очень крута характером. Именно она управляла домом и семьёй, вела хозяйство. Она была, как теперь принято говорить, трудоголиком. Я не могу вспомнить её в состоянии покоя. Разве что в наших с ней походах в леса и луга за лекарственными травами. Там она ходила медленно, говорила негромко, благостно. Это от неё я запомнила 2-3 десятка названий и назначений растений, которыми, как это ни странно в век лекарственного изобилия, пользуюсь и сейчас.

Бабушка даже умерла почти на бегу. С вечера занемогла. Утром попросила пельменей, чем сразу всех удивила, так как пельмени она терпеть не могла. Съела всего один. А потом заявила, что ей пахнет ладаном:

– Идите-ка все сюда (легла на лежанке). Дюже слабая я нынче. Да не голосите – помираю я...

Распорядилась под сдавленные рыдания матери, в чём хоронить, возле кого положить, кого звать «на обряжение», а потом велела позвать деда и всех соседей на прощание и прощение...

В решении всех семейных проблем последнее слово было за бабушкой. На тех, кто пытался противостоять её натиску, она обрушивалась ураганом. Ругаться она умела мастерски, переспорить её кому-либо было просто невозможно. Интересны были некоторые её «страшные» бранные слова, это я поняла, когда подросла. Чего стоили её «проклятья» в адрес нас, ребятишек: «лоском тебе ни паложь!» да «гром тебе ни рази!». В общем, всё это ставило бабку в разряд не очень, мягко говоря, лёгких людей.

Но она обладала даром, превышающим все её недостатки, – молитвой, руками и травами она умела лечить, и была замечательной повитухой. Практически вся деревня 63-го года (в 1963-м она умерла) от сорока и до младенца, родилась на её руках.

Помню, как однажды приезжала фельдшерица с милиционером, кричала на бабушку, запрещала ей принимать роды. На что та выдала:

– До тебя, тряшшотка (так она произносила слово трещотка), 12 километров, ды без дороги. А я – вот она. Покажи мне хоть одного дитёнка, которому я хворь занесла или пупок не так завязала? Говоришь, что «к счастью, нет таких»? Ды, канешна, к щастью! А я табе твои промашки хоть щас покажу! Глянь на животик Валюшки Палыщевой! Девка подрастёт, взамуж пойдёт, с её ж пупка мужик со смеху околеет!

А потом повернулась к милиционеру, пытавшемуся сказать что-то об уголовной ответственности:

– Ды хоть щас сажай! А что делала, то и делать буду! Что ж я нехристь какая, дам живому человеку помереть? А теперь пошли вон из хаты! – шагнула к порогу и широким жестом распахнула дверь.

На том и кончилась борьба недоразвитой сельской медицины пятидесятих с моей бабушкой.

Принимать роды, в моём тогдашнем понимании, – искусство не бог весть какое. Дитя, как говорила бабушка, в утробе не останется, волей-неволей родится. Только надо «укрепить роженицу», чтоб «не напугалася и своё дело правильно понимала», и младенца «обиходить».

А вот лечение заиканий, испугов, «срывов» спины и многого другого – для меня было такой тайной, что я раз и навсегда простила бабушке все её остальные причуды.

Посторонние люди в нашей хате бывали довольно часто. Приезжали и из дальних сёл. Бабушка никогда не назначала и не брала во время лечения подарки, гостинцы. Она говорила, что возьмёт гостинец только из рук «исцалённага». Хорошо помню, что иногда и отказывала больным: «Не-не, табе у больницу надоть. Покажи-ка ета дахтурам». Но чаще, высоко закатав рукава, долго, как будто собиралась делать операцию, мыла руки. Затем, перекрестившись, с тихим шёпотом «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога небеснаго водворится...» подходила к больному, спокойно и уверенно начинала священнодействовать. Обычно я сразу же засыпала, сидя на лавке. Когда же мне удавалось досидеть до конца, я всё равно ничего не понимала. Только помню, что иногда в процессе лечения бабушка часто и мучительно зевала...

Вдыхая запах сена и мяты, я всё думала о том, какими сильными, древними знаниями обладала она, моя бабушка, а ведь была совершенно безграмотной. И бытовали, хранились эти добрые знания на моей земле, вот здесь, в моей деревеньке Хатуше. Значит, имела бабушка способности перенять их от кого-то, имела хотение и терпение применять их на пользу людям. Вот и через 40 лет после смерти её помнят здесь, на родине, помнят те, кому она помогла выжить.

Как я сейчас сожалела о том, что бабушка рано умерла, и я не научилась от неё такому редкому и человеческому искусству...

А за плетнёвой стенкой сеновала спала моя деревня: с соловьиными садами, с глядящими на звёзды колодезными журавлями, с дремлющими вдоль межей подсолнухами, с заросшим вишняком и раkitником кладбищем, где покоятся моя бабушка и десятки поколений моих предков...

Она, моя деревня, даже на расстоянии тысяч километров поддерживает мои силы, направляет мои мысли в чистое русло, даёт мне волю не сгибаться под ударами судьбы... Мир тебе, деревня моя.

То, что сильнее нас

Не узнать мне мест моих родных,
Словно детство подменил мне кто-то,
Милый мой Ложок зарос, затих
И меж бывших улиц лёг болотом.

Запоздалый утомлённый цвет
С яблонь старых сыплет сединою...
Тех уже в моей деревне нет,
Кто бы любовался здесь весною.

Зарастают нежитью сады,
Стынут хаты в скорби молчаливой,
За Хатушей – горький знак беды –
Кладбище, заросшее крапивой.

Как мне больно, больно сознавать,
Что и я в том виновата тоже,
Но уже деревню не поднять,
Не жилец, и руки не подложишь...

Только там, где времени река,
Где простивших и ушедших души,
Милосердно примут облака
Облик исчезающей Хатуши.

Сейчас, когда я пишу эти строки, медленно, но невозвратно исчезает родина моя – моя деревня с лица земли, с карты государства Российского. И я ничего не могу сделать во имя её спасения, и чувство вины не даёт быть не то чтобы счастливой, но хотя бы спокойной...

Наверное, поэтому предназначение лично моей памяти я вижу в том, чтобы перенести на бумагу из моего детства образы моих земляков, которые были, может быть, самой лучшей частью России. Чтобы боль моей души не была бесплодной. Чтобы боль душ хатушенцев, разбросанных по России, нашла приют хотя бы в моих воспоминаниях.

В маленьком, но уникальном мире под названием деревня Хатуша, хранилась самобытная культура русской деревни во всех её ипостасях. Хранилась во всех взаимосвязях, которые диктовали естественность поведения, умение с достоинством, без липкой опаски произносить свои мысли, умение жить на миру, то есть с постоянным сознанием того, что твоё слово, твой поступок будут на виду, будут оценены, и нет того тайного, которое рано или поздно не стало бы известно всем. Хранилось умение страдать, жертвовать, терпеть...

Хатушенцы, как и миллионы россиян в тысячах деревень России, несли в себе величие духа простого сельского жителя. В следовании многовековым традициям было интуитивное, но мудрое самосохранение деревни.

И самая большая потеря нашего государства – потеря этих тысяч деревень – носителей национального духа россиянина в его первозданной естественности.

Память возвращает в детство, то время, когда мы были счастливы от ощущения всей жизни впереди, возвращает, чтобы не забывали мы, откуда родом, кому и чему обязаны наличием души, кому должны отдавать долги свои.

Криминальная яичница

В приснопамятные пятидесятые годы планом на сдачу сельхозпродуктов облагался каждый двор: молоко, яйца, шерсть, кожи – всё обязан был сдать крестьянин с личного подворья. Того, что он вкалывал от зари до зари за палочки-трудодни, видимо, было мало. Занозистые, голосистые бабы насочиняли в те годы десятки частушек про план, особенно много о сдаче яиц государству. Как понимаете, тема благодатная.

Деревенская трагикомедия под названием «выполнение плана по яйцам» у меня и сейчас стоит перед глазами.

По улице, опаско колыхаясь на колдобинах, ползёт телега, уставленная корзинами, рядом – с тетрадкой и карандашом, заточенным с двух концов, молоденькая Райка – секретарша, а впереди, как ищейка, вертя головой влево-вправо – учётчик хатушенской бригады Окумец. Он лично заходит в сарай и считает куриц, если хозяйка пытается sluкавить и выговорить себе «льгу» – отсрочку. Бабы-язвы назвали его незавидную должность «шшупальшик». Но Окумец, как видно, не тяготится ею, в смысле должностью.

А сам предсельсовета Савельич, грузный пожилой мужчина, свесив «родную» ногу, со страдальчески отсутствующим лицом, правит лошадью. У него такой вид, будто ко всей этой катавасии он не имеет никакого отношения, вроде как зуб болит.

Савельич возглавляет «процессию» сборщиков, когда горит план по заготовке. А горит он почти всегда. И вот, уложив костыли в телегу, вынужден он лично участвовать в этой постыдной операции. Савельича в деревне очень уважают и когда могут, стараются выручить, он это знает. А вот когда невмочь всем, происходят разные непредвиденные истории, хоть кино снимай. Вот как сегодня – не задался день у заготовителей.

Учётчик, опережая всех, заскакивает во двор, когда Сидоровна сечёт тпаккой бурашник поросятam. Радости его появление, видать, не вызвало.

– Ну и што? Што вы опять шплетесь по дворам, покою от вас нету! – с ходу вместо здрасте, пошла в контратаку хозяйка, отряхивая зелёнку с рук, – какие щас битки, хто вам их нанёс, петух, што ли?!

– А ты горло-то не дери, вон сколько курей у дворе! – парировал учётчик.

– Ды они порасквохтались все, вынь шары из пол-литра! Конец же июнь-месяца, или ты благой, в деревне уже не живёшь боле, не знаешь?

– А вот я щас гляну, как они расквохтались, брехать вы все мастера! – и с этими словами Окумец шагнул к сараю.

– А вот тах-та расквохтались! – шагнула поперёк дороги учётчику Сидоровна. Резко, не глядя, нагнулась куда-то вбок, схватила подвернувшуюся квочку за крыло и махнула ею по морде опешившего мужика.

Курица, отброшенная в сторону, обморочно кудахтнула и метнулась в сарай.

– Ах ты, зараза! – отскочив, заблажил Окумец, – я ж при исполнении, гада ты такая! Я ж тебя засужу за фулюганство! Я ж...

– А ты што, пряников от ей ждал? У ей же трое на руках, ды без мужика, – охладил его пыл Савельич, со спартанским спокойствием наблюдавший этот цирк, тяжело опираясь на плетень, – хорошо што квощкой, а кабы тяпкой...

И, сутулясь, закостылял к телеге.

Хатушенские бабы и не такие фокусы выкидывали в рамках «выполнения плана». Вот в прошлую «эпопею» по заготовке яиц, на той неделе, тётка Вера Рыбалка прямо при заготовителях, в ярости гоняясь за курами по двору, поотрубала головы трём несушкам. Про это вся деревня и по сей час гудит. Летом в деревне курицу режут только в двух случаях: либо курица сдыхает, либо человек умирает. А тут – три за раз...

Ленка-Ягодка собирала яйца из-под квочек и поставила плетушку на лавке. Выбивая половики-ряднушки на перилах крыльца, она увидела «процессию» сборщиков в начале улицы. На секунду Ленка замерла, что-то соображая, и, как тигрица, сиганула в хату. Подкинув в печку сосновых хлыстин, Ленка загремела ухватами-чапельниками...

Вошедшие минут через пятнадцать заготовители оторопели от её наглости, такого ещё не было в их богатой на анекдоты практике: Ягодкины дочери-погодки – Катька, Танька и Валька, сидя за столом, обжигаясь и причмокивая, с удовольствием, прямо нарисованным на их уже измазанных желтком рожицах, лупят из огромной чугунной сковородки яичницу.

– Вот, о двадцати яйцах! – с вызовом сказала Ленка. Перед онемевшими гостями она звякнула на стол три алюминиевые ложки: – А присаживайтесь, коли захватитя!

Савельич крикнул, что-то пробурчал про язву и, кивком головы, вывел свою команду наружу.

Подходя к хате Ермолая Стефаныча, он устало упал на завалинку. Его «банда» в это время принимает яйца от соседей, уже из крайних дворов. Девяностолетний хозяин, благообразный, богомольный, седой как лушь, подходит к сельскому главе и с участливой готовностью усаживается рядом. Он собрался слушать то, что слышал уже не раз.

Трясущимися руками Савельич крутит сигарку, просыпая самосад на штаны и заношенный, как собаками обгрызенный, деревянный протез, привычно и как-то обречённо начинает проклинать и свою «жисть», и этих «подлюк из района», и всех куриц на свете:

– Стехваныщ! – со стоном взывает он к степенному старику, – ды пропади оно всё пропадом! Ета ж надо! У детишек последний биток отымаем, га?! Воевал – довоевался, старый кобель, на старости лет стыдобу такую терплю кажинную неделю, га?! Всё! Последний год!

– Терпеть надо-ть, – сочувственно, как малого ребёнка, уговаривает Стефаныч страдальца, – тебя люди назначили терпеть за них, согласился – значит терпи, уважай народ. – И добавляет с высоты своего дремучего возраста, – оно пройдёт, усё наладится, только потерпеть надоть... – И Савельич терпит дальше.

Потом снова подходили выборы. И те же бабы, срамившие его всё лето, не раз поминавшие его в частушках не совсем приличными словами, те же бабы снова уговаривали его тянуть ярмо председательства. Человек Савельич был совестливый, а в человеке того времени, прежде всего, «дюже почиталась» совесть, – так жила деревня.

Был он помощником и советчиком многим несчастным, занужденным, замотанным бабам. С загулявшими, а то и распускающими руки мужиками, совмещая функции суда и прокуратуры, Савельич подолгу балакал, иногда и костылём, и помогало обязательно. Некоторым – на долгие годы.

«Ванька-Шкурочка»

У деревни свои законы и правила. «Всякого отчество знают, да не всякого по отчеству величают», – предостерегающе намекает пословица. Кого-то едва ли не с пелёнок почтительно зовут Иваном Ивановичем, а кого-то и при седых висках «Ванька – Шилом Бритый» кличут. И что интересно, никогда не ошибётся острая на язык деревня. Раз-два прозвучала кличка – всё, как прирастёт, да не на одно поколение распространится. И ох, немало доброго нужно сделать тому, за кем по жизни потянулось «папашкино приданое», чтобы где-то обронить его ненароком.

Деревенские клички, а в Хатуше были они практически у всех, – это и приговор, и характеристика. Редко, вопреки бытующему мнению, подчёркивали они физический недостаток или внешнюю особенность человека, вроде Федька рябой или Петька рыжий. Обычно клички отражали личные или родовые черты характера, указывали на пороки нравственного, этического свойства. Да не просто указывали, а убийственно высмеивали. Были клички, которыми носители гордились, так как подчёркивали они неоспоримое достоинство человека: Коммунистка, Орешек, Ягодка, Соловей, Геройка...

В Хатуше не было двора, не было человека без «кликалки». Названный по фамилии не был узнаваем, и даже имя-отчество иногда не помогало, так как жили в деревне столетиями одни и те же фамилии. Считалось, что самому старому роду в Хатуше – роду Косицких – более трёхсот лет.

Косицких Валентин Петровн было в деревне – 2, Николаев Иваныч – 3, одних Косицких Марий – аж 4... поди разберись, о ком речь. А сказал – Шшука, Коммунистка, Геройка или Долбица – и сразу ясно, о какой из Марий речь.

О деревенских кличках хорошо бы написать книгу, и назвать её «История деревни Хатуши». Это и была бы самая полная история жизни целых поколений в их поступках.

Клички «молодые» и «старые» бытовали рядом. Старые, родовые, передавались по наследству от деда-прадеда. Молодые – получали сами их носители уже за свои поступки или черты характера. Косицкий Михаил Фёдорович вспоминал о своём имени-отчестве только на собраниях, в остальных местах он был Мишка-Керя.

Кличкой наградил себя он сам. По возвращении из армии уже в послевоенное время, ляпнул, что на флотском «языке» керя – это друг. И по пьяному делу от широты душевной и радости возвращения на родину лез ко всем обниматься с громогласным ором на всю улицу: «О, керя! Здорово! Вишь, я возвратнулся!».

Дергач, Ягодка, Ряптух, Кошелик, Гарбуз, Крецит, Турла, Леська, Кудреватый, Долбик (дятел), Болтух, Орешек – и этот ряд можно продолжить до сотен кличек.

Позорную кличку Шкуроцка (шкурочка) носило четвёртое поколение Носовых. Правда, употребляли её с оглядкой, только в исключительных случаях. Из-за неё младший «шкуроцка» – прямой, трудолюбивый Гришка – даже дрался не раз. А история этой клички – история голодного времени, когда каждый человек решал для себя сам, что важнее: совесть или сытость.

Хатуша выживала трудом, но с трудом. Колхоз, кое-как со слезами собранный в ...-ом году, за двенадцать лет так и не смог подняться. Засуха второй год стыдобою заголяла поля уже с середины лета. Осталось несколько десятков коров да сотня овец на всю немалую деревню. Берегли хозяева тощую свою живность пуще глаза. Пастуха нанимали за еду да стакан зерна за голову, – какое дадут.

И рада была Хатуша, что в эту весну удалось уговорить пастушить Ефрема – осиротевшего трезвого, но болезненного мужика. Умерла его Гашенька с новорождённым мальчонком от тифа по зиме. И хоть был он безродный, из деревни уходить не захотел. «От родимых могил – не пойду, – твёрдо сказал, как отрубил, – бобылём всё равно, где жить».

Кормили Ефрема по очереди. Когда ему по пустой хате колготиться с горшками да чугунками, резонно решили сердобольные бабы. Но уже с весны начались у пастуха напасти – стали пропадать овечки, прямо в деревне. Вот вроде и дошла скотина до крайних дворов, вот уже стали распознаться по загонам смирные, утомлённые коровы, разбегаться бестолковые, вечно перепуганные овечки, ан нет. За два месяца пропало 3 штуки.

Собрались хатушенцы на сход. Поднялся крик, посыпались проклятья, не понять на чью голову. Пастух божится, что всё пересчитывает прямо перед деревней, и в деревню загоняет полностью всё стадо, и волков ни разу не видал...

– Ды што тута шшытаты! – дрожащим от обиды слабым голосом вскрикивал он, – я их кажинную у морду уже знаю! – и клялся страшными клятвами, что к пропаже овечек отношения не имеет.

Сход так и разошёлся ни с чем. А как честность Ефрема попала под сомнение, его душа страдала. Тиско ему стало, как говорил он, принимая по утрам скот от хозяев. Но сколько верёвочке ни виться... решил он выследить вора своим способом.

Пригоняя вечером стадо, нарезамн на кнутовище отмечал он, сколько в какой двор заскочило этих бестолковых тварей-овечек. И вот во двор Ивана Артёмовича, уважаемого крепкого мужика, метнулась лишняя овца, чья, не разглядел Ефрем. Постояв у плетня в надежде, что хозяева вытолкнут чужую животину за ворота, и не дождавшись, двинулся пастух дальше.

Но не успел он ступить на порог своей хаты, тут же прилетела Дуська Мишечкина и, уже в глаза понужая Ефрема «проклятуцим» и «кажеником» (прокажённным), потребовала «сей секунд» найти овечку.

– Не тряйши, цыть! – прикрикнул на неё Ефрем, – скажи Мишке, нехай сам ко мне прийдёт.

Дуська, маханув своими холстяными юбками, тут же исчезла.

Мишечка ждать себя не заставил, запыхавшись, ввалился в хату и упал на лавку.

– Здоров будь, – отдуваясь, быстро сказал он, – ну, про што балакать будем?

– Грех на душу не возьму, не скажу, что прикрыли твою ярку, но при мне не выгнали за ворота, как добрые люди делают, – сказал в раздумье Ефрем.

– Кто?! – подскочил Мишечка.

– И люди-то не нам чета, – рассуждал Ефрем, будто не слыша гостя.

– Ды не томи ты, не крути, – обиделся Мишка, – я сам ряшу, хто кому щита, а хто не!

– Иван Артёмичев двор, – как-то неуверенно проговорил Ефрем.

– То-то, гладкий гадюка ходит, морду задирает, то-то поверх голов поглядывает! – взвился пострадавший, – а я вот нутром чуял, что гнилой он мужик!

– Да погоди ты, благой! Чего подскочил? Можа, ещё и ошибка, можа, пока мы тут рассуропиваем, уже выгнали твою ярку на улицу.

– Ага, они выгонют, как жа, жди! – задохнулся от ярости Мишечка.

Но, закулив из кисета Ефрема, чуток успокоившись, как быть дальше, мужики всё-таки порешили.

Ближе к ночи, с фонарём и старостой Сидором Кирсановичем для острастки, пошли во двор Носовых.

Ворота на стук долго не отпирали. Но, несмотря на позднее время, ложиться здесь ещё не собирались. Хозяйка, востроносенькая быстроглазая Улита, утирая замызганным фартуком руки, ушмыгнула за печку, хозяин как-то растерянно затеребил бороду, но, ответив на здоровканье мужиков, недовольно загундел:

– На ночь глядя, чего шалаетесь, чего семью страшшаете?

Сидор Кирсанович выступил вперёд:

– Не посчитай за обиду, Артёмыч, но надо бы овечек посмотреть, Мишечкина ярка пропала.

– А кто сказал, что у меня? Нетути у меня никаких лишних овечек, – приходя во гнев, заявил хозяин, – и пошли вон со двора, коли с таким наветом пришли!

Тут уже и Ефрем не утерпел, отодвинув тихонько Сидора Кирсановича, шагнул вперёд:

– А прости за ради Христа, Иван Артёмыч, только я сам видал, как заскочила лишняя голова в твой двор. Давай глянём. Ну, нетути, ды и нетути. Прощенья попросим. А ну как ты не доглядел, а она у тебя? Срамота – она тебе потом на што?

Хозяину ничего не оставалось, как провести непрошенных гостей в сарай:

– Ну глядите, коль не повылазило! – стукнув дверной щеколдой, оскорблённый, отступил он от проёма...

Да отступил неудачно, поскользнулся на гнилой соломе, что была натрушена обочь двери, и неловко завалился навзничь. Ефрем повернулся к нему с фонарём, чтобы сподручнее было встать пожилому человеку. Мужики с готовностью кинулись помочь и остолбенели: правая нога Ивана Артёмовича, сдвинув солому, неестественно вывернулась на свежей окровавленной овечьей шкуре.

– Эх, – морщась от боли, со слезой и ненавистью в голосе простонал хозяин, – шкурошца подвела!

Мишечка, опомнившись, рванулся с кулаками, но Сидор Кирсанович перехватил его за рукав:

– Завтрева будем разговаривать! – и, сплюнув, молча пошагал со двора. За ним потянулись, не оглянувшись, и Ефрем с Мишечкой.

А «завтрева» разговора никакого и не было. Дуська Мишечкина, ещё то ботало, встала не только раньше коров, но раньше всех петухов. И пока стадо дошло до края Хатуши, уже все знали – Иван Артёмович съел Мишечкину овечку.

Скотину со двора Ивана Артёмовича, вопреки заведённому порядку, теперь выгоняла и встречала сама Улита. За ярку младший сын Ивана Артёмовича принёс потемну Мишечке свою ярку и полуведёрко муки.

Сам же Иван Артёмович как в воду канул. Но по слухам, уехал вроде к доктору в город, лечился и жил там, у старшего сына. Вернулся только под осень с костылём под мышкой. На улице не показывался. Болел ещё долго, и хотя костыль к весне бросил, хромым он остался навсегда. «Господь пометил», – в спину ему неприязненно замечали бабы.

Но вот что интересно: кличка-то к Ивану Артёмовичу прилепилась не «хромой», что было видно всем и издаля, а «шкуроощка», что услышали от него самого первые три свидетеля его позора. Так и переименовался до конца своих дней раньше всеми уважаемый, «дюжа вумный мужик» Иван Артёмович в Ваньку-шкуроощку, обесчестив своих потомков на несколько поколений вперёд.

Кузнец

«Кузню» – просторный, обмазанный глиной плетнёвый сарай, каждую весну «благообразили»: по наряду бабы шпаровали трещины и выбеливали её мелом. Какое-то время стояла она непривычно, как будто даже стыдливо нарядная, но после двух-трёх дождей, казалось, с облегчением, обретала прежний вид. Внутри же – не ремонтировали вовсе.

С пригорка, густо поросшего гусиной лапкой, смотрела кузница развёрстыми воротами на дорогу и песчаную отмель ручья. Спину её, выпирающую от старости дугой, надёжно подпирали вольготно раскинувшиеся заросли вишен и слив, украдкой выползшие из границ садов и теперь буйствующие на воле.

С полыхающим горном, змеино-шипящей бочкой, надсадно дышащими мехами и лешеватого вида кузнецом – дедом Боженем, постороннему она могла показаться преисподней. Но это было любимое место хатушенцев мужеского полу.

Брёвна, зачем-то лежавшие у стены кузницы уже много лет, были не просто ошкурены, но уже отполированы задами мужиков, приходивших сюда по делу и без дела.

Покосившиеся двустворчатые ворота кузни никогда не запирались, так просела перемычка, и врос в дернину порог. Божен, заканчивая работу, просто притворял воротины да накидывал клямку на вбитую вместо ручки скобу.

В пятидесятые годы Божену лет уже было немало. Он видел и первую мировую, и гражданскую, и Отечественную. Уходил, воевал, возвращался, как заговорённый, невредимым, сдавал военную одежду и награды Нюше в сундук... и снова молча становился к своей наковальне. Вроде никуда и не отлучался, так, по крайней мере, казалось не одному поколению хатушенцев.

Был Божен богатырём, по-другому не скажешь. Роста среднего, но плечист, кряжист, как на век поставлен на земле. Чуть согнутые в локтях, мощные и в старости, перевитые венами и буграми сухих мышц руки, увенчанные широкими, короткопальными ладонями, имели вид огромных клешней.

«У такой-та руки попадать опаско, – глядя на Божену, приговаривали мужики, – и жалеючи сожмёт – не выдохнешь!».

Полуседея волнистая борода окаймляла высокоскулое лицо Кузнеца и пряталась на груди, уходя под нагрудник жжёного-пережжённого кожан-на-фартука. Так он «хоронил» её, чтобы «не искушать богатым добычем» огонь. Пламя горна бликами играло на его покойном лице, придавая всему его облику величие и некую таинственность.

Божен от природы был немногословен, но умел слушать, и деревенские говоруны приходили в кузню побалакать. Правда, ненадолго. Кузнец тут же молча совал им в руки клещи с сыплющей малиновыми искрами железкой в зубах. А крутятся у наковальни и перекрикивая стук молота, много не набалакаешь. При поковке обычных поделок был Божен и молотобойцем, и подмастерьем одновременно.

– Гк! Гк! Гк! – на носовом выдохе, с закрытым ртом и сжатыми зубами, не хлопоча лицом, не поведя бровью, чуть отклоняясь корпусом назад, он легко вскидывал молот одной правой рукой и весёлым звоном обрушивал его на наковальню.

– Залюбуисси! – восхищённо вздыхали мужики.

Звон наковальни с самого раннего утра благовестом разлетался над дворами и садами, летел над ручьём, уносился за деревню, поднимаясь куда-то к небу, как будто оповещал всех: просыпайтесь, добрые люди, новый день пришёл, радуйтесь ему! Голос кузницы – это и был голос Хатуши той поры. Звенит наковальня – живёт деревня...

Вроде как в противовес серьёзной, строгой внешности Божен был так добр, что и разу не прикрикнул на ребятишек, как бы они ни мешали, бесперечь путаясь под ногами, не обидел недобрым словом ни одного человека в деревне.

А вилась в кузнице соседская ребятня всё лето. Был здесь один привлекательный предмет – мехи горна. Понимая, что кузня не подходящее место для ребятишек, а избавиться от этой детской напасти с его характером невозможно, привязал Кузнец длинную верёвку к мехам и продел её через блок в стропиле. Теперь мальчишки могли раздувать мехи с расстояния, это было своего рода дистанционное управление. Как только они появлялись на пороге, Божен смягчал лицом, снимал петельку «привода» с гвоздя и протягивал ребятишкам:

– Ну, кто первый? – глухим басом, как в бочку, гудел он.

А потом, пока им не надоест однообразная работа, произносил время от времени, руководя: «Ну, будя», «Ну, дюжее» или «Во, молодцом!».

Ребятишек Божен любил, но внуков у него не было очень долго. Его Нюша родила ему только одного ребёнка, что в деревне уже считалось не совсем нормальным. Но и этот единственный ребёнок – Нюрочка-Котик была так нехороша собой, что стала родительской печалью. Кличку Котик никто не придумывал, так ласково называли Нюрочку сами родители, так повелось и на деревне.

Сложена Котик была нормально, но её простоватое лицо украшали безобразно крупные губы, которые, тем не менее, не прикрывали выпирающие вперёд зубы. Никто не знал, за что такое наказание девке и родителям. Сам Божен даже в возрасте был замечательной наружности. Нюша же в молодости, говорят, тоже была «дюже рахмана», а Нюрочка... вот так.

По внешнему виду заезжие иногда принимали Котика за местную дурочку, какие испокон веков бедуют почти в каждой деревне России. Но за печально обманчивой внешностью Нюрочки жил трезвый житейский ум, устойчивые представления о совести и просто ангельская доброта.

Котику давно бы быть замужем, рожать детей, охотников же соединить с ней судьбу не находилось. Ни Ньюша, ни, тем более, Божен, воспитанные в строгих деревенских правилах, не могли намекнуть дочери, что есть способы завести ребёнка и без мужа. Об этом к тридцати пяти годам Ньюрочка как-то догадалась сама. Рыжий «бай-стрюк» Серёжка стал маленьким счастьем Божена и Ньюши. Хотя все знали, кто отец Серёжки, хатушенцы были уверены, что Господь послал сыночка Ньюрочке-Котику на утоление всех её печалей и горестей жизни. Но это другой рассказ...

Ковать лошадей вели в Хатушу со всей округи. Может, отчасти и ради того, чтобы полюбоваться работой настоящего Кузнеца. Божен, не дёргая и не пугая лошадь, не суматоша хозяина, не суетясь, ковал, как песню пел – легко, красиво, с явным удовольствием.

Вот лошадь подвели к кузнице и привязали к коновязи у воротины. Хозяин заходит «у кузню», «рукается» с Боженом за поданное запястье правой руки, присаживается тут же, у порога, на ракитовый кряжик и достаёт кисет. Божен неторопливо обтирает ладони клочком пакли, присаживается рядом. Мужики молча сворачивают «цигарки», закуривают, и только тогда начинается «разговор»:

– Каво?

– Ды Гнядога.

– Усё?

– Ну.

Докуривают, Божен не спеша встаёт, что-то складывает в ящик, подаёт его хозяину лошади:

– Няси.

Затем выходит сам. Обходит прядяющее ушами, нервничающее животное вокруг, запускает пятерню в гриву, встряхивает пучок волоса в кулаке, легонько похлопывает по холке и вдруг мягко проводит сверху вниз ладонью по крупу лошади, при этом бурчит себе:

– Ну-ну, гм, ды вот тах-та во... – и начинает подбирать из ящичка нужные ему предметы, время от времени поглядывая на уже смиренно стоявшую лошадь.

Коня при ковке никто не держит. Божен плотно зажимает губами гвоздики, цепляет за поясok кожана подковы, и со словами «ну што жа...» спокойно, по-хозяйски захватывает ногу животного, пристраивая её на своё выставленное вперёд колено.

Ребятишки всего края, увидев у коновязи лошадей, сбегались смотреть на Божена. А любимой их игрой была игра «у кузницу». Сцена «ковки лошади» исполнялась ими просто артистически. Причём Боженом и даже Лошадью хотели быть все, а на роль Хозяина назначали практически силком, «за взятку» типа «апосля и ты побудеши Боженом».

В начале шестидесятых появился в Петровском – центральной усадьбе колхоза – сварщик. Божен не поленился сходить на табор (полевой стан) и посмотреть, что это за диво – сварка током. Вернулся к полудню, утомлённый, задумчивый. Молча присел на брёвна к ожидавшим его мужикам. На расспросы о его «йикскурсии», Кузнец вдруг неожиданно для всех выговорил целую речь, непривычно длинную для него:

– Ну што жа, жизнь, она идёт. Я был нужен усем, уж не помню, сколько годов. А потому дуже переживал, штоп не помереть ране положенного, не осиротить дело. А теперь – слава Богу, дождался замены. Тот-то малый ловко от своей тарахтелки железо варит... жизнь, она идёт...

Он молча встал, как будто устал от речи, кивнул мужикам и пошёл к своему двору, стоявшему неподалёку от кузницы. В этот день Божен больше не работал.

Дел у Божена теперь сильно поубавилось. Однако кузницу колхоз не закрывал, находились поковки, подвластные только его умным рукам, и не хотели, видно, лишать мастера его дела. Но времени свободного у Кузнеца появилось много. Часто теперь можно было видеть его сидящим на солнышке, задумчиво оглаживающим бороду. О чём он думал? Никто теперь не скажет...

Мужики по-прежнему приходили на те же брёвна побалакать, а Кузнец так же молча слушал их. Чувствуя, что он болезненно переживает своё вынужденное полуделье, они неумело подбадривали Божена, не совсем искренне выражая радость, что наконец-то человек может передохнуть от своего тяжкого труда. Божен молча улыбался, слушая эту трескотню.

Тихим и ласковым июньским утром уже обывкшее стадо медленно проходило по росистому взгорку мимо кузницы. Шурок-пастух, видя дым из трубы, но не слыша привычного звона, завернул к Божену прикурить... Да чего там, и приглядеть: что-то запаздывает он нынче со своим благовестом, тревожно как-то...

Божен сидел на пороге, привалившись спиной к тёплому от старости столбу. У ног его лежал молот. Правая рука покоилась на бороде, выпущенной из плена кожана, а в левой, опущенной вниз, упираясь в землю ещё дымящей заготовкой, крепко зажаты клещи...

Глаза Кузнеца в последний раз глядели вдаль: на луг, на ручей, на ракиты, охраняющие покой тихих вод, на ясное солнце... видно, не успел он доделать начатую работу. А может, решил: всё, что мог, всё, что было ему положено, сделал он на этой земле.

Ложка для Манюшки

Хатушенских невест – рослых, статных и часто «дюже рахманных», т.е. очень красивых, не за всякого и не во всякую деревню выдавали замуж. Гордилась Хатуша своей родовитостью. Как-то так повелось, что отдать дочь в Петровское, к «кугутам», считалось для родителей не совсем почётным. Зато с Васильевкой Хатуша роднилась охотно.

И когда к Манюшке Летоновой, тихой и ладной, посватался работающий и тоже смирный Гордей Мельников, все посчитали, что пара будет хороша. Молодые где-то уже пригляделись друг к другу, да и Васильевка была Хатуше уже в полродни.

Но «дуже не ндравился» Манюшкиным родителям отец жениха – Демьян, по-деревенски – Жменя. Жменей прозвали его за непомерную жадность и мелочность. И поговорка у него была под стать. Завидую чужому достатку, везению в хозяйстве, он всякий раз приговаривал: «Ничего-ничего, зато я шшитать мастак, я свой достаток по жменечке соберу! По жменечке – возы собрать можно!».

Но дело было сделано. Свадьбу справили. Увезли Манюшкино приданое в хату жениха. Второй год молодайка жила в семье мужа: тихо, не слышная и не видная, знать, ладила и с мужем, и со стариками. Родился уже и ребёнок.

Родниться сваты особо не роднились. Когда-никогда заскочит отец Манюшки, завезёт гостинцев дочке. А тут заехал по дороге на ярмарку, спросить, может, что особо надо, внуку уже годок скоро.

Семья завтракала, ели, как и принято, из общей чашки. Манюшка, сидя тут же, за столом, поила ребёнка молоком из пузырька.

Жменя, нехотя, сквозь зубы, пригласил свата на хлеб-соль, хозяйка встала и пошла в кут за ложкой.

– Манюшка, – спросил отец, присаживаясь у края стола, возле дочери, – а сама что ж ты не ешь?

Манюшка зарозовелась, как-то зябко повела плечом. Свёкор завертелся, как на гвозде. Сам Гордей, кашлянув осторожно в кулак, чего-то встал и пошёл в сенцы.

– Да я, папаша, опосля поем, – тихо проронила Манюшка.

– А что ж так-то, не как у людей? – допытывался Летон, – што ж ты поешь-то «опосля»? – недоумевал он, понимая, что после обеда такой семейки «опосля» есть будет нечего.

За столом воцарилась неловкая тишина.

– Никитушка игрался, папаша, а я не доглядела, он возьми да стукотни моей ложкой об стол. Та и треснула. Вот теперь я и ем опосля всех, когда ложка ослобонится, – и добавила почти шёпотом, опустив голову, – тятенька так велел.

Летон кинул на Жменя неопределённый взгляд, но ничего не сказал. А принесённую сватьей ложку положил перед дочерью.

– Спасибо, свашеньки, за привет, – поклонился он, вставая. – Поеду я, кабы не опоздать. А с ярмонки я всё ж заверну, – как-то многообещающе произнёс он.

Манюшка, всхлипнув, с ребёнком на руках заспешила на чистую половину. Гордей всё ещё не вернулся. Жменя переглянулся с женой, грозно зыркнул на младших – двойняшек. Никто не проронил ни слова, только глуше и осторожнее затукатели ложки по дну чашки...

Под вечер Летон снова подвернул ко двору сватов. Подхватив с телеги плетённый короб, прямиком направился в хату. Вся семья как раз была в сборе. Сватья накрывала к ужину (хорошие люди – завсегда ко времени!).

Летон решительно прошёл к столу, широким махом отодвинул горсть разнокалиберных, линялых, с обкусанными краями ложек, поставил ношу на край столешницы и повернулся к сватам:

– Вот, свашеньки, что пришёл вам сказать, – громко, как при народе, начал он, – я дочь не на кару в вашу хату отдал, а женой вашему сыну. Ты ж, зятьёк, – повернулся теперь к Гордею, – мужем будь, а не телёнком на оброти: свою жену, да ещё и с дитём, не должен ты в обиду никому отдавать. А вот тебе, сват, и подарок на память, – и Летон резко опрокинул короб набок. На стол со звонким стуком, весёлой пёстрой горкой высыпались расписные ложки, как не с полсотни.

Жменя растерялся, беспомощно закидал глазами по сторонам, неловко повёл шеей, как будто ворот ему жал. Летон же, чуть успокоившись, тихо и веско продолжал:

– А ещё раз увижу или узнаю, что, обижая мою дочь, жменечками достаток собираете, позору не убоюсь – и дочь, и внука заберу!

И опять повернулся к зятю: гляди, Гордей, думай!

Никто не знает, как просочилась эта «ложечная поторосия» за ворота двора скрытных Мельниковых, но все понимали, почему Гордей весной стал ставить себе пятистенки, а хатушенцы вслух одобряли и ободряли его. Обидно было Хатуше, что их молодайку обижают. А к зиме, ко всеобщему удовольствию хатушенцев, семья Гордея отделилась от Жменечки и перешла в свою хату.

«Места хватит всем»

Ребятишки опять что-то не поделили, а скорая на расправу и тяжёлая на руку бабка отшлёпала для равновесия обоих. Мать тайком от неё пыталась пожалеть детей, погладила их по головёнкам, но они отвернулись к окну.

За окном хозяйничал обложной дождь. Всклипывая, подогревая уже утихающую обиду друг перед другом, дети смотрели на мокнущие грядки, упруго трепещущие под струями дождя капустные листья, не забывая время от времени шмыгать носами, почти по обязанности.

Вдруг мать заговорщически прижала палец к губам:

– Т-с-с, а что я вам сейчас принесу! Смотрите на капусту! – и выскочила в сенцы, накинув на голову дедов летник.

Да они и так смотрели на капусту. Чего на неё ещё смотреть! Однако, разом смолкнув, заинтересованно стали наблюдать, как мать, утопая босыми ногами в размокшей земле, смешно крадётся между огромных лопушистых кочанов. Вдруг она присела, сунула руки куда-то под листы и повернула к хате. Ребятишки кинулись к порогу и запереминались с ноги на ногу от нетерпения. Вошедшая мать торжественно протянула в ладонях крохотного мокрого зайчонка.

С этого момента жизнь детей завертелась вокруг этого маленького дива. Устроили гнездо в старой плетушке, застелив её дно мягким сеном, поставили блюдце с молоком, принесли морковки и тех же капустных листьев... и так каждый день.

– Да ты посмотри, – удивлённо замечала мать, – даже шкодничать перестали.

Зайчонок быстро привыкал. Сам, как котёнок, взбирался на руки, залезал вечером на кровать, к ребятишкам под одеяло, откуда мать его непременно выдворяла, стал выходить во двор. Незаметно подружился он и с цепным псом Полканом – лохматым серьёзным полукровкой. Выпал снег, но зайца по-прежнему выпускали гулять каждый день. Он стал крупным красавцем с густой, лоснящейся шерстью.

Поднимать на руки дети его уже не могли, так он вырос. Но он всё пытался взгромоздиться на их колени, под смех взрослых, скатываясь то вперёд, то назад. Заяц явно не понимал, почему вдруг не стал вмещаться там, где ему всегда было хорошо. Теперь он становился на задние лапы и, опираясь передними на колени ребятишек, в знак любви и особого доверия совал им голову под мышку, лез «целоваться».

Девочка привязывала Зайцу свои атласные ленточки на уши, и тот терпеливо стоял на задних лапах, пока она не закончит работу, а потом прыгал с ними по хате, чем забавлял и умилял всех. Мальчик играл с ним в прятки и приходил в восторг, когда Заяц находил его по одному выкрику «Заяц, ко мне!».

Куда бы ни шли ребятишки, Заяц неотступно следовал за ними по пятам. Если они были чем-то заняты на улице, он терпеливо сидел и ждал их, чтобы вместе с ними вернуться домой...

Он стал практически членом семьи. Даже не частые в доме лакомства ребятишки делили с ним и искренне огорчались, когда он не ел конфеты, равнодушно обнюхивая их, смешно поводя носиком, подрагивая усами.

Наступило время, когда он уже и ел вместе с Полканом из одного, причём из Полканова, корытца. Дождлся и Полкан управы. Как-то, по привычке, он попытался оттеснить зайца от еды, тот же, сев на задние лапы, неожиданно быстро и мощно забарабанил передними по морде собаки. Полкан, зажмурив глаза, замотал головой и ошалело попятился.

Потом они снова ели вместе, но собака вела себя уже деликатнее, не пытаясь вернуть раз утерянные права. Так Заяц стал главным и во дворе. Корова меланхолично жевала сено и не обращала никакого внимания на Зайца, пристраивающегося прямо в кормушке. Только куры, истерично кудахтая, разбегались в разные стороны, когда вздумывалось ему поесть зерна и с ними.

Скоро и как-то незаметно Заяц побелел и в лес убегал уже на целый день, но ночевать всегда возвращался домой. Ребятишки с восторгом смотрели на своего любимца, когда он, не обращая внимания на соседских собак и далеко их опережая, намётом, почти не касаясь наста, летел вдоль межи от леса ко двору.

Ранней весной семья засобиралась переезжать в Казахстан, и дети теперь ежедневно обсуждали с матерью, как будут везти Зайца в корзинке, выгуливать его на станциях, сколько возьмут ему морковки и капусты на дорогу...

Они ещё не понимали, что взрослые, обременённые кучей проблем, не собираются брать Зайца с собой.

Проснувшись в день отъезда, ребятишки обнаружили, что Заяц уже ушёл гулять. До самого отправления на станцию они не могли участвовать в хлопотах-сборах и даже никому не мешали. Сидя у окна, до рези в глазах всё смотрели они в сторону леса, ожидая Зайца. Но вот уже погружены вещи, вот их кутают в одеяла, крестят, целуют, усаживают на сани, а Зайца всё нет. Дети поднимают рёв. И лишь дедушка кое-как смог утешить их обещанием прислать их друга, когда он вернётся. Добрейшая душа был дед, он понимал, что надежда поможет внукам пережить потерю.

Появились на новом месте новые друзья, новые игры и увлечения, но ни одного дня не проходило без воспоминаний о Зайце. Дети с нетерпением ждали писем от дедушки. В них он подробно рассказывал, что Заяц прибегает в гости, иногда заходит в хату, что Полкан по-прежнему с ним делится пищей. Но на ночь Заяц стал оставаться в лесу. А вот прислать Зайца «нетути никакой возможности, – писал дедушка, – не беруть его у поезд».

Дети ещё не умели читать и заставляли мать перечитывать строки про своего любимого Зайца по два-три раза.

Наступила весна. Ребятишки теперь мечтали только о том, как летом поедут в деревню и заберут своего друга. Дети были так малы, что ещё не знали – не все мечты сбываются...

Очередное письмо от дедушки не только разрушило мечты ребятишек, но изменило само их отношение к жизни, которая всегда казалась им светлой, доброй, бесконечной...

Усевшись с письмом у кухонного стола, мать, как всегда, стала вслух читать все дедушкины поклоны, все деревенские новости. «Маруся, – громко и не торопясь читала мать, – не говори детишкам...» – в этом месте она вдруг замолчала, быстро взглянув на детей, и молча, быстро заводила глазами по строчкам. Но они уже успели понять, что от них что-то хотят скрыть.

Ребятишки заволновались и так насели, что мать вынуждена была дочитать вслух: «... дед Егор убил нашего Зайца вилами в своём стогу. Объял, видать, его Заяц. Беда, что животная была доверчивая, приученная к человеку. А отличать плохого человека от хорошего Божья тварь не умела. Скажи детишкам, пускай сильно не голосят. А я с Егором теперь и здороваться перестал».

Потеря друга, которого они не смогли, ещё не умели защитить – это было самое большое горе их раннего детства. Дети плакали навзрыд, а девочка причитала так, что мать пожалела о том, что когда-то бездумно принесла зайчонка в утеху им, пусть и добрым ребятишкам.

Да, про деда Егора. С того же времени словосочетание «дед Егор» стало в семье именем нарицательным. Всякий раз, когда ребятишки видели даже намёк на грубое обращение с любым животным, тут же обжигали обидчика презрительным: ты что! Дед Егор, что ли! Всякая тварь, от воробья до мыши, заслуживала, с их точки зрения, уважения, то есть, права на свободу, права жить, как ей хочется. «Места всем хватит», – так говорил их дед.

Форма с клапаночками

Воровать стыдно. Теоретически эта истина известна всем с детства. Но именно в детстве Вальке пришлось испытать такой стыд – стыд воровства.

Денег в колхозе не платили совсем. К этому даже как-то привыкли, на колхоз особо не надеялись. Выкручивался каждый, кто как мог. Валькиной матери было труднее многих – троих ребят она растила без отца.

Наступило время собирать ребятишек к школе, и уже не двоих, а всех, – младшая Ленуська отправлялась в первый класс. А тут неожиданно выяснилось, что Валька из своей, ещё неплохой, с точки зрения матери, формы, вылезла непоправимо: ни надставить, ни выпустить где-либо из швов невозможно. Так за лето вытянулась и округлилась девка.

Поломав голову над тем, где раздобыть недостающую сумму, решилась мать при всей своей совестливости на отчаянный шаг.

Хороших денег стоила пенька, вернее, само готовое «трёпаное» волокно.

В первую же непогожую ночь, как только густо стемнело, отправились Валька с матерью через два перелеска, километра за три на старицу Свопы, в которой мокла колхозная конопля. Идти было страшно. Особенно пугалась Валька сов, беззвучно и внезапно скользящих, казалось, прямо перед лицом. В такие моменты у неё вскидывалось сердце и тупо ныло внизу живота. Но она чувствовала, мать взяла её не только из-за лишнего снопа, но чтобы и ей самой было не так жутко. Поэтому Валька храбрилась, держась за материну руку как бы между прочим.

Вздрагивая от ночной сырости и страха, ощупью двигаясь по плотам, пригнетавшим пеньку, они спустились к урезу воды, зловонному от гниющей конопляной зелени. Мать, почти в полной темноте, начала выуживать шестиной снопы из-под плотов, надсадно выворачивая их на поверхность вместе с застрявшей в них дохлой рыбёшкой. А Валька, брезгуя до рвоты, поминутно сплёвывая, вытаскивает тяжёлые, противно скользкие снопы на берег – один, два, три ...

Понимая, что больше шести снопов мать не поднимет, Валька героически, желая поддержать мать, показать, что и она уже помощница, взялась нести три. Связав снопы кормоносками, взвалив их на плечи, они тронулись в обратный путь. Шли часа два, с отдыхами, присаживаниями на передых, а уставшей Вальке показалось – идут вечность. Она мысленно проклинала своё геройство, а бросить один сноп на полдороге было и стыдно перед матерью, и жалко. О совах уже не думалось, страх притупился от усталости: верёвка резала плечи, хвосты снопов волочились по земле и били по ногам, холодная вонючая вода стекала по спине, – только бы дойти...

Наконец, добрались до задов своего огорода. Обессиленно сбросив ненавистную, кажущуюся свинцовой ношу в лопушистые плети гарбузов, молча побрели в хату. Мать, не зажигая лампы, кое-как стащила с уже полуспящей Вальки насквозь промокшую тужурку и платышко, отправила спать...

На другой день подвыпивший сосед – Мишка Керя – взошёл на крылечко их хаты как-то по-хозяйски:

– Ну, здорова ли, соседка? – игриво обратился он к матери.

– Да твоими молитвами, – настороженно, но стараясь попасть в тон, ответила мать.

– Что ж невесело гостя встречаешь? Что ж на стол не накрываешь? – продолжал ёрничать Керя.

– А с какой радости накрывать, и с каких таких пор ты гостем у меня стал? Иди, проспись. И без дела не шалайся сюда!

– А ты потише, да поласковей, – как-то загадочно произнёс сосед, – ставь пол-литру, а я тебе за это расскажу, как ты ночью с девкой по меже пеньку несла. А не поставишь, расскажу в другом месте, – торжествующе закончил он и по-хозяйски опёрся на перильца, отчего те жалобно хрустнули.

Валька, чистившая картошку около печки и слышавшая разговор, похолодела. Обессиленно опустила руки, ножик птулькнул в ведро. Медленно, тяжело заливаясь краской стыда, не видя ступенек припечка из-за наворачнувшихся слёз, она кое-как взобралась на печь. Там, сидя в полутьме, бессмысленно разглаживая полосы на ряднушке, Валька расплакалась. Она думала о том, как будет теперь смотреть в глаза людям, когда все узнают, что она – воровка... как теперь жить, как выходить на улицу? – Валька не представляла.

Прислушиваясь к разговору, приглушённо долетающему через открытую дверь, она не поняла, испугалась ли Кери мать, но та гнала его с порога такими словами, какие в деревне не все мужики знали.

А ещё, наверное, всё-таки из страха, мать применила редкую деревенскую угрозу, как крайнюю меру защиты. «Хорошо, – с удовлетворением подумала Валька, – молодец мамка, я бы ему тоже это пообещала!».

– За меня постоять некому, – твёрдо «отшивала» мать Керю, – я без мужика живу. Но остерегись. Донесёшь – спалю, – хладнокровно и уверенно заявила она ему.

– Во бешеная! – удивлённо-сконфуженно констатировал сосед, теряя изначальный кураж и понимая, что пол-литра обломалась, – тьфу на тебя! – и сплюнув, подался восвояси, загромыхав кирзачами по ступеням крыльца...

Вечерами на заднем дворе мать перемяла и перечесала всю пеньку. Валька, глядя в окно на весело стрекочущую от мякли кострику, с тоской вспоминала недавнюю угрозу Кери. Настроение у неё сразу портилось, сердце болезненно сжималось...

Блестящие, плотно скрученные серебристые жгуты пеньки мать увезла в город. К вечеру приехала с покупками, среди которых была и новая форма для Вальки.

Коричневое саржевое платье с клапаночками на груди и складочками на юбке. Примерив форму, пройдясь в ней по требованию матери по хате, Валька почему-то не испытала обычной при обновках радости. Она повернулась пару раз у радужно-пятнистого от старости зеркала – платье на фигурке сидело ладно, это Валька заметила. Но смотрела она на себя красивую, повзрослевшую какими-то чужими глазами.

– Неужто ты не рада, Валь? – удивилась мать, устало облокотившись на стол.

– Да нет, рада, – как-то вяло и неубедительно обронила Валька.

– А что ж рожу-то скособочила? – стала выходить из терпения мать, – на тебя не угодишь!

– Не, мам, всё хорошо. Нравится мне платье. Спасибо. Только что-то у меня голова нынче разболелась.

– Ну иди, полежи, пройдёт, – успокоилась мать.

Но с Валькой стали происходить странные вещи: почти всякий раз, надевая эту, купленную на «пеньковые» деньги форму, она тут же заливалась жаром стыда. Сразу само вспоминалось, как на неё «зарабатывали», как Керя пугал доносом. Сначала Валька надеялась, что постепенно забудется всё. Но ничего не забывалось. Угроза соседа сверлила мозг: а вдруг бы донёс, что тогда? Снова и снова, уже представляя в деталях, Валька переживала свой возможный позор...

Больше всего в тот год она ждала конца учебного года, когда можно будет раз и навсегда снять эту ненавистную форму с клапаночками...

Купинский район

Новосибирской области.

Гюльнар МУКАНОВА,
кандидат исторических наук
КазНУ им. Аль-Фараби

Копал в судьбе Чокана

Президент страны Нурсултан Назарбаев в рамках V Астанинского экономического форума предложил новый мега-проект «Казахстан – новый Шёлковый путь». Предполагается приток инвестиций и ускорение строительства трансконтинентальной дороги «Западная Европа – Западный Китай».

Любопытно, что всё это привлекает интерес иностранцев к истории и памятникам культурного наследия Казахстана, в частности зарождению светского образования. Более 150 лет назад на землях Южного Казахстана и Семиречья об этом можно было только мечтать.

В истории Семиречья особое место занимает укрепление, позже город Копал (ныне Капал Аксуского района Алматинской области), вошедший даже в анналы всемирной истории благодаря поездке в Синьцзян в середине 19 века известного казахского учёного-исследователя Чокана Валиханова. Долгое время данная экспедиция оставалась вне поля зрения, так как была засекреченной и выполняла особое задание российского царского правительства.

В книге «Политика России в Средней Азии (1857-1868)» известный советский учёный-востоковед Н.А. Халфин пишет: «В феврале 1858 г. в укрепление Верное приехал русский поручик Чокан Чингисович Валиханов. Ему поручалось направиться в Кашгар (где ещё недавно хозяйничал ходжа Валихан-торе), чтобы выяснить перспективы восстановления политико-экономических связей Российской империи с китайской провинцией Синьцзян».

В записке «О положении дел в Кашгаре и наши к нему отношения» Е.П. Ковалевский отмечал важное географическое положение Кашгара – «обширной и плодоносной провинции, расположенной между Китаем, Индией, Афганистаном и Кокандом и кочевьями русскоподданных дикомкаменных киргизов».

После обсуждения записки Е.П. Ковалевского в Военном министерстве и Министерстве иностранных дел оба ведомства приняли совместное решение: командировать в Кашгар подготовленного офицера для сбора сведений о положении на местах.

В конце 1857 г., переодевшись купцом-мусульманином, Валиханов выехал в киргизские кочевья, к границам Синьцзяна. Как сказано выше, он прибыл в Верное. Чтобы тщательно подготовиться к выполнению своей миссии, молодому чингизиду Чокану надо было изучить не только политическую ситуацию, но и цены на скот и другие товары, прослыть богобоязненным мусульманином, прежде чем пересечь границу под видом купца.

Во время подготовки к дальнейшему пути сам управляющий «Областью сибирских киргизов» (казахов) К. Гутковский прибыл в Семипалатинск, чтобы договориться с местными купцами об отправке специального каравана в Кашгар. Торговцы долго не решались вложить средства в опасное предприятие, но Гутковский добился своего, и караван выступил в путь в середине 1858 г.

28 июня 1858 года неподалёку от города Копал, в урочище Карамола к каравану присоединился Чокан Валиханов. Он назвался Алимбаем, подданным кокандского хана.

Путь был не близкий: осенью 1858 г., пройдя Заукинское ущелье и долину озера Иссык-Куль, Валиханов и его спутники вышли к границам Синьцзяна.

«Алимбай-мурза» (Валиханов) получил в управление кош и походную юрту. Караван шёл к возвышающимся на юге горам Джунгарского Алатау. Минуя перевал Алтын-Эмель, караван пересёк горы и спустился в пустынную, каменистую долину реки Или, несущей свои воды в озеро Балхаш. Переправа продолжалась три дня, более ста верблюдов, 65 лошадей, шесть юрт, товару на 18 545 рублей серебром: ситцы ивановских фабрик, коленкор, цветной полубархат, штоф, канитель, шкуры, кожи, медные тазы, зеркала, подносы – всё это покоилось в тюках. Людей по списку числилось 42. Караван двигался древней тропой со скоростью 25 вёрст в сутки. Чокану приходилось привыкать к ежедневному пятикратному намазу.

Поручение было опасное, и для исполнения его был выбран он, человек волевой, наблюдательный, знавший восточные языки и этикет, к тому же приходилось ехать переодетым в азиатском стиле. Этот выбор был обоснован тем, что Чокан Валиханов уже побывал в Кульдже в августе-октябре 1856 г., где изучал жизнь, историю и культуру народов Западного Китая.

Почему именно Копал был выбран местом для присоединения Чокана к каравану? Во-первых, это было удобно для семипалатинских караванщиков, во-вторых, местность была удалена от любопытных глаз, в-третьих, Копал был укреплением, в нём располагалось казачье поселение. То есть все условия инкогнито русского офицера были соблюдены, ведь Чокана могли опознать его знакомые по прежним приездам в Верный.

Чокан был по натуре общительным и любознательным, круг его знакомых постоянно расширялся. В числе знакомых Чокана в Верном и Копале были врачи Захар Яковлевич Реутс и Иероним Иванович Соболевский, специально приставленные для наблюдения за здоровьем казаков при штабе войск Семиреченской области. Их судьба переплелась с жизнью края после открытия в Верном лазарета.

Лазарет стал первым медицинским учреждением Семиречья с 1854 года вместе с основанием крепости Верный. Он представлял собой несколько палаток и юрт из расчёта: трое больных на сотню здоровых поселенцев. Руководил им опытный военный врач Пячковский.

Это – первый медик Семиречья, неординарная личность: талантливый хирург, энтузиаст своего дела, участник Крымской войны. Был близко знаком со знаменитым врачом Пироговым. Небольшой лазарет вскоре расширился и стал госпиталем. Позже из Омска прибыли дипломированные врачи Соболевский, Вержицкий и Марциевский.

Иероним Соболевский молодым двадцатипятилетним человеком приехал в Семиречье, и с тех пор вся его жизнь навсегда была связана с Казахстаном. Он работал военным врачом в гарнизоне Верного, трудился позднее уездным доктором в Копале. Многие сделал для развития курорта Арасан-Копал. Изучил казахский и уйгурский языки, ездил по аулам и сёлам, лечил больных. Степняки боготворили Соболевского, он был для них непререкаемым авторитетом, к нему выстраивались в очередь сотни человек.

Надо отдать должное тому, что Иероним Иванович Соболевский особенно ценил кумыс за его целебные свойства и всячески пропагандировал этот напиток. Умер врач в 1918 году в возрасте 84 лет. Среди его пациентов были многие известные личности, он был знаком с П. Семёновым-Тяньшаньским, борцом-палуаном Кажимуканом Мунайтпасовым.

Именно его выбрала судьба облегчить страдания заболевшего туберкулёзом Чокана, который лечился в земской больнице Копала под наблюдением Соболевского. Врач заботливо ухаживал за своим пациентом, возил на местные радоновые источники, назначил кумысолечение.

В Казани увидела свет книга «Минеральные воды Семиреченской области». В ней сообщалось о казахстанских аксуйских, копало-арасанских и других водных источниках. «Копало-арасанские воды находятся в 29 верстах от Копала, в долине на высоте 3074 футов, – сообщается в книге. – Первое устройство их было в 1854 году – был построен деревянный барак, который в 1886 году был заменён на роскошный каменный павильон. Кроме ванн, в нём имеются жилые помещения для приезжающих. Сезон начинается в мае и длится до конца августа. Воды помогают при ревматизме, подагре, ртутном отравлении, параличах, болезнях суставов».

Однако болезнь Чокана прогрессировала, и, несмотря на все принятые меры, доступные для того времени, спасти его не удалось. Чокан скончался 10 апреля 1865 года, не дожив до 30 лет, и похоронен в урочище Кочен-Тоган у подножья Алтын-Эмельского хребта. Будь поопытнее Соболевский, который был немногим (на год) старше Чокана, и эффективнее методики лечения, а ритм жизни Чокана менее интенсивным, – возможно, талантливый молодой учёный с прекрасными задатками сделал бы ещё немало открытий...

Тот факт, что здесь, в Капале, пребывал и первый казахский учёный, историк, этнограф, путешественник, большой патриот Чокан Валиханов, совершивший гордый подвиг во имя своего народа, вдохновляет выпускников местных школ на новые успехи и смелые дерзновения.

Сегодняшние учащиеся школы и профлиция Капала по праву могут гордиться и другими даровитыми земляками. Традиции образования в крае давние: ещё начиная с 80-х годов 19 века в Семиречье стали открываться специализированные учебные заведения: садово-огородное училище в городе Верном, сельскохозяйственные школы в городе Жаркент и в селе Копал.

Рост самосознания казахов выразился в инвестировании в обучение детей. В ауле Карагаш нынешнего Аксуского района, вблизи Капала, одной из первых в Семиречье Турысбеком-хажи Маманулы была открыта

школа «Мамания» для казахских детей. В ней в разное время учились Билял Сулеев, Мухамеджан Тынышпаев, Ильяс Джансугуров.

Сегодня мало кто знает о Биляле Сулееве, организаторе народного образования в Семиречье и Актюбинской области. Стараниями Б. Сулеева в Жетысу создавались первые школы, был переведён из Ташкента педагогический институт, передислоцированный в Семипалатинск.

Благодаря другому семиреченцу, Ильясу Джансугурову, поднималась и развивалась казахская литература.

... Местность Копал знаменита и тем, что здесь питалось творчество многих известных личностей: в ауле Турысбека состоялся знаменитый айтыс акына Биржана и народной любимицы-поэтессы Сары Тастанбеккызы (музей акына Сары находится здесь же, на входной части установлен бюст Чокана). Уроженцы этих мест: поэт и общественный деятель Ильяс Джансугуров, литератор Фатима Габбасова (в Копале имелся её дом-музей), поэт и переводчик Гали Орманов.

... Школа в Капале носит имя Гали Орманова, который стоит в одном ряду с классиками казахской литературы, ему посвящали свои творения современники: Габит Мусрепов, Абдильда Тажибаев, Гафу Каирбеков, Калижан Бекхожин, Сырбай Мауленов, Туманбай Молдагалиев, Кадыр Мырза Али и многие другие.

Воспитанник детского дома, он окончил Казахский институт народного просвещения, с тех пор началась его литературная биография. Гали Орманов сотрудничал с газетой «Социалистик Казахстан», был главным редактором журнала «Литература и искусство». Особое место в его биографии занимает работа в качестве литературного секретаря акына Джамбула Джабаева. Орманов занимал посты редактора газет «Майдан», «Адебиет жане онер», заведующего секцией Союза писателей Казахстана. Гали Орманов переводил сочинения Пушкина и Лермонтова, Толстого и Гоголя, Чехова и Есенина, Низами.

Таким образом, расположенные на активно пульсирующем отрезке древнего Шёлкового пути населённые пункты Семиречья служили проводниками культурного диалога и обмена знаниями и товарами между Европой и Китаем. Инициаторы открытия учебных заведений успешно воспринимали не только бизнес-проекты, но и примеры среднеазиатских, российских (татаро-башкирских), турецких, арабских школ-медресе «Якубийя», «Галия». Практика действовавших по Казахстану медресе: «Хусайния» в Оренбурге, Науана Хазрета в Кокшетау, Мухамеджана Бегишева в Петропавловске, Ахмета Ризы в Семипалатинске была известна копыльцам. Зёрна попали в благодатную ухоженную почву, сформировав по большому счёту будущее социальной истории региона.

Роль национальной интеллигенции в продвижении образования, искусства и основ наук в Казахстане в 19-м – начале 20-го веков обозначилась достаточно ярко, просветительская база была заложена основательная. Инициатива открытия мектебов-школ шла «снизу», население имело мотивацию обучать наследников, что не всегда встречало поддержку царского правительства, более того, их деятельность велась под надзором полиции. В конце 19 века колониальные власти вовсе стремились передать

функции обучения и регистрации актов гражданского состояния православным храмам.

Географический фактор Жетысу сыграл позитивную роль в расцвете казахских школ. Кадры мугалимов пополнялись приглашёнными учителями из Уфы, Казани, Средней Азии, что можно считать предтечей современной академической мобильности педагогов. Оседлость коренного населения, наличие городов способствовали расширению сети казахских учебных заведений начального и среднего уровней интернатного типа (часть учащихся была из близлежащих и отдалённых аулов).

Советская власть отрицательно отнеслась к служителям культа, взяв курс на физическое уничтожение и преследование мулл и контингента педагогов медресе и мектебов. Здания стационарных частных школ и мечетей отбирались в государственную собственность, ликвидировались очаги национального образования, а память об их основателях целенаправленно стиралась.

Очевидно, что проявления самоидентификации у представителей казахской интеллигенции, наиболее прогрессивной части общества, развившиеся в системном обучении молодёжи средне- и малообеспеченных сословий, были исторически закономерным этапом. В случае их сохранения они могли сыграть ведущую роль в развитии экономики и инфраструктуры края и республики.

Выпускники первых казахских школ, к слову, активно участвовали в последующем разоблачении деструктивных для национальной экономики, социального и культурного развития проявлений геополитики царизма и Советской власти. Они также не стали слепо репродуцировать ислам, а проявили себя в литературе, искусстве, педагогике и общественной жизни. К сожалению, лучшие выпускники школы «Мамания» и её руководители были репрессированы, сосланы или расстреляны.

Только обретение независимости Казахстаном позволило приоткрыть архивы НКВД, и стало известно, что бывшие ученики школы «Мамания» пытались спасти своих учителей от конфискационных мероприятий. Из допроса Мухаметжана Тынышпаева 4 октября 1930 года: «Мы, члены организации, выступили против переселения баев и конфискации их имущества и скота, и как могли, противодействовали этому, заблаговременно предупреждали их о предстоящей конфискации. Лично я через своих людей предупредил баев рода Найман Турысбековых, Танирбергеновых и Есенкула».

Память о первых казахских школах в Семиречье хранят капальцы, особая наша благодарность информатору Турсыну Жантурсунову. Покидая гостеприимный Капал, отдавав хрустальную воду из его родников, вдыхая удивительной чистоты воздух мест, где жили и мечтали о лучшем будущем сильные духом, целеустремлённые люди, хочется возвращаться сюда вновь в ожидании чудесных находок.

Традиции модернизации Отчизны, в том числе и в культурном аспекте, реализуются людьми, неуклонно идущими к своей мечте.

г. Алматы.

Бейбит АХМЕДИЕВ

Туз

Когда я смотрю на дворовых собак, то меня не покидает мысль, что у них есть свой язык, и они прекрасно общаются между собой. Но нам, людям, он недоступен для понимания, и мы всегда будем глазеть на них, считая их намного ниже себя. Хотя это спорно. Я не хочу ничего опровергать или утверждать что-то новое. Но, часто наблюдая за собаками, кошками и другими животными, прихожу к выводу, что они не лишены какой-то рассудочной деятельности.

Расскажу о моей собачке по кличке Тузик. Было это в начале 90-х годов прошлого столетия. Я жил в небольшом провинциальном городке, в частном доме. Ну а раз живёшь в таком доме, то какая-нибудь псинка необходима.

Щенков я брал у своей тётки. У неё во дворе на цепи уже много лет сидела дворняжка. Она каждый год приносила разномастных щенят, так как, сами понимаете, за чистотой породы её потомства никто не следил. А ухажёры приходили к ней со всех сторон, так как всевозможных лазеек и проходов в заборе хватало.

Как раз в то время у меня не было собаки. Недолго думая, я пошёл к тётке, чтобы взять щенка. Оказалось, что она почти всех их уже раздала. В конуре её дворняги осталось всего три щенка. Конечно, это были не самые лучшие из её выводка, но что поделаешь, «кастинг» уже прошёл. Мне достались лишь остатки. Но это несколько меня не смутило. На ум пришла бодрая мысль: «Остатки всегда сладки». Тем более, тётка посоветовала забрать их всех. Я так и поступил.

Дома я выпустил их в сарай. Это были три рыженьких щенка-кандэка. В казахском языке слово «кандэк» обозначает маленькую или небольшую собаку-дворняжку. А крупных псов называют «тобетами». Тобет – это, скорее всего, порода собак, специально выведенных для охраны скота. Это крупные собаки с густой шерстью, нечто среднее между кавказской и среднеазиатской овчаркой.

Несколько дней щенки прожили у меня тихо и спокойно. Они ели, пили, игрались. Казалось, ничто не предвещало беды. Но эта идиллия длилась недолго. Беда нагрянула неожиданно. Однажды вечером я заметил, что щенки перестали есть и были какими-то вялыми. Я не придавал этому особого значения. Наутро, открыв дверь сарая, я увидел печальную картину. Два щенка валялись мёртвыми, а один (это был кобель) еле-еле подавал признаки жизни. Я побежал домой, взял там немного водки и быстро вернулся в сарай. Бедный маленький Тузик всё так же неподвижно лежал на земле. Я открыл ему рот и залил туда водку. От этой процедуры он немного ожил и стал двигаться и кашлять.

Это была какая-то инфекционная болезнь, которой часто болеют щенки.

Точного научного названия этой болезни я не знаю, но в народе её обычно называют «чумкой». Ежегодно от неё умирает очень много собак. Но мой уход оказался действенным. Пёсик стал быстро поправляться. Через несколько дней он окончательно выздоровел, и я смог свободно вздохнуть.

Прошло несколько месяцев. И из маленького щенка Тузик постепенно превращался в молодого пса. Стали вырисовываться его контуры. Это был приземистый, коренастый пёс. Окрас его был рыжий, только на шее и на спине вдоль хребта шерсть была тёмного цвета. Под животом на задней стороне передних и задних лап он имел своеобразную бахрому – длинную отросшую шерсть. Вот и весь нехитрый экстерьер нашего Туза. Он был умным и своенравным псом.

Когда Тузик был маленьким щенком, он чем-то не угодил соседской девочке. Она частенько поглаживала его каким-нибудь прутиком. Я не думаю, что эта девочка была очень злой, жестокой и бессердечной. Скорее всего, она была проказницей, и ей нравилось наставлять на путь истинный маленького

Тузика. Просто она была такой, и ей это нравилось. Но эта её педагогическая деятельность в дальнейшем сыграла с ней злую шутку. Невзирая на все перипетии своей нелёгкой судьбы, Тузик рос и набирался всех премудростей собачьей жизни. Сформировался его характер. Он стал энергичным, любознательным и хитрым псом.

Так незаметно прошёл год. Из неказистого щенка Тузик превратился в сильного, уверенного, полного чувства собственного достоинства пса-кандэка.

Однажды летом я сидел дома и читал. Вдруг во дворе послышалась какая-то возня, и в окно постучала моя дочь. Возбуждённая, радостная, окружённая со всех сторон детворой, она звонко кричала:

– Папа! Папа! Это Тузика сын!

В руках она держала маленького, тощего, рыженького щенка с выпученными глазками. Он испуганно озирался по сторонам, не понимая, что происходит вокруг и почему к нему такой интерес.

Щенок этот был от соседской собачки – тощей, чёрной, короткошёрстной, с выпученными глазами и скверным характером. Но факт был налицо. Тузик сделал своё дело. Он стал отцом. Тут приходит на ум миниатюра известного юмориста Геннадия Хазанова про Тузика и породистого пса. Время шло, наш Тузик набирался опыта. Он уверенно стоял на крепких невысоких ногах в этом простом мире, смело отвечая на все вызовы собачьей судьбы.

Обычно я держал его на привязи. Сделав из старого ремня ошейник, я сажал его на цепь, которую прибил к доске возле конуры. Конура же представляла собой нелицеприятное зрелище. При словах «собачья конура» у вас, наверное, возникает образ классической собачьей будки. Эдакий маленький домик с двускатной крышей и удобной круглой дырочкой посредине для входа. Такие красивые домики вы, наверно, не раз видели в отечественных и зарубежных мультфильмах про добрых и злых собак. Увы, дорогой читатель. Жилище Тузика представляло собой квадратный ящик из грубо сколоченных досок. Вот и весь интерес. Но Туз никаких претензий мне не предъявлял. Хотя и в лютую стужу, когда из всех щелей этой конуры дул пронизывающий ветер, и в изнуряющую летнюю жару, когда некуда было от неё спрятаться даже в тени, он с непременно бодрым видом всегда выскакивал мне навстречу, когда я нес ему какую-нибудь похлёбку. Туз стоически переносил все эти невзгоды, принимая их как неизбежное. Но такой образ жизни не был постоянным его состоянием. Свобода сладострастно манила его в свои объятия, от которых он не в силах был отказаться.

Теперь мне сложно припомнить, как это всё было тогда, ведь прошло уже много лет. Но Туз частенько бывал на свободе. Ведь «оковы» его были ненадёжными. Может, он сам освобождался или ему кто-то помогал, – сейчас точно вспомнить нельзя. Но на свободе Тузик бывал не меньше, чем на привязи. Да и контролировать его особо было некому. Ведь он был дворняжкой. И название говорит само за себя: собака, которая бегаёт во дворе.

Оказавшись на воле, Туз преображался. Излюбленным его занятием было сопровождать меня или кого-нибудь из моей семьи. Его не волновало, куда я иду и зачем. Он, как тень, неумолимо следовал за мной по пятам. От этих прогулок ему ничего не выпадало. Что же несло его вперёд? Мои угрозы не действовали на него. Я кричал на него, кидал камни, но всё было бесполезно. Он на минуту останавливался, выжидал, пока иссякнет мой гневный запал, и спокойно, без лишней суеты продолжал свой путь. Никакая сила не могла его заставить уйти. В этих действиях он был непреклонен.

Даже стычки со встречными псами несколько не умеряли его пыл. Ведь дворовые собаки, как и их дикие сородичи – волки и лисы, все имеют свою конкретную территорию, которую они будут отчаянно защищать.

Как оказалось, Тузик был очень злопамятным псом. А выразилась эта его отрицательная черта характера вот как. Я упоминал об одной соседской девочке,

которая обижала Тузика в детстве. Так вот, месть Туза была беспощадна, не знала границ. Хотя я ни разу не видел, как он это всё вытворял, но по реакции девочки и её родителей было понятно, что он превратил её жизнь в сущий кошмар. Почему я не мог видеть его проделки? Да потому, что я никогда не церемонился с ним. Если бы он попался мне на глаза во время своих безобразий, то получил бы от меня по полной программе. Бедная девочка не могла пройти в школу и вернуться назад, так как ей всегда приходилось проходить мимо моего дома. И Туз, как истинный стратег, использовал своё преимущество по всем правилам военного искусства.

Но долго такое безобразие продолжаться не могло. Родители девочки стали возмущаться, требовали принятия срочных мер. Я наказал пса. Натурально поколотил палкой и посадил на цепь. Но эти процедуры мало действовали на упрямца. Как я говорил выше, Туз был умным, хитрым и крайне своенравным псом и продолжал свои бесчинства.

И вот настал судный день. Уже была поздняя осень. Как-то раз, поздно вечером Туз залаял на кого-то во дворе. Я не придавал этому никакого значения. Мало ли кто мог пройти по улице? Но лай его был непрерывным и перемещался по двору. Это насторожило меня. То он заливался во дворе, то слышался глухо где-то на огороде. Я сразу вышел на улицу и прислушался. Действительно, где-то в конце огорода слышались голоса. Я прошёл туда и увидел своего соседа, отца злополучной девочки. Он с каким-то мужиком возился у сетки. На мой вопрос, что они тут делают, он с обидой в голосе ответил, мол, проклятый пёс совсем доконал его дочурку, и они ставят петли в лазейках забора, чтобы поймать его. Понимая его глубокую обиду и раздражение, я молча повернулся и пошёл к дому.

И тут я спохватился, что во время моего разговора с соседом Туз куда-то бесследно исчез. Он как будто понимал, что речь шла о нём и его проделках. Я несколько раз окликнул его, но Туз не появлялся. Странно, но раньше при первом моём свисте он неизменно крутился бы у моих ног. А тут он как сквозь землю провалился. Походив по двору, я нигде его не нашёл. Решив, что он, каналья, почувствовав неладное, убежал, напоследок решил всё-таки заглянуть в сарай, где он когда-то впервые появился у меня. Я вошёл в сарай (дверь была приоткрыта), зажёл спичку и увидел в углу притаившегося Тузика. Он, бедолага, согнувшись в три погибели, испуганно зыркал на меня своими глазёнками. Взяв его за загривок, я вышел на улицу, подозвал недалеко кутившего соседа и отдал ему пса.

Когда я зашёл в дом и немного успокоился, мрачные мысли навалились на меня. Они ещё сильнее обуяли меня ночью. Я ворочался с боку на бок. Тяжёлое чувство то ли вины, то ли ещё чего-то не покидало меня всю ночь.

Утром я с тем же тяжёлым чувством пошёл на работу. Мысленно представлял себе ужасную картину: из Тузика сделали «хе» (корейское блюдо), и он давно переваривается в чих-то желудках, а косточки его выбросили на помойку. Вдруг я почувствовал, что кто-то следит за мной. Я резко повернулся назад, и на миг мне показалось, что там, вдали, мелькнула знакомая собачья фигурка. Но нет, я отогнал от себя эту безумную мысль. Ведь я сам передал свою собаку соседу. И был уверен, что навряд ли бы он отпустил Тузика живым. Так я дошёл до работы, но странное чувство не покидало меня весь день. Как впоследствии оказалось, жена и дети тоже видели вдалеке знакомый силуэт.

Теперь, по прошествии многих лет, мне трудно вспомнить, как именно появился мой верный Туз. Но вопреки злой судьбе он вернулся! Да, мой великодушный Туз простил мне моё предательство. Откуда было знать простой дворняге, что террор и кровная месть в человеческом обществе строго караются. Но этот жестокий жизненный урок не прошёл для него, мне кажется, даром. После этого случая между той девочкой и Тузиком всякие отношения пошли на убыль. Видимо, такая сильная психологическая встряска заставила Тузика пересмотреть своё поведенческое кредо.

Углубляясь в свои психологические изыски, я, наверно, исчерпал все дозволенные лимиты терпения читателя. У него, пожалуй, давно назрел резонный

вопрос: как, каким образом бедный Туз избежал злой участи? Как вы помните, в тот роковой вечер Туз был тихим и спокойным. И вы наверняка подумали, что это бедное, жалкое, незащитное существо и есть тот настоящий Туз, однако вы глубоко ошиблись. Таким бедолагой он был только в моих руках, как сильно нашкодивший мальчуган. Но как только он оказался в руках чужого, потенциального недоброжелателя, вся его невинность испарилась как дым. В мгновение ока он превратился в сущего дьявола.

На следующий день, встретив соседа, я спросил его о случившемся. Оказывается, как только он взял Туза в руки и понёс, пёс не стал безропотно ждать. Изловчившись, он чуть не полосонул соседа по руке своими клыками. И тому не оставалось ничего другого, как избавиться от такой тварюги как можно быстрее. А Тузу только этого и надо было. Выскользнув из рук своего врага, он, как говорится, «был таков».

Но собачий век короток. Тем более у таких псов как Туз, которые ведут экстремальный образ жизни. После этого случая он так и не дожид до лета. Свой фатальный конец он встретил ранней весной. Во многом в этом, наверное, виноват и я, со своей безалаберностью и безответственностью. Но угрызений совести я не чувствую, так как в то время у меня и без него хватало всяких житейских проблем.

После всех этих происшествий я стал чаще садить Тузика на цепь, которую прикреплял к доске забора, забив туда парочку гвоздей. Но Туз не сидел на месте, он всегда на кого-нибудь лаял, рвался с цепи. Естественно, загнутые гвозди рано или поздно разгибались, и Туз оказывался на свободе, волоча за собой цепь. Это обстоятельство и оказалось роковым для бедолаги Тузика.

Забор мой представлял собой деревянную стенку, сколоченную из «карандашей». Поясню, что это такое. В нашем городке находилась небольшая фабрика, на которой делали юрты. А для деревянных конструкций юрты обычно использовали осину или берёзу – в виде небольших брёвнышек полтора метра высотой. Кору и верхний слой снимали, а деловая древесина шла на изготовление шпона. После всех этих действий оставались круглые, как карандаши, брёвнышки. Местные жители использовали их как материал для своих заборов, предварительно распилив на тонкие доски. Такой же забор был и у меня. В одном месте у этого забора находились скрученные в большие рулоны тюки соломы. И, забравшись на них, любой мог перемахнуть через забор. Это обстоятельство стало вторым в череде трагических совпадений, приведших Тузика к роковой черте.

Однажды, ранней весной, когда днём ярко светит солнце и бывает довольно тепло, а ночью ещё держатся крепкие морозы, я утром, как обычно, вышел на улицу. Было прохладно. Я посмотрел по сторонам, и к своему удивлению не застал Тузика на своём месте. Эта подозрительная тишина меня сразу насторожила. Я обошёл все закоулки, где мог бы находиться Туз. Но его нигде не было. Волнение моё нарастало. Я ещё раз внимательно осмотрел всё кругом, но так и не нашёл его.

Решил посмотреть на улице. Открыв калитку, я вышел. Улица была пуста. Я несколько раз свистнул, подзывая Тузика. Тишина поглотила свист. Я повернулся и направился к дому. И тут случайно мой взгляд скользнул вдоль забора и застыл. Я увидел его. На тёмно-сером фоне забора висел безмолвный Тузик. Трагическая, нелепая смерть оборвала его жизнь.

Видно, ночью, сорвав цепь с гвоздей, Тузик, как обычно, без страха и сомнений ринулся навстречу своей судьбе. Вскочив на солому, он прыгнул через забор. Но предательская цепь застряла между досками, и Туз повис в воздухе. Но он не сдавался до последнего. Весь забор в этом месте был исцарапан его когтями и искусан. Но борьба была неравной.

Я похоронил его там же, недалеко от места гибели. Моя маленькая дочь плакала на его могиле навзрыд. Мне стоило немалых сил успокоить её и увести домой.

г. Талдыкорган.

Валерий ЦУРКАН

Монумент

Рассказ

С Ленцем Скороходом я познакомился, когда мне стукнуло пятнадцать лет. И не просто стукнуло, а пришибло основательно, в таких условиях оказался в день своего пятнадцатилетия. Я остался совсем один, без жилья, без гроша в кармане, на чужой планете.

К началу двадцать третьего века старушка Земля превратилась в настоящий гадюшник. Люди насиловали природу, она отвечала им тем же. Население росло, еды на всех не хватало и это, конечно, не способствовало улучшению нравственного климата. Если кто-нибудь, подкравшись сзади, долбанул вас дрыном по затылку и забрал продуктовую карту, знайте – это может быть только землянин.

Мой отец имел неосторожность родиться в Москве, но когда ему исполнилось двадцать лет, он исправил эту ошибку. Купил билет на Марс, истратив всё своё состояние, нажитое тяжёлым трудом за пять лет работы портовым грузчиком. Денег хватило только на почтовый транспорт, и ему пришлось лететь в скучном обществе мешков и коробок.

С головой у папаши было всё в порядке, и на Марсе он неплохо устроился. Начав с простого торговца синтезированной пищей, мой предприимчивый предок накопил немного денег, пустил их в оборот и солидно поднаварился на перепродаже бытовых киборгов. Выкупив фирму своего работодателя, он её расширил, но вскоре понял, что в ней ему уже тесновато. Мой будущий родитель построил фабрику, на которой стал выпаривать воду из метеоритного льда. Некоторое время спустя папа уже был монополистом – вся питьевая вода на Марсе разливалась в ёмкости с лейблом «Сорокин и Компания». Потом он женился и произвёл меня, и, как говорил впоследствии, товар вышел на славу при весьма низкой себестоимости.

В конце концов, его заела тоска по родине, он передал дела своему помощнику, которому, как ему думалось, можно было доверять, и мы всей семьёй полетели на Землю. Дядя Юз ввязался в какие-то махинации, в результате чего компанию отца продали с молотка.

Отец признал себя банкротом. Ранним майским утром, когда пелена смога опускается на город, он вышел на балкон семидесятого этажа в последний раз полюбоваться видом на Кремль и исчезающую в синеватой дымке Москву-реку. Я не знал, что у него есть пистолет. Робот-уборщик

**Валерий
ЦУРКАН**

родился в семье геологов в Казахстане в окрестностях Алма-Аты, жил в Джамбулской, Карагандинской и Чимкентской областях, затем в Ташкенте. Ныне проживает в г. Сызрани Самарской области. Его рассказы публиковались в сетевом журнале «Магия ПК», сборнике «Звёзды Внеземья 2008», в журналах «Искатель», «Очевидное и Невероятное», «Знание – сила. Фантастика», «Уфо» и т.д. Редактор сетевого журнала «Разноцвет». В «Ниве» печатался в 2010 г. (№ 12) и в 2011 г. (№ 10).

долго соскребал его мозги со стены. Мать умерла два месяца спустя то ли от болезни, то ли от горя, то ли от страха перед тяготами предстоящей нищеты. Когда платить за номер стало нечем, меня вытурили из гостиницы, и я оказался на улице. Жить было негде, есть было нечего, а растущий организм тринадцатилетнего мальчишки нуждался в хорошей поддержке. Я привык каждый день по два раза принимать душ, съедать по две порции настоящего мясного супа на обед и ужин и пить кофе на завтрак. Но приходилось спать под мостами у вонючей реки и питаться отбросами.

На работу меня никто не брал – на Земле было полным-полно дешёвой рабочей силы. А с малолетним мигрантом, у которого к тому времени была просрочена туристическая виза, связываться никто не хотел.

Зверский голод терзал меня и днём, и ночью. Первую кражу я совершил в гипермаркете, невдалеке от гостиницы «Интерпланет». И сразу же, как неопытный дебютант, попался. Содержать меня в городской тюрьме не собирались, депортировать на Марс тоже, и через месяц я был на свободе. Два года я этим и существовал. Пожив месяц-другой на улице, я устраивал себе каникулы. За украденный кусок хлеба меня сажали в кутузку, и пару месяцев о пропитании можно было не думать. Но потом полиция сменила тактику. В очередной раз попавшись на воровстве, я рассчитывал отдохнуть на нарах и поесть дармового хлеба. Но патрульные, поймавшие меня, не позволили моей мечте воплотиться в жизнь. Они попросту отметили меня и, оттащив в сторонку, бросили у мусорного контейнера.

Я лежал рядом с отходами, источавшими одуряющий аромат, в котором, если разобрать его на составляющие, можно заметить довольно приятные запахи искусственных яблок, груш и других фруктов. По отдельности они отлично пахнут, но стоит всё это смешать, дать немножко подгнить под ярким солнцем – и получается вонь городской мусорки. Неповторимый, незабываемый запах, преследующий меня в последние два года. Настолько противный, что ни один уважающий себя бомж не станет копаться в этой куче отбросов, разве что кто-нибудь из начинающих.

Я лежал и печальными глазами смотрел в небо, затянутое пеленой дыма. Мне было о чём печалиться. Хотелось есть, всё тело ломило от боли, и не было сил подняться на ноги.

– Эй, паренёк, ты кто такой?

Надо мной склонился высокий и широкий в плечах дядька лет сорока, одетый по последней моде вольных торговцев. Лёгкая клетчатая рубашка, штаны с десятком накладных карманов и тяжёлые ботинки. Его короткоостриженная голова приблизилась к моему лицу.

– Тебе-то какое дело? – огрызнулся я. – Лежу, никого не трогаю.

Он пожал плечами.

– Я тут подумал, может быть, ты поесть хочешь?

Я ухмыльнулся.

– Поесть я никогда не против. Да кто же меня накормит?

Вольный торговец помог мне подняться, отряхнул от пыли мою потрёпанную куртку и протёртые до дыр штаны.

– Меня зовут Ленц Скороход, – сказал он, и я вспомнил, что где-то слышал это имя. – У меня не так уж много времени, и если желаешь перекусить, то иди за мной.

– Ты бесплатно накормишь меня? – недоверчиво спросил я.

«Бесплатно» и «еда» – это были два волшебных слова, с помощью которых меня можно ввести в гипнотический транс.

Ленц хлопнул меня по плечу, едва не сбив с ног.

– Бесплатных обедов не бывает. Ответишь на пару вопросов, и мы в расчёте!

Мы вошли в недорогое кафе, из дверей которого меня не раз выволакивали за уши полисмены и пинками вышибали охранники. Бармен за стойкой, похожий на вопросительный знак, злобным взглядом посмотрел на меня, но, увидев, что я с вольным торговцем, промолчал. С вольными все предпочитали обходиться вежливо, наслушавшись об их крутом нраве.

К нашему столику подкатил сияющий никелем киборг и принял заказ – два псевдобифштекса и две бутылки пива. Спустя минуту напитки и закуска были на столе. Не успел я проглотить первый кусок искусственного мяса, Ленц задал обещанный вопрос.

– Ты случайно не встречал здесь паренька-марсианина? Его зовут Игнат Сорокин.

Когда незнакомый человек называет твоё имя, да ещё спрашивает, где тебя можно найти, есть риск подавиться куском псевдобифштекса. Я закашлялся и облился соусом. Если бы он сказал мне это два года назад, я заорал бы от радости, но теперь я стал осторожным. Открываться первому встречному, который ищет меня неизвестно для чего, я побоялся. Но и ответить отрицательно – значит остаться голодным. Я решил поиграть со своим новым знакомым и разузнать, чего ему от меня нужно.

– Кажется, я с ним встречался, – ответил я, проглотив огромный кусок мяса. – Такой высокий, светловолосый?

Ленц пожал плечами и глотнул пива.

– Не знаю, у меня нет его снимков.

– Зачем он тебе? Он вор, как и я. Если сейчас не в тюрьме, то делает всё возможное, чтобы туда попасть. Может быть, сегодня я с ним встречусь.

– Скажи, чтобы он нашёл меня, вот моя визитка, – Ленц протянул мне пластиковую карточку. – Пусть он меня не боится. Я был хорошим другом его отца.

Визитку я взял, но знакомить Ленца с Игнатом Сорокиным, то есть с самим собой, не торопился. Мне нужно было время, чтобы разведать о вольном торговце всё, что только можно вытянуть из таких же, как я, бездомных ребят. И понять, почему его имя так знакомо звучит.

– С Луны свалился? – сказал мне первый попавшийся бродяга. – Ленц Скороход? Да это же самый известный звёздный торгаш! «Скороход», это один из лучших звездолётов подобного класса, стоит сейчас в порту. Я летал на таком, пока меня не выгнали за воровство.

И я вспомнил, где слышал это имя. Когда мы с отцом жили на Марсе, имя Ленца Скорохода было на слуху, о нём то и дело появлялись сообщения. Но я никогда не видел его рядом с отцом, а торговец говорит, что они были друзьями.

Узнал я так же и то, что он покинул Землю около двадцати лет назад, года три провёл на Марсе и, разбогатев там, арендовал звездолёт и ушёл в свободную торговлю. Спустя пять лет он выкупил «Скороход» у прежнего владельца, обновил систему гиперпрыжка и продолжил заниматься торговлей.

Три дня я морочил Ленцу голову, обещая устроить встречу, на четвёртый решил открыться. Никак не мог понять, для чего я ему нужен, но если у него имеются материальные вопросы к моему отцу, то мне бояться нечего – с меня ничего не возьмёшь. А отрабатывать отцовские долги я был бы только рад – хоть хлеб воровать не придётся.

– Ладно, – сказал я ему. – Открою тебе правду. Игнат Сорокин – это я.

– Я так и думал, – ответил Ленц. – Вчера я раздобыл твою фотографию двухлетней давности, ты очень изменился с тех пор. И теперь у меня нет сомнений. Собирайся, мы отправляемся на «Скороход». Ты зачислен в команду. Звездолёт вылетает завтра в шесть утра.

– Ленц, можно задать один вопрос? – спросил я и получил утвердительный кивок в ответ. – Ты говорил, что был другом моего отца. Это правда? Я тебя совсем не помню.

Мы шли в сторону космопорта, Ленц положил руку на моё плечо.

– Мы с твоим отцом познакомились на Марсе, и работали там вместе. Когда пошли хорошие деньги с продажи воды, я выбрал романтику Космоса, а он решил остаться на планете. Перед смертью он послал мне сообщение, в котором просил, чтобы я позаботился о его семье. Но в то время у меня были большие проблемы с земной таможней, так что я не мог даже близко сюда подобраться. Но теперь тебе нечего опасаться.

В моей жизни произошла ещё одна перемена, на этот раз со знаком «плюс». Сработал простой арифметический закон жизни – слишком много минусов обязательно трансформируются в плюс. Кто-то там, на небесах, снова перетасовал колоду и сдал карты. В моих руках оказались пять козырных тузов и три джокера, я решил воспользоваться ситуацией и сыграть. Впрочем, выбора у меня не оставалось – Ленц взял меня в тиски, и вырваться при всём желании я бы не смог. Он обещал отцу, что позаботится обо мне, и, пусть с опозданием, но выполнил своё обещание.

Звездолёт был похож на готовую к прыжку лягушку. Если кто-нибудь станет рассказывать вам сказки о белоснежных лайнерах, бороздящих космическое пространство, – не верьте. Даже пассажирские звездолёты, даже спейс-яхты олигархов снаружи ничем не отличаются от угольщика. Корпус «Скорохода» обгорал в атмосферах разных планет, и этот загар не смоемся никакими дождями.

В тот же вечер с меня смыли грязь московских улиц и одели в красивую и удобную униформу вольного торговца. Это были не рубашка в крупную клетку и свободного покроя штаны, в которых вольные красовались в

портовых барах. Настоящая униформа – с нашивками, шевронами, звёздочками и кокардой на кепи. Запах чистой одежды напомнил мне о матери, и я едва не расплакался.

Меня накормили, и после ужина я познакомился с помощником Ленца, навигатором Ченом, китайцем венерианского происхождения.

– Он будет работать с тобой, – сказал ему Ленц. – Ты откроешь ему все свои приёмы, ты обучишь его азам своей науки.

Чен задал мне несколько профессиональных вопросов и философски заключил:

– Мой дед был навигатором. Мой отец был навигатором. Мои девять двоюродных братьев тоже навигаторы. У нас, можно сказать, клан навигаторов. Когда мне было восемь лет, отец лупил меня, если я не отвечал на один из вопросов, которые сейчас были заданы тебе. Вывод делай сам.

– Китайская мудрость, да? – спросил я его. – По-твоему, меня полагаются убить на месте? Ведь мне давно не восемь лет, и я не то что не смог ответить на твои вопросы, я даже смысла их не понял.

Чен, сощурился и без того узкие глаза, усмехнулся и сказал мне:

– Придётся тебя обучать, – он вопросительно посмотрел на Ленца. – Ведь придётся?

Ленц подтвердил его опасение.

– Через месяц он будет готов к поступлению в школу навигаторов, – Чен заулыбался, будто получил бесплатный обед.

Ранним утром лягушонок по имени «Скороход» подпрыгнул до орбиты и, совершив пару оборотов вокруг Земли, взял курс на знойный Меркурий.

– Я, конечно, понимаю, всем хочется отправиться куда-нибудь в другую галактику, – говорил по громкой связи Ленц, вглядываясь в экраны, где кроме черноты, испещрённой светляками звёзд, ничего не было видно. – Всем хочется снова вырваться из тесноты Солнечной системы, полететь куда глаза глядят! Отработаем этот контракт и уйдём в долгий и более интересный рейс. Клянусь своей будущей лысиной, нам всем поставят памятник из чистого золота!

Вообще, впоследствии я часто слышал от Ленца эту фразу. То ли он шутил, то ли действительно мечтал о памятнике, изображающем его со своей командой на фоне «Скорохода».

– Поставят нам памятник, как же! – бурчал Чен, склонивший голову над электронной картой Солнечной системы, разделённой на множество секторов. В одном из них пульсирующе светилась маленькая точка, отдаляющаяся от Земли.

Я стоял за спинкой кресла и через плечо наблюдал за его быстрыми пальцами. Мне было непонятно, что значат эти хаотичные переключения тумблеров. Но я надеялся, что когда-нибудь буду так же непринуждённо манипулировать этими таинственными кнопками и рычажками.

Чен повернулся ко мне и с лёгкой полуулыбкой заметил:

– Этой тягомотиной тебе придётся заниматься ежедневно, если ты выберешь профессию навигатора. Не слушай никого, когда тебе станут вешать на уши лапшу о романтике. Никакой романтики я в этом не вижу. Понятно?

– Понятно, – со вздохом ответил я.

– Раз ты такой смывшлёный, то идём играть в карты. Автоматика доведёт «Скороход» до Меркурия, мы понадобится лишь перед посадкой. Наша основная работа проводится перед стартом, мы должны рассчитать траекторию пространственного полёта и гиперпрыжка, а всё остальное – за автоматами.

Меня научили играть в звёздный покер. За два дня полёта я проиграл месячное жалованье, а потом половину отыграл.

На Меркурии я думал выйти на поверхность и побродить по космопорту, но Ленц никого не выпустил. Мы быстро разгрузились, взяли новый груз и отправились на Венеру. Там было то же самое, что и на Меркурии. Киборги с коробками сновали по трапам, перетаскивая товар, потом забили трюмы «Скорохода» рудой, и мы полетели на Сатурн.

За месяц мы два раза побывали на Венере, три раза на Меркурии и четыре раза на Сатурне. «Скороход» летал между этими планетами, как пчела промеж цветов. Ленц называл эти рейсы тараканьими бегами, ведь он больше привык к межзвёздным перелётам. Но раз подписал контракт, то надо было его отрабатывать.

Обычно «Скороход» ходил по таким маршрутам, по каким осмеливались летать лишь такие же, как и Ленц, волки-одиночки из вольных торговцев. Торговые корпорации в эти отдалённые уголки Вселенной старались не лезть даже с эскортом из боевых крейсеров.

– Последний рейс по Солнечной системе, и надоевший контракт закончен! – объявил как-то Ленц. – Я уже почти договорился с одним дельцом, махнём в созвездие Ворона. Скучать не придётся, я вас уверяю.

Я был рад больше всех. Ещё бы! Пройти легендарным маршрутом Ленца и Чена, который они проторили лет десять назад! Увидеть звёзды, которые отсюда и в самый мощный телескоп не разглядеть! Скоро мы долетим до Нептуна, а там «Скороход» загрузится по самое не могу, и мы уйдём в дальнее плавание! Я чуть не бросился обнимать Ленца от наплыва чувств.

– А тебе, Игнат, придётся немного пожить на Плутоне, – охладил он меня. – Я уже подал заявку в школу навигаторов. Чену нужен толковый помощник.

Я был так расстроен, что даже не заметил, как оказался пассажиром лайнера «Звезда», следующего маршрутом Нептун – Плутон. А «Скороход» растаял в черноте Космоса, оставив меня в одиночестве.

В школе навигаторов ко мне относились с уважением, ведь меня направил сюда сам Ленц Скороход, а он не станет рекомендовать кого попало. Это было лучшее учебное заведение подобного рода в Солнечной системе, и без его протекции меня бы не приняли. Мне не очень-то хочется вспоминать о годах учёбы – ничего интересного там не происходило, а рассказывать, как я сутками корпел над математическими расчётами, мне абсолютно не интересно. А если кто захочет узнать – каково это, пусть летит туда и попробует поступить сам. Или хотя бы попытается разобраться в названиях учебных приложений, которыми нас пичкали по десять раз в день. В общем, эту школу смогли закончить только законченные (простите

за каламбур!) романтики космоса и такие бедолаги, как я, которым некогда было деваться.

В эти пять лет не произошло решительно ничего примечательного, кроме того, что я вырос и превратился в статного молодого человека с модной на Плутоне остренькой бородкой. Ещё одна перемена касалась моих мыслей. Теперь я не думал, а высчитывал ходы – каждодневные навигационные вычисления научили меня видеть окружающий мир в системе координат. Чтобы, например, взять бокал пива со стойки бара, я мысленно называл его координаты (причём делал это чисто автоматически), и только потом моя рука приходила в движение и дотягивалась до него. Но стоило мне покинуть школу, это стало проходить. Да, в том же баре на Плутоне это свойство мне очень пригодилось. Я ждал лайнер до Юпитера, где месяца два спустя должен пришвартоваться «Скороход» с грузом аж со звёздной системы Тринидад. Лайнер задержали, и я, коротая время в баре, с непривычки напился и ввязался в драку с каким-то матросом. Он был на голову выше меня, здоровый такой детина. Я его почти не видел в пьяном дыму, но мысленная сеточка координат помогла мне свалить его тремя точными ударами. Матроса увезли в госпиталь, а со мной провели воспитательную беседу после трёх таблеток реактивного отрезвителя. Оказалось, что каждый выпускник нашей школы в ожидании транспорта напивается в стельку, затевает потасовку и выходит из неё победителем. После процедуры покаяния меня отпустили, я едва не опоздал на свой лайнер.

На Ио, спутнике Юпитера, я ошивался два месяца. По барам ходить опасался. Если на Плутоне я считался выпускником элитной школы, и мне многое могло сойти с рук, то здесь я был всего лишь ещё одним транзитным пассажиром, которого за пьяную драку упрячут в каталажку и не взглянут на диплом с высокими оценками.

Умирая от скуки, я накупил газет и целыми днями лежал в гостиничном номере и просматривал новостные ролики. Изредка появлялись сообщения о Ленце Скороходе. В них говорилось, что «Скороход» потерпел аварию при подлёте к одной из планет Тринидада, попав в плотный метеоритный поток. Но Ленц доставил груз в полной сохранности, подлатал свою посудину, набрал товара и возвращается в Солнечную систему.

Когда «Скороход» вошёл в зону юпитерианского региона, несколько кораблей бросились навстречу. Как я хотел оказаться на одном из них, чтобы первым встретить звездолёт! Я места себе не находил и шатался как неприкаянный по космопорту, каждую минуту поглядывая на часы. Время остановилось, и сдвинуть его с мёртвой точки казалось мне безнадежным делом. Я пытался представить себе, что же чувствовали мои друзья после столь тяжёлого рейса, но картина получалась бледная – нужно самому всё это пережить, чтобы понять. К базе Ио «Скороход» подходил с внушительным эскортом. Когда он опустился на посадочном поле, я увидел, что звездолёт пребывал в плачевном состоянии после прохождения метеоритного потока, и у меня защемило сердце. Сильно же их потрясло!

Ленц и Чен были рады мне, но этот рейс измотал их. Проявление радости, когда я оказался на звездолёте, заключалось во фразе «привет, Игнат!», после чего вся команда впала в продолжительную спячку.

Когда они, отдохнувшие, стали расспрашивать меня о том, как я провёл эти пять лет, то рассказывать, в сущности, было нечего. О чём я мог им рассказать? О том, как днями и ночами корпел над учебным материалом? Они, в свою очередь, тоже неохотно вспоминали о последнем рейсе. Всё, что я смог вытянуть из них, было мне уже известно из новостных роликов.

На ремонт «Скорохода» ушло полтора месяца, после чего мы совершили ничем не примечательный рейс на Меркурий, затем такой же неинтересный полёт на Венеру. На Венере Ленц загрузился товаром, и мы полетели на Марс. Ленц пообещал, что потом мы отправимся куда-нибудь в дальний космос.

– Мы ещё побороздим Вселенную! – говорил он. – Нам ещё памятник поставят!

– Поставят! – скептически отвечал Чен. – Как Гагарину.

Я даже сейчас не могу понять, что это было – просто традиция такая, о памятнике в свою честь говорить, или он на самом деле мечтал об этом. Но памятника Ленц всё же дождался. Не такого, какой хотел, но дождался.

... Итак, мы на Марсе. Пока автоматы занимались разгрузкой, Ленц отпустил меня и Чена погулять по городу. Это был огромный купол, примыкающий к космодрому. Таких стандартных станций по всем планетам Солнечной системы разбросано неизвестно сколько. Мы с отцом жили в Марсограде – городе, связанном со столицей Марса длинной кишкой-коридором, по которой то и дело летали скоростные грузопассажирские транспорты. Здесь, в столице, которая, кстати, так и называется – Столица, обитает около миллиона жителей, а лет сто пятьдесят назад жило всего лишь несколько специалистов. И никакой столицей город ещё не был. Обычная научная станция. Города, как и люди, растут и размножаются.

Все постройки были типовыми, как и на Плутоне, но всё равно, прогуливаясь по закоулкам города, я вспоминал своё детство. Мы с отцом часто бывали в Столице, и я ничего не забыл. Много, конечно, изменилось, но город продолжал напоминать мне беспечное время, проведённое с отцом и матерью. Где-то за этим поворотом должен быть ресторан, хозяином которого был старый еврей. Мы дошли до поворота. Ресторана не было. Я стал расспрашивать прохожих, и один из них сказал, что еврей давно помер, а его дети продали ресторан и улетели на Землю.

К нам подошёл невзрачного вида клерк.

– Простите, а вы за кого голосуете?

– Мы неместные, – вежливо отмахнулся Чен, но взял несколько рекламных дисков.

– О, да у вас демократия? – догадался я.

– Да, у нас демократия! – гордо заявил марсианин. – А вы с какой планеты, если не секрет? На марсианских выборах могут участвовать даже сторонние избиратели.

– Мы вольные торговцы, – сказал Чен. – Мы принадлежим сами себе, наше государство уместается в нашем звездолёте.

– Вы, наверно, со «Скорохода»? Как интересно!

– Ничего интересного, – пробурчал Чен. – Прожить бы годик без приключений на свою голову, это было бы интересно. Пойдём, Игнат! – он уволок меня в подвернувшийся проход.

– Завтра на главной площади состоится карнавал в честь выборов президента! – прокричал нам в спину этот смешной человек. – Обязательно побывайте на карнавале, вам это надолго запомнится!

Чен волочил меня за собой со скоростью курьерского поезда.

– Не так быстро! – попросил я. – Дай мне не спеша пройти по этим улочкам. Я вспоминаю своё детство, мы с отцом часто здесь бывали.

Чен сбавил скорость и замолчал, не мешая мне. Коридор за коридором врывались в мою голову, распечатывая память. Здесь я однажды заблудился и долго не мог найти отца, а здесь меня поколотили местные мальчишки. Каждый шаг взрывался цветными картинками.

Всё-таки Чен увёл меня на звездолёт. Я вернулся на «Скороход» полный воспоминаниями десятилетней давности. Разгрузка была закончена, команда отдыхала. Ленц ушёл в город договариваться о следующем контракте. Перед уходом он дал нам с Ченом задание – рассчитать траекторию гиперпрыжка до планеты Джабраил, вращающейся вокруг звезды Эдем из созвездия Око Дракона. Именно туда мы должны будем доставить новый груз. Звездолёт за орбитой Марса нырнёт в гиперпространство и выйдет из него за миллион миль от окраины планетарной системы звезды Эдем. Небольшая ошибка в вычислениях, и мы теряем ориентиры и оказываемся неведь где, откуда никогда не выбраться. Или врезаемся в одну из планет Эдемской системы при выходе из подпространства. Или вообще попадаем в другую Вселенную, если таковые существуют. Иные вселенные – древний миф, основанный на куцых знаниях природы вещества. Ведь если существует ноль-пространство, то должны существовать и вселенные, которые оно объединяет, служа коллектором для них. Никто этих миров не встречал. А если кто бывал в них, то остался там навечно. На эти мифические дубль-вселенные списывают все пропавшие без вести звездолёты. Это удобно для тех, кто не желает отвечать за неисправные гиперпространственные генераторы и за ошибки в вычислениях.

К вечеру мы закончили предварительные расчёты для гиперпрыжка. Поздно вечером объявился Ленц и сообщил, что контракт подписан, «Скороход» завтра становится на погрузку и на рассвете следующего дня отчаливает. Я едва его уговорил, чтобы он отпустил меня на карнавал. Он упирался, но Чен замолвил за меня словечко, сказав, что я свою часть работы выполнил, осталось только сверить расчёты.

Остаток вечера, ночь и утро я провёл в предвкушении карнавала – я никогда не бывал на подобных грандиозных праздниках. Ночью мне снились салюты и фейерверки.

Утром я надел выходную форму вольного торговца и ушёл, оставив своих товарищей на звездолёте. Пистолета я брать не хотел, но Ленц настоял на этом, таковы правила. Правила есть правила, тут ничего не поделаешь, и мне пришлось нацепить под китель кобуру с дальнобойным пистолетом.

В городе было полно народу. Праздник начинался. Всюду продавали дешёвые карнавальные костюмы, и я приобрёл мантию и колпак звездочёта. Мне пытались всучить длинный пластиковый телескоп, но в мои планы не входило таскаться по площади с этим тубусом. Я надел мантию и натянул колпак так, что из-под него торчала только моя борода. Золотые звёзды на чёрном фоне – этот наряд явно был мне к лицу. Правда, идти сквозь толпу в колпаке, закрывающем глаза, было неудобно, и я регулярно наступал на ноги разным сказочным персонажам.

Люди вокруг меня веселились, толкались, какой-то средневековый рыцарь больно ткнул меня копьём в зад и, вежливо извинившись, исчез в разноцветной толпе. Кого здесь только не было! Одних только Красных Шапочек разных моделей и покровов я насчитал штук пятьдесят.

Громко играла музыка. Рядом со мной мирно беседовали Сталин, Гитлер, Наполеон и Чингисхан. Демократия! Невдалеке стояли мушкетёры и инопланетные чудища. Чудищам в их громоздких костюмах было жарко, и они постоянно чесались. Одно из них обратилось к мушкетёру с просьбой одолжить на время шпагу и принялось скоблить себе спину.

Вечер начинался, людей становилось всё больше и больше, они мощными потоками выходили из нескольких коридоров. Солнце померкло, сквозь прозрачный купол стали видны звёзды. Где-то высоко зажглись огни, ярко освещая площадь. В разных углах какие-то затейники устраивали всевозможные игрища и конкурсы, меня втянули в хоровод и заставили петь песню, слов которой я не знал. Едва я вырвался из их цепких рук, как меня взяли в оборот два клоуна, с которыми мне пришлось станцевать какой-то диковинный танец.

Но вдруг все игры стихли, и после минутной тишины раздался восторженный глас народа, оглушивший меня. Никогда раньше я не слышал, чтобы люди так фанатично встречали кандидата в президенты.

– Сограждане! – мощные колонки разнесли его голос над площадью. – Я безмерно благодарен вам за доверие, оказанное мне. Когда я стану президентом, то первым делом избавлю вас от безработицы. В этом квартале заканчивается строительство нового завода по переработке метеоритного льда, мы уже начали набирать персонал.

Голос кандидата в президенты показался мне слишком уж знакомым. Я пробился поближе к оратору и всмотрелся в его лицо. Я узнал его! Это был тот самый человек, который оставил меня без родителей, из-за которого я едва не помер с голоду! Это был дядя Юз. Я выхватил у соседа рекламный буклет и, пролистав его, вернул обратно. Меня озаарило. Юзеф Штерн, кандидат в президенты, владелец заводов, газет, пароходов. А главное – владелец фабрик по переработке метеоритного льда, которые по праву принадлежали моему отцу. Бедный мой отец, как сильно он заблуждался, думая, что крах его компании был вызван ошибкой управляющего! Нет! Юзеф всё рассчитал, он сделал это намеренно, он планомерно лишил моего отца всего, что у него было!

Слепая ярость волной окатила меня. Моя рука бессознательно выхватила из-под мантии пистолет и направила его на будущего президента,

а палец несколько раз нажал на спуск. Недоговорив фразу, Штерн покачнулся, схватился руками за грудь и повис на тумбе с разложенными листками бумаги. Листки вспорхнули, как испуганные бабочки, и разлетелись в разные стороны. Стало тихо.

Вокруг меня образовалось свободное пространство. Люди смотрели на меня кто с удивлением, кто со страхом. Они ещё не поняли, что произошло. Первым опомнился Гитлер.

– Вот он! – он показал на меня пальцем, усики его дрожали. – Этот звездочёт, держите его!

Он бросился на меня, но натолкнулся на мой кулак. Размахивая пистолетом, я проторил дорогу к выходу и побежал по коридору, который вёл к стартовой площадке. В голове моей стоял туман, я не соображал, куда и зачем бегу. Кто-то схватил меня за полу плаща и сорвал его с моих плеч.

– Это торговец! – услышал я за спиной.

– Торговец со «Скорохода»!

– «Скороход»! «Скороход»! – раздавались крики позади меня.

Я добежал до коридора и увидел, что на меня несутся трое рослых полицейских. Машинально ударил первого пистолетом под дых, и он свалился на пол. Подхватив его дубинку и размахивая ею, я ракетой пролетел между двух его товарищей. Пробежав несколько метров по коридору, свернул в боковое ответвление. Несколько раз спотыкался и падал, но вскакивал и бежал дальше. В конце концов, преследователи от меня отстали, а сам я заблудился в хитросплетениях марсианских коридоров. Я нашёл какой-то тёмный закуток, что-то вроде рабочей подсобки, и упал на пол, не в силах перевести дыхание.

Отдохнув минут десять, я смог, наконец, оценить ситуацию, в которую попал. Что же я натворил! Я убил человека! Ведь не хотел же брать этот чёртов пистолет! Я со злостью отбросил оружие, и оно, глухо ударившись о стену, упало в какую-то коробку. Что же мне теперь делать? Как пробраться на «Скороход»? Да нет, теперь о «Скороходе» и думать нечего! Нужно переждать, пока уляжется шум, но к тому времени «Скороход» уже улетит.

«Скороход» стартует завтра утром. Может быть, стоит попробовать проникнуть на него этой ночью? И тут вдруг я понял – если всем известно, что Штерна убил человек из экипажа «Сорохода», то Ленц попытается улететь прямо сейчас! Одно из двух – или он улетит сегодня, или его задержат здесь надолго.

Я вдруг вспомнил наши с Ченом расчёты гиперпрыжка. И только сейчас заметил, что в мои вычисления закралась ошибка. А если «Скороход» вылетит именно сейчас, то у Чена не будет времени перепроверить наши записи! Гиперпространство ошибок не прощает, я должен сообщить им об ошибке, чего бы мне это ни стоило!

Я пошарил рукой в коробке и нашёл упавший в неё пистолет. Там же лежал чей-то грязный комбинезон. Не долго думая, я натянул его поверх своей униформы. Приоткрыв дверь подсобки, я осторожно выглянул в коридор. Никого не было. Вспомнить бы дорогу, я бежал такими лабиринтами, что немудрено было заблудиться.

Я побежал в обратном направлении, изредка останавливаясь и прислушиваясь к звукам в коридоре. Наверняка это были коридоры, по которым к космопорту подвозили грузы. Раза два, услышав чьи-то голоса, я успевал прятаться в боковых ответвлениях.

Наконец, я добрался до основного терминала, связанного со стартовой площадкой. И, едва повернув в него, увидел толпу полицейских, кучкой стоявших у входа в тот самый рукав, который вёл к «Скороходу».

– Откройте входной люк! – говорил один из них в мегафон. – «Скороход» не сможет взлететь, на орбите его ждут два боевых крейсера, которые разобьют его при попытке старта!

Я натянул на голову капюшон и вцепился в попавшуюся под руки тележку, нагруженную какими-то тубиками. Медленно стал приближаться к толпе полицейских.

– Стой! Куда?

– Провиант для «Скорохода»! – ответил я.

– Ты что, ничего не слышал? Сюда нельзя!

Я продолжал медленно приближаться к ним, стараясь не делать резких движений – они были на взводе.

– У нас на складе киборг сломался, мне велели отвезти это на борт «Скорохода».

– Стоять на месте! – завизжал полицейский, но я не остановился.

Он вытащил из кобуры пистолет и направил его на меня.

– Ты что, глухой? Остановись немедленно, или я стреляю.

Я подошёл к ним уже достаточно близко. Резко толкнув тележку, я сбил с ног полицейского, затем подлетел ко второму и выхватил у него из рук мегафон.

– Чен!!! – закричал я что было сил. – Ошибка в расчётах! Проверь...

Несколько пуль вонзились в мою спину. Падая, я смог только прошептать:

– Проверь... проверь... проверь... ошибка...

Пистолет мне так и не пригодился, да я и не хотел больше стрелять в людей. Ведь это чертовски больно!

... В себя я пришёл в тюремном госпитале. Сознание было затуманено. Вокруг меня хлопотали роботы-хирурги, только что закончившие операцию. Я увидел, как один из них выбрасывает в урну пули. Заметив, что я открыл глаза, другой киборг подкатил ко мне и вкатил в мою вену какое-то зелье, от которого мне стало хорошо, и я снова уснул.

Когда мне стало лучше, в мою палату ввели капитана полиции, и он провёл допрос.

– Кто заказал вам убить Юзефа Штерна? – спросил он.

– Никто, – ответил я.

– Как вы мотивируете это убийство? – продолжал капитан.

– Личные мотивы, – сказал я.

– Никакой политики? – недоверчиво спросил он.

– Политика тут ни при чём.

– Каковы же мотивы?

– Если даже я и расскажу вам, вы всё равно не поверите.

– Рассказывайте. Учтите, что каждое ваше слово будет запротоколировано. Поэтому лгать я вам не советую.

Я выложил ему всё. Кто я, кем был мой отец, что сделал Юзеф Штерн с моей семьёй.

– Вы должны были рассказать об этом прессе, вместо того чтобы совершать преступление, – заметил капитан.

– И кто бы мне поверил? Вот вы, например, верите этому?

Он промолчал. Я расписался в документах, он спрятал их в кейс и ушёл.

Решением суда мне дали пять лет по марсианским законам. Адвокат скостил год, ссылаясь на то, что, увидев человека, из-за которого погибли мои родители, а я сам вынужден был нищенствовать на чужой планете, я впал в состояние аффекта.

Меня переправили в тюрьму на Фобосе, где я и должен был провести оставшиеся три с половиной года. Там мне разрешили наблюдать за новостями, и я узнал, что «Скороход» стартовал сразу же после событий на карнавале, был обстрелян на орбите двумя крейсерами, сильно повреждён, но успел уйти в подпространство и пропал без вести. До Джабраила звездолёт не добрался, и никому не известно, в какой части Вселенной он оказался. Он просто исчез. И я знал, что это случилось исключительно по моей вине. Если бы не эта спешка, вызванная убийством Штерна, то Чен успел бы обнаружить ошибку в расчётах гиперпрыжка. Звездолёт пропал, и один только я мог догадаться, где его можно найти. У меня была хорошая память на цифры, и я помнил все координаты, которые мы с Ченом записывали в тот день. Я раздобыл звёздную карту и стал думать, где мог оказаться звездолёт Ленца. Прележав без сна несколько ночей, я вычислил место, где следует их искать. «Скороход» не может быть на Джабраиле. По тем ошибочным расчётам, что делал я вместе с Ченом, он должен был в режиме гиперпрыжка пройти сквозь систему звезды Эдем и вынырнуть в центре системы Дельты Хвоста Дракона. Планетарная система к жизни непригодна, поэтому туда редко кто заходил. Я узнал расположение планет на расчётное время выхода из гиперпрыжка и вычислил планету, с которой звездолёт просто не мог не столкнуться. Это была планета с грустным названием Уныние.

Адвокат навещал меня ещё несколько раз. В результате этого по его совету я подал заявление в суд на покойного Штерна.

Год спустя он по секрету сказал мне, что заводы, принадлежавшие раньше отцу, а также всё остальное состояние Штерна, суд, скорее всего, решит передать в мои руки.

– А вам-то это зачем? – спросил я его однажды.

– Я юрист. Закон для меня важнее всего.

Ещё через полгода состоялся суд, и мы выиграли дело.

– У Штерна есть семья? – спросил я судью, когда он зачитывал приговор покойнику.

– Да, – ответил он мне. – У него большая семья.

– В этом случае я отказываюсь от всех фабрик и заводов, которые Штерн обманом отнял у моего отца, – мой адвокат схватился за голову, и я

понял, что для него важнее были не законы, а нажива. – Я не хочу, чтобы кто-то пережил то же, что и я на Земле. Я согласен на половину состояния. И ещё мне нужен звездолёт. Это должен быть грузовик класса А, со сроком эксплуатации не больше двух лет. К моменту моего освобождения он должен стоять на стартовой площадке космодрома Столицы с полной заправкой. Покупку звездолёта и снаряжение произведете за счёт моих денег. Остальное пусть остаётся семье убитого мной Штерна.

На душе стало спокойно. Теперь у меня будет звездолёт, и я смогу найти «Скороход». Не придётся ни перед кем унижаться и ничего не нужно будет объяснять.

... В тюрьме я познакомился с Резаном и со многими другими людьми и понял, что с командой у меня проблем не будет. Я, конечно, не объявлял, что стану набирать экипаж для своего звездолёта, а приглядывался к людям и понравившимся мне предлагал работу после освобождения. Подбирал экипаж из тех, кто закончит свой срок примерно вместе со мной.

– Ты оказался в нужном месте, – часто говорил мне Резан. – Здесь много профессионалов, которые случайно или намеренно преступили закон. Многие в этом раскаялись, вот из них тебе и следует набирать команду. Пусть в твоём экипаже будет лишь один убийца и никаких воров. Лучше уж парочка таких как я, аферистов, чем один вор.

Резан, штурман с одного из боевых крейсеров, попал сюда за то, что избил своего командира – тот отказался вернуть ему карточный долг. Азартные игры – не самый худший порок, а вот врождённое чувство справедливости меня привлекло. Резан стал моим первым помощником. Он и помог мне с подбором людей. Он знал многих матросов и офицеров и хорошо разбирался в людях.

Когда после нашего освобождения команда была в сборе, мой «Скороход» наконец-то покинул Марс. Мне говорили, что нельзя называть звездолёт в честь погибшего судна, но я не был суеверным. Мне говорили, что искать пропавший без вести грузовик – бесполезная трата денег и времени, но я верил в то, что найду Ленца. Я просто обязан был его найти, ведь он же нашёл меня, когда я едва не умирал от голода, холода и регулярных избиений, пусть с опозданием, но нашёл!

Полгода мы кружили по Солнечной, отрабатывая подписанный мной контракт. Я не мог сразу отправиться на поиски Ленца. Главной причиной того, что я не бросился сразу в систему Дельты Хвоста Дракона, было не стеснение в средствах, а то, что я не изучил как следует возможности звездолёта. Необходимо привыкнуть к машине, определить её сильные и слабые стороны, и лишь потом можно было рисковать. Освободившись от обязательств, обкатав как следует звездолёт, мы решились обследовать планетарную систему Дельты Хвоста Дракона. Особенно меня интересовала планета Уныние. Я полагал, что «Скороход» Ленца должен быть именно на этой планете.

Расчёты гиперпрыжка я делал с особой тщательностью, чтобы не произошло ещё одной катастрофы. Если я поставил перед собой цель найти Ленца, то меня искать будет некому.

Во избежание случайных огрехов я вывел «Скороход» за пределы Солнечной системы и лишь потом совершил гиперпрыжок. Какое-то мгновение спустя мы уже были у окраины Дельты Хвоста Дракона. За пару дней мы добрались до Уныния.

«Скороход» повис на орбите, и мы стали изучать планету. На второй день я заметил странный шпиль в центре пустыни. Это был звездолёт Ленца. Он был целым и невредимым, если не считать того, что его носовая часть вместе с жилым отсеком оказалась впаянной в поверхность планеты. И это неудивительно – в гиперпрыжке скорость отсутствует, и звездолёт, вынырнув из гиперпространства, не разбился о планету, а влился в неё. Если бы точка выхода из гиперпространства находилась под поверхностью, то мы бы никогда не нашли «Скорохода».

Покружив над планетой, я принял решение опуститься не遠далеке от металлического монумента. Ленц не раз говорил о памятнике, но он не знал, что воздвигнет этот памятник сам.

Голубое солнце светило холодным ровным светом, тускло отражаясь в обожжённом и отполированном временем металле. Я стоял в тяжёлом скафандре у подножия металлической скалы и, задрав голову, пытался разглядеть её верхушку. На моё плечо легла ладонь Резана.

– Это они? – голос его слегка исказился в повышенном радиационном фоне планеты.

– А кто же ещё?

– М-м-да. Навигатор ошибается только один раз, – медленно произнёс Резан, убрав металлизированную перчатку с моего плеча.

– Но это же была моя ошибка, – с горечью ответил я.

Я взял приготовленную пластину и принялся прикреплять её к монументу. Металл скрипел под плазменным буром, не хотел поддаваться. На каждое отверстие ушло минут по двадцать. Крепкий металл.

Закончив делать дырки, мы закрепили пластину алмазными винтами и отошли от скалы. В каменистой пустыне безводной и лишённой атмосферы планеты эта скала выглядела абстрактно. Толстый цилиндр, расширяющийся кверху, на этом унылом фоне смотрелся, как говорится, ни к селу ни к городу. Не место ему здесь, не здесь он должен находиться. Надпись на пластине была видна с большого расстояния, но можно было ничего не писать – планету Уныние навряд ли кто-нибудь посетит. Она была геологически бедной, здесь нечем поживиться. Только этот металлический монумент и мог привлечь чьё-нибудь внимание.

Мне стало грустно, я так много потерял в своей жизни. Да, моя маленькая жизнь состоит из больших потерь. Нашёл вот этот монумент, но поздно. Очень поздно.

– Пойдём, Игнат? – Резан потянул меня от скалы.

Я послушно пошёл за ним, распахивая инструмент по карманам массивного скафандра. Ещё несколько раз оглянувшись, затем остановился, снял на камеру это памятное место, незаметно для Резана перекрестился и двинулся дальше.

«Скороход» ждал нас, готовый к старту.

Владимир ТРЕТЬЯКОВ

Гороскопофобия

Ненавижу гороскопы! И одновременно боюсь их. Эти чувства настолько сильны, что будь я, скажем, президентом – запретил бы всю эту астрологию, а вместе с ней хиромантию, оккультизм и прочие лженауки по причине их крайней вредности для людей. Они исковеркали мою жизнь и подвергли смятению хуже всякого урагана. Хотя сам во всём виноват, чего уж там. Точно кто-то сказал, что опасно забирать у львицы львёнка, а у женщины её заблуждения.

Началось всё с того, что супруга моя, теперь уже бывшая, увлеклась этой то ли «хи...», то ли «хе...». И не просто так увлеклась, а, что называется, с головой окунулась.

Видит Бог, я терпел все её художества подобно ангелу. Долго терпел. Пока она бегала на заседания своего оккультного кружка, я варил обеды, стирал бельё и даже штопал себе носки. Потом пошло хуже. Начала жена в дом таскать всяких сушёных жаб, маринованных тараканов и прочую нечисть. И всё бы ничего, но запах того зелья, которое она готовила на кухне, обрядившись предварительно в какую-то хламиду, был таким отвратным, что по сравнению с ним амбре отхожего места казались ароматами лучших парфюмерных фирм. Пытался усовестить, мол, не одна живёшь, да какой там! И ещё один бзик у неё появился: скупит все газеты с гороскопами, сядет читать, а у самой на лице мечтательная улыбка идиотки, которой добрые дяди пообещали через год купить «Чупа-чупс».

И вот однажды я не выдержал.

– У мужа, – говорю, – рубашки не глажены, а ты всё в одну точку пялишься. Отомри, мумия!

– Не мешай, – как-то безразлично отвечает она, не меняя при этом выражения лица. – У меня на эту неделю очень хорошее предсказание.

– Ну-ка, дай мне посмотреть, что там эти шизоидные шарлатаны для тебя из пальца высосали, – говорю, беру газету и читаю.

– Так, ага, вот и Тельцы, в смысле, тёлки... «У вас на этой неделе есть великолепная возможность удачно выйти замуж. Не упустите свой шанс». Прочитал я это и смотрю на жену с искренним сожалением.

– Неужели, – говорю я ей, – не понимаешь, что всё это полнейший пурген? Ты на себя в зеркало давно смотрела? Ну, какой в твои тридцать пять, о которых ты всем рассказываешь, может быть удачный брак, а? Ты ведь уже однажды это сделала, и о том, сколько тебе на самом деле, знаю достоверно только я.

Молчит, но продолжает улыбаться, хотя уже не так уверенно, как раньше. Ладно, думаю, у вас своя логика, женская, непонятная нормальным людям, но я против неё применю свою, железную. А сверху ещё бетонными аргументами и фактами приваляю.

– Вот ты мне скажи, – говорю я ей, – на чём основана точность предсказаний в этой самой твоей астрологии?

– На положении звёзд и планет в момент рождения человека, – отвечает она.

– Хорошо, так, значит, ты хочешь сказать, что если, скажем, у шведского короля и нашего алкаша-соседа в один и тот же момент родятся сыновья, то у них будет одинаковая судьба?

– Очень может быть. Королевскому сыну никто не сможет помешать стать алкоголиком и наоборот, то, что сын соседа обязательно повторит путь своего отца – это ещё не факт. Тут всякое может случиться, – отвечает она, но как-то ещё более неуверенно.

И улыбки этой её идиотической на лице уже нет. Сомневается. И тогда я решил пойти в последний и решительный бой. Причём с несвойственным мне доселе цинизмом. Но он здорово помогает в борьбе с предрассудками.

– Сейчас я тебе докажу, – говорю, снимаю телефонную трубку и набираю номер.

– Алло, это морг? Гену пригласите. Генка, привет, это я, Вася. Ну как там у тебя, сегодняшних покойников хватает?

– Ага, – отвечает мой приятель и довольно гыкает при этом. – Тебя только среди них пока нет.

– Дурак ты, – говорю я. – И юморок у тебя соответственный. Ладно, главврач тебе судья. Слушай, Генка, мне твои подопечные нужны.

– Тебе их как, с доставкой на дом или сам за ними припылишь? – отвечает он и опять довольно ржёт.

– Ты меня не понял, – отвечаю я терпеливо. – Лучше возьми свой гробсбук и продиктуй мне даты рождения всех сегодня усопших и причины того, почему они перекинулись.

На том конце провода началось всякое «на кой» да «на что», от которых я удачно отфинтился, надо, мол, и всё тут. Начал мне Генка диктовать. Набралось у него аж восемь трупов.

– Ну-ка, – говорю жене, – давай сюда свой гороскоп. Сейчас я тут все точки над «ё-моё» расставлю. Так, у нас есть две Рыбки, у которых намечалась удачная зарубежная поездка. Одна из них в реке утопла, не доплыла, значит, а другая, бабушка божий одуванчик, отправилась в мир иной по старости лет. В общем, где-то за рубеж, в известном смысле. Дальше идёт Овен, у которого должно быть продвижение по служебной лестнице, многочисленные подарки от коллег. А на деле случился сердечный приступ. Теперь коллеги его точно одарят, а потом по лестнице понесут. Но уже не по служебной, а по обычной, и не вверх, а вниз. А в остальном – всё правильно. Следующий знак – Стрелец. Ему предназначено приятное времяпрепровождение в кругу друзей, а на деле застрелен он в пьяной драке, происшедшей в казино. Очень интересная была компания, да и друзья тоже. Ну что, будем продолжать или же подведём черту?

Тут я глянул на супругу, и говорить мне дальше как-то расхотелось. Смотрела она на меня глазами голодной волчицы, у которой только что отняли её добычу. Понял я, что убедил жену полностью, но палку при этом, похоже, перегнул.

– Что, доказал? – говорит она с максимально возможной злостью. – Гад ты, Вася, похуже всякого Политбюро. Оно нас тоже сколько лет пичкало сказками о светлом будущем, которое уже не за горами, а потом фигу без масла показало и спрыгнуло куда-то в сторону. А мы остались ни при чём и в чём мать родила. Так и ты: когда поженились – такого обещал! Ну и где оно всё, а?! Сейчас и вовсе последнюю мою мечту забрал. Всё, хватит, развожусь с тобой!

И развелась. Буквально на следующий день. А ещё через два зацепил её на улице какой-то иностранный бизнесмен. И не просто так, а влюбился с первого взгляда и без памяти, невзирая ни на что. Одним словом, получилось всё так, как в том гороскопе. Уехала она с ним, а я остался. Теперь даже не знаю, как быть. С одной стороны, понимаю, что опыт мой был чистым, не подкупаешься. А с другой – в любом правиле почти всегда есть исключения. Так что гороскопы я ненавижу, но на всякий случай их почитываю. Глядишь, и у меня что-нибудь удачное совпадёт.

г. Кокчетав.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **И. Н. Юзупанова.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан **В. Р. Гундаревым**
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 12.12.2012 г.

Подписано к печати 17.01.2013 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 209.

Номер набран и свёрстан
в ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.